

**ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«СОЦИУМ»
И
МОСКОВСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПСИХОЛОГИИ И
ПЕДАГОГИКИ**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»
(26.10.2013 г.)**

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ»
(26.10.2013г.)**

г. Москва – 2013

© Центр гуманитарных исследований «Социум»

© Московский научный центр психологии и педагогики

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

УДК 159
ББК Ю88
ISSN: 0869-2321

XIII Международная конференция посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук: Международная научно-практическая конференция, г.Москва, 26.10.2013г. - М.: Центр гуманитарных исследований «Социум».-. 116 стр.

Психология и педагогика: современные вызовы и решения: XV международная научно-практическая конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Москва, 26.10.2013г.- М.: Московский научный центр психологии и педагогики.- 116 стр.

Тираж – 300 шт.

УДК 320
ББК 60
ISSN: 0869-1284

УДК 159
ББК Ю88
ISSN: 0869-2321

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

СОДЕРДАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Агапова Е.А. МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ.....	7
Костин П. А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДЖ. МАК-ТАГГАРТА.	9
Кубская З.О. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СЕРИАЛОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «АЛЬФ»)	14
Lytyuha Y. V. INTERPRETATION IN COGNITIVE ANALYSIS COURSE OF MISUNDERSTANDING CONCEPT	17
Дмитриев О. А. SEMIOTIC NATURE OF COMICS: INTERPLAY OF VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS	20
Соколова К. О. К ПРОБЛЕМЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ И АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В США И КАНАДЕ. КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.	23

ФИЛОЛОГИЯ

Асташова Г.В. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ ЯЗЫКА.	25
Прокопец М.И. ОПТАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР АЛЛЮЗИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА)	28
Куровская О. О. ANGLOPHONE SOCIO-POLITICAL NEOLOGISMS AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO UKRAINIAN.....	30
Норлусенян В. С. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.	34
Петухова Е.В. ПАНТОПОХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	37

Четвертак Е.А. ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США.....	40
Чухна А.В. EUPHEMISMS IN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE AND COMMUNICATION DOCTOR-PATIENT.....	43
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Слуцкий П. А. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ИНФОРМИРУЮЩЕЙ И МОТИВИРУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИЕЙ В БИЗНЕСЕ.....	47
Кадушкин В. Д. «ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛИТОЛОГИИ.....	50
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Ковалёва С.А. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	54
Корольков С.А. ACADEMIC ESTABLISHMENT OF SOCIAL SCIENCE IN THE FRENCH SCHOOL OF SOCIOLOGY	57
Рочева А. Ю. РЕАБИЛИТАЦИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ — НАПРАВЛЕНИЕ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ	61
КУЛЬТУРОЛОГИЯ, РЕЛИГИЕВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Безуглая Р.И. ГЛАМУР КАК ДОМИНАНТНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ...	65
Заболотная А.С. К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КОНЦЕПЦИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ	68
Мирошниченко Ю. С. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ.....	71
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Карасева Т.А. «ПОЛИТИЧЕСКОЕ» В РАБОТАХ Н.И.КАРЕЕВА	74

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ»**

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Банникова М.С.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ОДАРЁННОГО РЕБЁНКА С
ДИСГАРМОНИЧНЫМ ТИПОМ РАЗВИТИЯ 79

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Малафеева Е.Н., Никитина А.А.

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕТЕЙ И
ПОДРОСТКОВ 83

ПЕДАГОГИКА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Кананэу Л. Г.

ПОНЯТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕДАГОГА 87

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хотякова С.С., Палева Е.Н

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИМЕДИА ТЕХНОЛОГИЙ В
ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 91

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА И ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Силинская И.В., Панова С.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА ПОСРЕДСТВОМ
СОТРУДНИЧЕСТВА С СЕМЬЕЙ 95

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ.

Кондрашов М.Н.

ФУНКЦИИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ К
ОРГАНИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКО-КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ШКОЛЬНИКОВ 99

Никитовская Г.В.

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА 101

Шевченко И.В., Шамот С.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ К
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ 105

Зиганшин Ф.Н., Зиганшина С.Ф.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ УЧИТЕЛЯ
НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ 109

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Груздева А.В., Егорова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕТСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ
ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 112

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПОСВЯЩЕННАЯ
ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Агапова Е.А.

доктор философских наук.

*Южный федеральный университет,
факультет философии и культурологии, доцент.*

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ.

Свобода распространения информации, которая была заявлена в 90-х годах в России, явилась основным принципом атомизации общества и установления либерального порядка жизни, таким образом, принятие подобных идей стало культурным и духовным сдвигом колоссального значения. СМИ превращаются в главный инструмент для распространения сообщений, призванных влиять на общественное сознание. По сути СМИ становится своеобразным фильтром, пропускающим идеи, повышая ценность одной и обесценивая другую, поляризуя, таким образом, все поле культуры. Для достижения данных целей существуют методические приемы, такие, как: фабрикация фактов или прямая ложь, отбор событий реальности для сообщений, серая и черная пропаганда, большие психозы, изменение смысла слов и понятий, упрощение и стереотипизация, утверждение и повторение, сенсационность и т.д. Таким образом, одним из важнейших правил манипуляции сознанием является обеспечение тоталитарности воздействия, то есть обеспечение информацией только из полностью контролируемых источников. Для обеспечения иллюзии плюрализма создаются информационные сообщения от разных типов организаций, но формирующих единые стереотипы. «Ненужная» информация замалчивается, поток рекламы разрывает целостное восприятие информации, возникает невозможность анализа и концентрации внимания на серьезном событии. Поток никчемной информации осложняет поиск смысла для индивида. Разновидностью манипуляции является так же придание речи совершенно другого смысла. Из языка исключаются все слова вызывающие отрицательные ассоциации, а вместо них вводятся слова нейтрального толка. Такие политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью терминов, это редко употребляемые или новые слова, смысл которых для большинства неизвестен. Манипуляция сознанием при помощи СМИ, прежде всего, рассчитана на среднего человека носителя потребительской, а не высокой культуры. Хаотизация информации, лишь видимость, СМИ конструируют потоки информации с целью создания нужного владельцам данных СМИ образа действительности. Критерии отбора сообщений опираются на достаточно развитые теории и математический аппарат, так чтобы человек никогда не получал завершеного знания. Все эти методы призваны поддерживать в обществе необходимый уровень нервозности, который снижает способность критически оценивать поступающую информацию и повышает внушаемость. Можно четко сформулировать, что современное общество направленно формирует массового человека, и наконец, сформировался и

доминирующий в массе этого общества образ жизни, который отнюдь не располагает к умственным занятиям, при этом статус образования существенно понизился, об уме человека стали судить исключительно по его материальному достатку. Новые манипуляционные технологии вывели на передний план огромные массы людей – технически вооруженных и духовно обделенных, для которых массовая культура является единственным вариантом культуры, возможным в подобных условиях, а так же специальным средством такой организации этого человека, чтобы он был управляем.

Такое общество легко управляемо, большинство единственной целью и смыслом бытия принимающее только пользу, не способно адекватно анализировать и сопротивляться манипулятивным технологиям.

Необходимо отметить, что управляемое большинство, составляющее большую часть современного общества, сформировалось не спонтанно, в качестве идейной основы выступает философия позитивизма и ключевая идея Г.Спенсера о том, что индивидуализм, конкурентная борьба и выживание наиболее приспособленных необходимы для поступательного движения общества. Все это формирует в сознании человека, что главным критерием его поведения становится успех, а как следствие понимание того, что жестокость мира требует от него такой же жестокости, если он хочет занять в нем достойное место, и никакие морально-этические соображения не должны мешать на пути к славе, богатству, успеху. Человек нивелирует, ту основную черту, которая его отличала от животного, он провозглашает общим законом жизни всеобщую борьбу за выживание, в которой выживает наиболее приспособленный.

Складывается особенный жаргон, который основывается на сознательном смешении и подмене смыслов. Постоянная девальвация смыслов и ценностей делается привычной, и в результате и их исходное значение утрачивается, происходит деформация сознания, переставшего различать действительные ценности и соответствующие им уровни. Такие методы, по мнению Э.Фромма «гораздо безнравственнее непристойной литературы, издание которой наказуемо» [2,с.114]. Доминантой становятся западные ценности, формы жизни, язык, экономика, образование, вследствие этого Россия оказалась втянутой в кризисы и угрозы, которые переживает западный дух. Более того, происходит выхолащивание национальной культуры, языка, что ведет к потере самосознания нации и превращение России в мировую периферию духовная власть, над которой принадлежит Западу. При этом понимание угрозы «порабощения» достаточно большим количеством ученых-обществоведов не влияет на общественное сознание, вследствие апатичности масс нацеленных только на выживание. Трансляция Западом инокультуры не рассматривается, как важнейший идеологический компонент информационной войны. Формируется ложная картина мира, не соответствующая действительности, рассчитанная на эмоциональную реакцию аудитории. Таким образом, манипулятивные возможности активного меньшинства становятся практически не ограниченными, стереотипы и мифы, на которых базируется любая идеология, внедряются в сознание пассивного большинства без ограничения.

Характеристику современной ситуации в России точно выразил А.В. Гулыга в книге «Русская идея и ее творцы»: «Сегодня родина в беде. Как и три с половиной века назад, Россия ввергнута в смуту... В ходу иноземные деньги, на экране – чужая речь... Спасти Россию может только национальное возрождение и сплочение... Необходимо прежде всего возродить единое национальное самосознание, истребленное, задавленное, опозоренное... русская идея укоренена в православии, но говорит философским языком, а поэтому доступна человеку рационалистически мыслящему» [1, с.439-444]. Таким образом, манипуляция сознания, способствует утрате национального самосознания и национальной культуры с ее ценностями и нормами, и ведет к негативной форме глобализации – поглощению национальной культуры России Западом и превращением в сырьевой придаток. Избежать подобных последствий возможно только посредством просвещения и установления цензуры на низкопробный западный «продукт». Возможно, в сложившейся ситуации сдерживающим механизмом может являться цензура противостоящая распаду общества на атомы и поглощению инокультурами без остатка. Последствия цензурных регламентаций для культуры России, как показывает многовековая история, менее губительны, нежели замена ее на изобретение Запада – манипуляцию сознания.

За последние десятилетия произошла подмена культурных ценностей квазиценностями, таким образом, массовизация общества, примитивизация национальной культуры и попытки управления массовым сознанием с целью ориентации его на чуждые и примитивные нормы и ценности, есть результат информационной войны и отсутствия цензуры как противовеса.

Литература:

1. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 2003. С. 439-444.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С.114.

Костин П. А.
*РЭУ им. Г. В. Плеханова,
кафедра философии, ст. преп.*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ДЖ. МАК-ТАГГАРТА.

Дж. Мак-Таггарт (1866 – 1925) – британский мыслитель-идеалист, исследователь философии Гегеля, автор трактата «Природа существования» [7].

Философско-антропологический аспект оригинальной персоналистской системы Мак-Таггарта является одним из важнейших. Мак-Таггарт указывал: «Я верю в то, что всякая часть содержания духа принадлежит какой-либо самости и что ни одна его часть не принадлежит более, чем одной самости, а также в то, что единственными субстанциями являются самости, части самостей и совокупности самостей или частей самостей» [8, р. 273].

Как и большинство представителей персонализма, Мак-Таггарт склонялся к антинатуралистическому, антифизикалистскому истолкованию понятия самости. Существенное отличие британского философа от большинства

персоналистов заключалось в том, что Мак-Таггарт был атеистом, в то время как философы-персоналисты являлись и являются, как правило, представителями теистических направлений. В историко-философской литературе утвердилась точка зрения, согласно которой Мак-Таггарт переосмыслил основные положения британского абсолютного идеализма в духе радикального атеистического персонализма.

Основные положения персонализма Мак-Таггарта тесно связаны с онтологическими постулатами. Быть «в реальности» означает «быть вообще», в подлинном смысле. Быть реальным, по словам Мак-Таггарта, – это до конца не определимое качество существующего. Реальность он также предлагал именовать бытием. Все существующее – с необходимостью реально, в свою очередь реальное не обязательно существует. Однако, мы можем ограничиться изучением природы существующего и отказаться от притязаний постичь реальность в целом, поскольку только существующее имеет для нас практический интерес, полагал мыслитель.

Кембриджский философ признавал, что он не располагает абсолютно достоверным доказательством духовности подлинной реальности. С его точки зрения, абсолютно достоверным могло быть только доказательство от противного, и при получении достоверных отрицательных результатов, доказательство от противного завершается. Например, если доказано положение «Нечто, обладающее качеством X, не может быть реальным», то всякая эмпирическая характеристика, связанная с качеством X, тоже не может быть реальна, так как природу каждой самости определяет совокупность ее характеристик, совокупность присущих ей качеств, простых или составных (сложных).

Итак, самости – это первичные части реальности, согласно Мак-Таггарту. Мыслитель противопоставлял свою антропологическую концепцию учениям о человеке Юма и Брэдли, которые, по его мнению, отрицали реальность существования самости (Я). Если аргументация Юма в связи с решением проблемы существования самости (Я) была тщательно реконструирована, подробно рассмотрена и изучена отечественными историками философии, то относительно взглядов Брэдли на данную проблему этого сказать нельзя. Аргументация Брэдли нечасто освещалась в отечественной литературе. (См., напр.: 1, 2, 4, 5). Можно ли согласиться с Мак-Таггартом, полагавшим, что Брэдли отрицал реальность существования самости (Я)?

Справедливо утверждать, что последний истолковывал это понятие иначе, чем Мак-Таггарт. «Блестящий анализ» проблемы самости в трактате «Явление и реальность» показал, по Мак-Таггарту, что Я (самость) не может быть объектом познания. Брэдли утверждал: то, что становится объектом познания, не может оставаться самостью или ее частью, следовательно, ни одно Я (самость) не может быть объектом своего познания.

«Быть самостью» – простое качество, которое становится нам известно в результате интроспекции. Мак-Таггарт полагал, что мы непременно воспринимаем, по меньшей мере, одну субстанцию, обладающую данным качеством, – самих себя. Решение Мак-Таггартом проблемы интроспекции

имеет большое значение и служит лучшему «пониманию природы духа» [8, р.69]. Философ заявлял: «Если Я может быть познано вообще, то оно должно быть познано посредством осведомленности» [8, р.80]. Он отстаивал этот, с его точки зрения, единственно возможный способ самопознания и полемизировал, в частности, с Расселом, отвергая, в частности, возможность самопознания посредством описания [8, р.70-73]. Если Я не может быть познано только посредством описания, то оно может быть познано через осведомленность, и может быть определено как самость, имеющее качество быть осведомленной.

Самость – более сложный объект для познания, в сравнении, к примеру, с чувственными данными. Части самости (качества и восприятия) отличаются от целого, они «не являются самостями», в то время, как части чувственных данных являются чувственными данными [8, р.80]. Самость может быть осведомлена не только о своем состоянии, но и о состоянии другой самости. Мак-Таггарт так проанализировал ситуацию, в которой некто выносит суждение: если бы мы не были осведомлены о себе самих, то знали бы о выносящем суждение только то, что это «тот, кто выносит суждение... Описание не дает основания отождествить самость, которая имеет состояние, с выносящим суждение» [8, р.80]. Если бы Я могло быть познано только посредством описания, то было бы невозможно знать также, что я осведомлен об этой осведомленности или о чем-либо еще. Если «я осведомлен об X, то лицо, осведомленное об X, и есть лицо, выносящее это суждение», – писал Мак-Таггарт [8, р. 74]. Это нетрудно объяснить в том случае, если лицо, осведомленное об X, осведомлено о своей осведомленности. Из этого вовсе не следует, что осведомленность о своем состоянии – единственный критерий принадлежности этого состояния данной самости. «Самость обладает сознанием, но необязательно обладает самосознанием, иначе мы много раз в день будем терять право называться самостями» [8,р.90]. Мак-Таггарт допускал существование неосознаваемых состояний сознания наряду с осознанными. «Я часто имею состояние (даже состояние сознания), не будучи осведомлен об этом состоянии, и это не делает его менее моим. Некто А мог бы воспринимать состояние некоего В, которое В, возможно, не воспринимает, но оно... было бы состоянием В, а не А» [8, р.77]. Но даже если А не осведомлен об одной из своих характеристик, которая известна В, то из этого не вытекает, что А и В не могут быть осведомлены об одной и той же характеристике, иначе было бы невозможно одному из них сообщить свои мысли другому.

Самости (субстанции) находятся между собой в некоторых отношениях, эти отношения, в свою очередь, имеют качества, отношения существуют и между качествами, и между отношениями. Отношение порождает в каждом из соотнесенных элементов, по крайней мере, качество «быть элементом отношения», новое отношение возникает между качествами и т. д. Эта уходящая в бесконечность серия не порочна логически, ибо характеризует не материальный мир, а духовную реальность.

Две субстанции не могут иметь одну и ту же природу, они неповторимы. Различно их содержание, например, совокупность восприятий данной самости отличается от совокупности восприятий любой другой самости. Различие

между ними может представлять как различие их отношений к другим субстанциям, но может выступать и как различие производных характеристик, порожденных этими отношениями.

Принцип достаточного описания позволяет охарактеризовать субстанцию через ее качества и отношения. Британскому мыслителю вновь удалось избежать сползания в «дурную бесконечность» отношений, благодаря тому, что в его философской системе характеристики одной субстанции связаны с характеристиками другой, если, например, одна субстанция (самость) воспринимает другую. Одни характеристики самости «подразумевают» другие, точнее – остальные, характеристики. Так, если одна субстанция обладает характеристикой X, а другая субстанция, с которой первая находится в определенном отношении, обладает характеристикой Y, то, следовательно, верно, что если имеется X, то будет в наличии Y. Факт, характеризующий данную субстанцию, характеризует и другие субстанции, находящиеся в определенном отношении к данной субстанции.

Описание субстанции (например, субстанции А) подразумевает описание всех групп ее частей. Важным качеством самости как субстанции является восприятие. Восприятие Мак-Таггарт назвал вторичной частью самости. Достаточное описание субстанции – это описание серии частей, подчиняющихся принципу определяющего соответствия. Отношение определяющего соответствия есть отношение, которое характеризуется причинно-следственной связанностью бесконечно дифференцированных «элементов». Отношение это связывает и такие части реальности, как качества и восприятия. Отметим, что вопреки Юму и его последователям, согласно Мак-Таггарту, причинно-следственная связь между качествами и восприятиями может иметь место в материальном мире.

Одно из фундаментальных положений учений Мак-Таггарта – тезис об ирреальности времени. Здесь мы укажем лишь, что кембриджский философ объяснил, почему подлинная вневременная реальность предстает для нас как бы во времени, отличаясь от того, чем она является «на самом деле». Он считал, что ошибочным является восприятие действительности во времени, следствием чего становятся ошибочные суждения о ней. В абсолютной реальности на смену относительному обособлению, разобщенности самостей в нашем мире, воспринимающих его «с точки зрения времени», приходит упорядоченность и гармония. Находясь во вневременной реальности, самости воспринимают друг друга и части самостей «с точки зрения вечности».

Наиболее авторитетный исследователь творчества Мак-Таггарта Ч. Д. Броуд, подчеркнув что выводы философа имели вероятностный характер, выделил два основных философско-антропологических постулата Мак-Таггарта.

Первый постулат – человек (самость) бессмертен, существование человека разделено на «серии» последовательно проходящих жизней. Крайне вероятно, что самость существовала до рождения и будет существовать после смерти тела, полагал автор трактата «Природа существования». Согласно Мак-Таггарту, если мы допускаем возможность сохранения Я в течение жизни, то

можем допустить и его посмертное существование. Таким образом, опыт человека свидетельствует о существовании нашего Я до рождения. Второй постулат – любовь имеет бесконечную ценность и глубочайшее метафизическое значение для человека. Вселенная как она есть, подлинный вневременной Универсум – это упорядоченная группа вечных, делимых до бесконечности духовных субстанций (первичных частей, самостей), связанных отношениями любви [6, р. 73].

Может ли такая Вселенная включать самость, которая была бы богом? Мак-Таггарт ответил отрицательно на этот вопрос. Он пришел к выводу о том, что Бога, сотворившего Вселенную, не существует. Ничто реально не находится во времени, и творение как акт, начинающий время, не могло бы состояться в действительности, даже если бы Бог существовал вне времени. В процессе обоснования собственной атеистической позиции Мак-Таггарт использовал философско-антропологические аргументы, его атеизм подкрепляло специфическое истолкование самости (См., напр.: 5). Согласно Мак-Таггарту, если бы существовал Бог, то и Он, и самости были бы в системе британского философа первичными частями, и самости не могли бы зависеть от Бога в тех случаях, когда он не зависел бы от них. Изъявление воли Бога, как и изъявления воли первичных самостей, относились бы к восприятиям и зависели бы от их объектов, но изъявления воли Бога не должны зависеть от объектов. С «точки зрения времени» все самости должны начать существовать сразу, вместе. К большей упорядоченности и благу Вселенная следует согласно своей внутренней природе, а не божественному плану.

В заключение отметим, что в исследовательской и учебной литературе распространена точка зрения, согласно которой начало XX века ознаменовалось значительным поворотом в западноевропейской философии. Осознание ситуации «кризиса человечества» отразилось в философских сочинениях этого времени: на континенте формировалась новая дисциплина – философская антропология, в доминировавшем британском философском направлении, абсолютном идеализме, обнаружилась «тенденция к персонализму» [5, с.432]. Оригинальное учение Дж. Мак-Таггарта, вклад которого в философию сопоставим, по мнению Ч. Д. Броуда, с вкладом Платона, Спинозы, Гегеля [1, с.88] есть важное свидетельство и одно из интереснейших проявлений «антропологического поворота» философии данной эпохи.

Литература.

1. Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М. Мысль. 1973. 317с.
2. Брэдли Ф. Г. Этические исследования. СПб. РХГИ. 2010. 421с.
3. Киссель М. А. Метафизика в век науки. СПб. Искусство-СПБ. 2002. 304с.
4. Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб. Наука. 2003. 776с.
5. Селиванов Ю. Р. Джон Мактаггарт. // Западная философия XIX века (под ред. А. Ф. Зотова). С. 431-441. М. Высшая школа. 2005. 519с.

6. Broad C. D. Ethics and the history of philosophy. L. 1952.
7. McTaggart J. M. E. The Nature of Existence. V.1. XXI, 310p. V.2. XLVII, 480p. Michigan. Scholarly press. 1968.
8. Mc Taggart J. M. E. Philosophical Studies. L. Arnold. 1934. 292p.

Кубская З.О.
Студентка,
Национальный университет
«Львовская политехника»

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ СЕРИАЛОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «АЛЬФ»)

В статье предложен краткий обзор основных направлений исследований перевода кинофильмов, проанализированы стратегии, к которым чаще всего прибегают при кинопереводе (в частности при переводе американских телесериалов) и проанализированы проблемы, которые возникают при переводе кинотекста и его обработке.

The article focuses on a brief overview of the main directions of film translation.

Strategies which are most often used in film translating (particularly in the translation of U.S. TV serials) were analyzed the. It highlights problems in translation the foreign films into Russian, and its elaboration.

Ключевые слова: переводоведение, киноперевод, стратегия.

С каждым годом киноиндустрия набирает все больше и больше оборотов и, как ни странно, лидером на рынке кинопродукции остаются англоязычные фильмы. Возникает потребность в их надлежащем воспроизведении для иноязычной аудитории, что и является одним самых актуальных вопросов в сфере исследования киноперевода.

Киноперевод более свободный, чем перевод художественного произведения и имеет свои отличительные черты. Перевод фильмов связан как с лингвистическими, так и с определенного рода техническими трудностями, которые могут повлиять на адекватность и эквивалентность перевода и синхронность артикуляции реплик актеров и их дублеров [4, с. 153].

При переводе телесериалов необходимо обратить внимание на такой фактор, как возраст целевой аудитории, ведь основной задачей переводчика является сделать его понятным для зрителя и сохранить замысел оригинала.

Переводчик ограничен в выборе стратегий для передачи реалий, безэквивалентной лексики и интертекстуальных элементов. Переводческий комментарий вводить не допускается, поэтому приходится прибегать к полной замене слов и фраз на реалию страны-реципиента, что не всегда является корректным.

Комиссаров В.Н. в своем труде «Современное переводоведение» отмечает, что «переводческая стратегия – это своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» (надо все делать творчески, т.е. хорошо) [3, с.157].

В.М.Илюхин определяет стратегию в синхронном переводе, как «метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с исходного языка (ИЯ) на переводящий (ПЯ) коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей оратора, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории» [2, с. 5].

Большинство лингвистов выделяет три стратегические подходы к переводу кинофильмов:

1.Перевод-одомашнивание (domestication, naturalisation): его цель заключается в локализации, в то время как переводчик заменяет оригинальные текстовые элементы, которые характерны для культуры оригинала с элементами культуры получателя. Язык стает проще и ближе к целевой культуре – названия вещей, которые являются иностранными, заменяются на эквивалентные, которые легче и лучше усваиваются и потребляются. [5,с. 58],

2.Перевод-очуждения (foreignisation): ориентированный на культуру оригинала, при этом переводчик пытается передать специфические культурные элементы текста оригинала как таковые; благодаря такому переводу зрители пытаются стать носителями другой культуры;

3.Перевод-нейтрализация (neutralisation): переводчик пытается ликвидировать любой след, который бы характеризовал ту или иную культурную общность, ведь "во многих случаях переводчик не имеет другого выбора, чем использовать нейтральный, немаркированный стиль "[6, с. 87]

Рассмотрим данные стратегии на примере перевода американского телесериала «Альф» российской телекомпанией ОРТ.

В традиционном переводе, как правило, имена транскрибируются, или транслитерируются. Однако в некоторых случаях имена могут и переводиться [1, с. 209]. При переводе имен в телесериале «Альф» чаще всего применялась стратегия одомашнивания, так как большинство имен героев в фильме несут в себе определенное семантическое значение. Так как для того чтобы фильм стал полностью понятным, его необходимо максимально приблизить к российскому зрителю.

Для примера оставить имя кота, как Лаки, было бы не логично, ведь его всегда пытался съесть главный герой Альф, и от которого ему всегда везло вырваться. Так как слово Лаки для российского зрителя ничего не значит, только иноязычное название, услышав название кота Счастливчик, у нас сразу появляются определенные ассоциации.

*Например: You can't eat **Lucky**. Не дадим **Счастливчика!***

Так же для примера, при переводе имени одного из героев (Whizzer Deaver), стратегия одомашнивания ни была применена, и оно прозвучало, как Визер Дивер. По содержанию, после того как герой представился, должна была возникнуть юмористическая ситуация, так как *whizzer* на английском означает *центрифуга*, но так как слово «визер» нам ничего не говорило, цель автора не была достигнута.

Стратегия одомашнивания была применена также при переводе реалий, ведь сериал изначально был ориентирован на англоязычного телезрителя, которому близки все культурные особенности данного языка.

Например: предложение: «*If jumping out an airplane at 5000 feet is that important for you*» было переведено как: «*Если прыжок с парашютом с высоты в полтора километра так для тебя важен*».

Стратегия одомашнивания здесь была успешно применена при передаче меры длины фут, так как она является не всем известной, особенно когда сериал смотрят дети.

Данная стратегия также наиболее часто употребляется в телесериале при переводе идиоматических конструкций – они удачно заменены на русские эквиваленты, и при переводе дискурсивных слов.

Ярким примером применения стратегии очуждения в телесериале «Альф» является перевод фразы, которую выкрикнул Альф: *Путешествия Гулливера!*

На языке оригинала она звучала так: *It's Sylvester and Tweety!* То есть речь шла о мультфильме «Сильвестр и Твити».

Даная стратегия была использована, потому что название мультфильма «Сильвестр и Твити» в то время еще не была широко известной в русской среде.

Поэтому переводчик предлагает в русскоязычной версии телесериала свои варианты перевода этой реалии, заменив его на более распространенное название «Приключение Гулливера», которое тоже происходит из англоязычной среды.

Таким образом, акцентирует внимание зрителя на том, что у этого мультфильма англоязычное происхождение.

В диалогах актеров часто встречаются сленговые выражения, с которым постоянно сталкиваются практики аудиовизуального перевода. Хотя существует множество словарей, молодежный сленг настолько быстро меняется, что трудно найти перевод новых сленговых выражений.

Анализируя варианты перевода сленга в русской версии телесериала «Альф», было обнаружено, что в определенных случаях сленгизмы оригинальных диалогов были нейтрализованы при переводе. Однако в переводах фильма есть и прием компенсации – использованные сленговых выражения для перевода нейтральной лексики походной реплики, с целью компенсации нейтрализованных при переводе английских сленгов в других случаях.

Ярким примером нейтрализации в сериале является перевод фразы «*Freeze out the alien*», как «*Инопланетяне не в счет*». Данное выражение можно перевести, как «*Отделаться от пришельца*», ведь это слово не является грубым и сохранило бы эмоциональную окраску разговора.

Фраза " *Did I tell you the mango grove went under?*" не содержит сленга, но в русском дубляже появляется молодежная фраза " *вылетела в трубу* "

Интересным примером компенсации в российском варианте является перевод нейтральной фразы " *I don't wanna get funny looks if I ever go back to my health club?*" как «*Не хочу, чтоб на меня косились когда я приду в спортзал*».

На матери сериала Альф можно сделать выводы, что чаще стратегию одомашнивания используют при переводе имен героев и реалий. Стратегия очуждения использовалась для передачи культурных элементов в тексте

оригинала. В русском варианте дубляжа стратегия нейтрализации и опущение также имеют место, при переводе сленговых единиц, а значит речь героев окрашена большим количеством говоров, в соответствии с оригиналом.

Литература:

1. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / Влахов, С.И.; Флорин, С.П. – М.: Международные отношения, 2002. – 360 с.

2. Илюхин В.М. Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-русской и русско-английской комбинаций перевода): автореф. канд. филол. наук: спец. 10.02.20. / Илюхин Владимир Михайлович. – М.: МГЛУ, 2002. – 24 с.

3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н.Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

4. Скоромыслова Н. В. Теоретический аспект перевода художественных фильмов / Н. В. Скоромыслова // Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. – 2010. – № 1. – С. 153–156.

5. Fong G. S. F. The Two Worlds of Subtitling: The Case of Vulgarisms and Sexually oriented Language / G. S. F. Fong // *Dubbing as Subtitling in a World Context*. – Hong Kong: The Chinese University Press, 2009. – P. 39–61.

6. Nir R. Linguistic and sociolinguistic problems in the translation of imported TV films in Israel / R. Nir // *International Journal of the Sociology of Language*. – 1984. – № 48. – P. 81–97.

Lytyuha Y. V.

*Sumy State University,
student of Faculty of Foreign Philology
and Social Communications*

INTERPRETATION IN COGNITIVE ANALYSIS COURSE OF MISUNDERSTANDING CONCEPT

This article deals with the linguo-cognitive aspects of misunderstanding as interpretation type against the English language background. The research rests on the cognitive-discourse approach towards understanding problems in the discourse comprehension. This perspective provides the study of misunderstanding – in the flow of the English intercourse. The analysis is based on the corpus of dialogic entities taken from the modern English fiction.

Misunderstanding is a communicative cognitive phenomenon, which occurs with a message reception during dialogic interaction between two or more interlocutors. The analysis of the English language dialogical unity, manifesting misunderstanding, proves its existence in two aspects – the communicative and cognitive.

From the cognitive linguistics perspective, misunderstanding is connected with the concept of interpretation – the kind of cognitive activity aimed at finding the meaning of the message. The incorrect interpretative process forms pseudomental discourse representation, create the cognitive prerequisites of misunderstanding as a type of interpretation [4, p. 160].

The misunderstanding reason may be caused by differences in the standard linguistic competence of communication. For instance:

1) in particular, it is a proper perception of the phrase:

- *Do you know what I 'm frightened of?*

- *Some man...*

- *Yes – but I didn't say whom – I said what ... I'm afraid of being killed* (5, p. 49).

In this dialogue the speaker points to the wrong understanding of the question.

2) proper identification and interpretation of ambiguous lexical and structural units, which can be characterized in different ways:

-*Yes, it's my first trip. I'm touring the country by train. The US countryside is beautiful.*

- *It certainly is, especially in my neck of woods. I'm from Alabama. Do you all plan to travel down that way?*

- *No, I'm travelling alone* (7, p. 22).

In this example misunderstanding can be observed because of different interpretations and ambiguity of the word you. In English language there is no differentiation of the personal pronouns of the 2nd person singular and plural, so the misunderstanding appears.

3) the use of the knowledge of semantics, idioms and phraseology of the language:

- *Excuse me... Will we arrive in Chicago at three-thirty?*

- *You got it.*

- *I got what?*

- *You've got the correct information. It's a short way of saying "you're correct"* (7, p. 49).

4) understanding of professionalism, vulgarism, slang:

- *I think we've got floater on our hands, Chief*

- *A floater? What in Christ's name is floater?*

It was a word Hendricks had picked up from his night reading.

- *A drowning, - he said embarrassed* (4, p. 18).

In the last example, the misunderstanding reason is the semantic component. Idiomatic use of *to get* and non-traditional use of the word *floater* instead of the traditional *drowning* (in addition, these lexical units have significant semantic differences) produce peculiar barriers to the way of full understanding.

5) interpreting of the foreign origin words and etc.:

- *I've asked you a question. Who is the boy?*

- *Un monsieur, said Bernadette.*

Did she mean by that an older man, or was Bernadette, in using the word "monsieur" implying a social category? "Quel monsieur?", said Nora. Bernadette shrugged (6, p. 34).

Misunderstanding arises because of discrepancy in perception of the information. Adoption of the given information is singled out as a separate stage. It can be assumed, that misunderstanding, incomplete or improper disclosure of statements can cause the following factors:

1) problem determination of the propositional content of the speech act. The focus becomes a statement that is contained in the communicative message. Just this very constant represents the basis for a model world creation [1, p. 138].

- *I'm gonna need a man with me. I lost my mate, and I wouldn't feel comfortable taking on that big fish without an extra pair of hands.*

- *Lost your mate? What overboard?*

- *No, he quit. He got nerves...*(4, p. 205).

In this case the inadequacy of the recipient's mental representation arises as a consequence of an incorrect definition of a sentence *I lost*. An interpreter fixes incorrect sentence "he was killed" instead of the correct one "he quitted". This case also confirms the unity of linguistic and cognitive components in the speech interpretation process.

2) a statement as a complex entity contains both the sense and reference, as it correlates with the corresponding situation.

The success of communication depends on the availability of the mutual referents. A lack of a common referent leads to the recipient's misunderstanding. It causes the communicative failure or attempt to understand the content, using probing questions which require supplementary information:

... *In Kensington Garden it was. A nurse there asked me the time.*

- *A nurse? A hospital nurse?*

No, no – a children's nurse. Such a pretty baby it was...(5, p. 10).

The first stages of interpretative process are the principal determinants that form the basis of the success or failure of the speech interaction implementation. The failures during the linguistic perception directly affect the formation of an interpreter's model world and the reflection of the utterance semantics in recipient's notions. Inadequate model world formation becomes the main cause of misunderstanding, incomplete or improper content disclosure of communicative messages.

The interaction problem among the members of different cultures occurs during the interpersonal communication, the text translation. Here we can find misunderstanding. Communicative strategies of different cultures are inextricably linked to the internal properties of the cultural system and its main values. They are designed to overcome the cognitive nature of misunderstanding.

List of references

1. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245с.

2. Маковська Н. М. Непорозуміння як проблема когнітивної лінгвістики / Маковська Н.М.// Науковий вісник ВДУ. – 2002. – Вип. 5. – С. 159–165.

3. Швачко С.А. Статус лакун в языке и речи / Швачко С.А.// Сборник статей: Когнитивная лингвистика. новые парадигмы и новые решения / отв. ред. Пименова М.В. – Москва: ИЯ РАН . Серия Концептуальные исследования. – 2011. – вып. 15, С. 201-207.

4. Benchley P. Jaws. – London: Pan Books, 1985. – 285p.

5. Christie A. Murder in Mesopotamia. – London: Pan Books, 1991. – 190p.

6. Gallant M. My Heart is Broken. – Penguin Books, 1991. – 280p.

7. Murphy A. F. Cultural encounters in the USA // Cross-cultural dialogues and mini-dramas. – National Textbook Company, USA, 1996. – 120p.

Дмитрий О. А.
Национальный университет
“Львовская политехника”

SEMIOTIC NATURE OF COMICS: INTERPLAY OF VERBAL AND NONVERBAL COMPONENTS

The article investigates comics nature from the point of view of the polycode text and seeks to reveal peculiarities of the interplay between its verbal and visual components. Modern linguistics shows the increased interest in the study of polycode texts, among which comics occupies the special position. The linguists have not reached unanimity on the relationship between verbal and nonverbal components of this speech genre, and in particular on the role of the combination of verbal and nonverbal in the process of the communicative meaning creation. This article attempts to investigate the nature of polycode texts and their types, deliver relevant definition, typology, history, peculiarities and role of English comics and to define how verbal and nonverbal components of comics are combined together in the process of communicative meaning creation.

Linguists emphasize on the polysemiotic nature of the process of speech generation and perception. There are many different terms referring to a combination of the different code systems signs in the text such as creolized (Yu. Sorokin, A. Bernatska), multicomunicative (V. Kostomarov), contaminated or hybrid (Yu. Belchikov), multimodal (G. Kress and T. van Liuwen) texts. The same phenomenon is defined as a syncretic message (R. Jakobson). Other studies also use the term polycode (G. Eiger and V. Yuht) texts [2, c. 98], which would be used further in the current research. Polycode text is a speech genre consisting of two or more non-homogeneous (heterogeneous) parts: verbal (language) and nonverbal (one that belongs the other sign systems). The polycode texts world is extremely diverse: it includes texts of newspapers and journalistics, manuals, scientific, technical, illustrated literary texts, text ads, posters, comic books, broadsheets, postcards, movie text and others. [1, c. 71-73].

Comics is argued to be one of the most typical and complicated kind of polycode text. World of comics is rather diverse: there are many different types of this speech genre. This research attempts to provide a classification of comics. Several parameters were taken into consideration, according to which comics fall into the following types:

- according to the purpose: entertaining, satirical, academic;
- according to the target audience: girl's, boy's, youth, women's and adult's comics;
- according to the periodicity: annual, BD (La bande dessinée), monthly, weekly, graphic novel;

▪ according to the manner of graphics representation: classical realistic manner, "cartoon" style, individual author style, photocomics;

▪ according to the place of production: European, American, Japanese (manga), Chinese (manhua), Korean (manhwa).

Comics is a speech genre involving two different types of codes (visual and verbal), which are tightly connected and integrated with the aim of creating proper communicative meaning [3, c. 62]. Many scholars made an attempt to investigate comics nature and reveal how its components work together. One of the most prominent comics theorist was Scott McCloud, who in *Understanding Comics*, provides the following categories of word and picture combination:

- *Word Specific combinations* where pictures illustrate, but don't significantly add to a largely complete text;

- *Picture Specific combinations* where words do little more than add a soundtrack to a visually told sequence;

- *Duo-Specific panels* in which both words and pictures send essentially the same message;

- *Additive combinations* where words amplify or elaborate on an image or vice versa;

- *Parallel combinations* where words and pictures seem to follow very different courses without intersecting;

- *a Montage* where words are treated as integral parts of the picture;

- *Interdependent combinations* where words and pictures go hand-in-hand to convey an idea that neither could convey alone [5, c.153-155].

Comics theorist R.C. Harvey (1979) insists that comics depend on the blending of both visual and verbal in which "neither words nor pictures are quite satisfactory without the other". This dynamic relationship between words and pictures in comics exemplifies Gunther Kress's (2001) notion of multimodality, where meaning resides in multiple modes contributing ensemble to the whole. Semiotologist Roland Barthes approaches the interaction between words and images by identifying two functions that the linguistic message serves in relation to the image: anchoring and relaying [4, c.92-93].

This research seeks to reveal the nature of the interrelation between visual and verbal codes by marking out different functions of their interplay. Four comics were chosen as a material of the research: Walt Disney's Christmas Stories, George Martin's Game of Thrones, webcomics Cyanide and Happiness and Larry Gonick's "Cartoon History of the Universe". After thorough analysis of chosen material there were distinguished 9 functions of the integrity of verbal and nonverbal components in the process of communicative meaning creation:

1. connecting function - to connect both verbal and nonverbal components (verbal text is used as a bridge filling gaps between images);

2. the function of action rendering;

3. the function of previous action consequences rendering;

4. emphatic function – to strengthen the emotions and feelings;

5. place of action function – to show where the action is going to take

place;

6. time of action function – to render the time when the action takes place;

7. atmosphere of action function – to convey the atmosphere and mood of the action;

8. anchoring function – to refer a word or a picture to a proper meaning of many possible ones;

9. contradictory function – to show the discrepancy between semantic load of verbal and nonverbal components used together in order to create special communicative meaning.

All functions are represented in various types of comics differently. When considering entertaining Walt Disney's Christmas Stories comics it was found out that emphatic function plays the key role there, as it facilitates the process of understanding and helps to win target readers' attention and interest, which is the most important purpose for comics created for children. As for George Martin's Game of Thrones comics, there is not easy to determine which function could be called dominant, at least two functions – connecting and the function of action rendering claim to take this position. This could be explain by the nature of this comics belonging to the adventure genre that involves a lot of action, which in its turn demand proper rendering and establishing tight connections between different components. When taking into account satirical comics – Cyanide and Happiness, peculiar role here belongs to contradictory function, which is typical mainly for this type of comics, as it helps to reach proper satirical effect. Academic comics "Cartoon History of the Universe" seems to be the most complicated type from the semiotic point of view. All function are represented in it, but special attention should be paid to time and place of action functions, as they implement the main purpose of academic, namely historic genre – to inform about exact facts: when and where the action takes place.

A particular attention in the research was devoted to the emphatic function of the integrity of verbal and visual codes, as it claims to be one of the most important and frequent being highly represented in all types of comics. Basic categories of feelings and emotions were distinguished and corresponding fragments of comics were extracted and combined with the proper category. The investigation result showed that general feelings, such as joy and sorrow proved to be represented in every type of comics, although each kind of comics has its own special features: it was calculated that in Walt Disney's Christmas Stories comics admiration and pomposity appeared to most widespread, in George Martin's Game of Thrones comics – anger and sorrow, in Cyanide and Happiness – sarcasm and fright and in "Cartoon History of the Universe" – curiosity and astonishment.

The outcome of the research shows that interplay of verbal and nonverbal components of comics is rather complicated and disputable issue, as one can distinguish between different number of functions and purposes of the components integrity in the process of communicative meaning creation, which is a good field for the further investigations.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Прагмалингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гетерогенных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – №1. – С. 71–79.
2. Есильбаева А. Основные признаки поликодового текста. / А.Есильбаева // Вестник КазНТУ. – Алматы: НТИЦ – 2011. – № 36. – С. 98–101.
3. Космацька Н. В. Комікс як синкретичний текст: вихідні положення. / Н. В. Космацька // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – Луцьк. – 2011. – №5. – С. 64–68.
4. Cohn N. Comics, Linguistics, and Visual Language: The past and future of a field. / Neil Cohn // Linguistics and the Study of Comics. – New York: Palgrave MacMillan. – 2012. – Vol. 2. – P. 92–118.
5. McCloud S. Understanding Comics: The Invisible Art. / Scott McCloud // New York, NY: Harper Collins. – 1993. – P. 153–155.

Соколова К. О.

*Южный Федеральный Университет,
Факультет лингвистики и словесности,
студентка 5 курса*

К ПРОБЛЕМЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ И АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В США И КАНАДЕ. КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

В современном российском обществе проблема эмиграции актуальна, как например, проблема глобализации или массовой информатизации планеты.

Данное исследование ориентировано на задачу понять, что же привлекает россиян на западе, чего они ждут от новой жизни, с чем они в итоге сталкиваются и как с этим справляются.

Для начала необходимо разобраться в актуальности и характере проблемы эмиграции в США и Канаду. В Канаде, например, по последней полной переписи (1991 г.) проживает около 40 тыс. граждан «чисто-русского» происхождения.

По данным российских СМИ, процитировавших известную Los Angeles Times, за данный промежуток времени эмиграция из России в США и Канаду достигла уровня 1917 года и что за последние 10 лет страну покинули более чем 1,25 млн. граждан. Но все ли эти 1, 25 млн. одинаково счастливы в этих странах остается вопросом.

Результаты исследований показывают, что эмиграция в США и Канаду, начиная с XVIII в, отличалась особой цикличностью и носила постоянный характер. Иными словами, наблюдалась своеобразная тенденция, которую легко проследить и на современном этапе исследований.

На этапе адаптации в другой культуре любой без исключения испытывает «культурный шок» - термин, введенный в XX веке психологами и социологами.

Эмоциональная реакция на культурный шок бывает очень острой... Последствия могут вылиться в депрессию, алкоголизм, наркоманию или даже привести к самоубийству...

Психологический антрополог Уильям Ла Барре выделял данный класс реакций индивида в своеобразные «механизмы психологической защиты».

Ла Барре считал такую психологическую защиту регулятивной системой, используемой личностью для устранения психологического дискомфорта и переживаний, угрожающих его индивидуальному образу...

Личность, оказавшаяся в совершенно новой, непривычной для нее среде «отторгает» новую культуру, пытается найти точки соприкосновения с привычной и, не находя, решает отвлечься, забыться, отстраниться от реальности с помощью алкоголя, наркотиков, религиозных ритуалов.

Статистические данные и практические исследования подтверждают теоретические выкладки о том, что культурный шок – явление, не имеющее четких временных и психологических границ. Мы видим, что так было всегда. И даже в эпоху первой миграционной волны, кажется такого далекого от нас столетия, русские люди искали способы защитить себя от ужасной реальности.

Человека, пережившего стадию «культурного шока», по праву можно назвать счастливым. Теперь на ум приходит очень мудрая мысль, что «правильно» и «неправильно» абсолютно бессмысленные определения в культурном смысле... И все, в принципе, складывается прекрасно. За исключением некоторых вопросов... Как достичь этого этапа? И возможно ли это в принципе?

Некоторые ученые даже систематизировали научные данные о проблеме культурного шока и составили реальную картину возможных путей решения...

Американский культурный антрополог Ф. Бок считает, что суть культурного шока - конфликт старых и новых культурных норм и ориентации, старых – присущих индивиду как представителю общества, которое он покинул, и новых, то есть представляющих то общество, в которое он прибыл.

В заключение хотелось бы попытаться сформировать свой собственный взгляд на решение проблемы. В принципе, причины того, почему же русские люди покидают родину, довольно очевидны, достаточно еще раз обратиться к истории. Разумеется, среди них социальная напряженность и психологические проблемы, связанные с депрессией и ощущением неуверенности в завтрашнем дне. Рано или поздно, человек откроет возможность чувствовать себя двукультурной личностью. Он не отказался от культуры прошлого, но сейчас и иная культура понятна и доступна ему. Он оптимистически смотрит в будущее и думает, что правильно сделал, приехав сюда.

Библиографический список:

1. Деверро Д., Этнопсихоанализ., 1978 г.
2. Ла Барре У., Человеческое животное., 1947 г.
3. Леонтович О. А. «Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию» Учебное пособие/ Волгоград.,- 2003
4. Нитобург Э. Л. «Русские трудовые эмигранты в США: адаптация и судьбы»- № 5, М., 2002

ФИЛОЛОГИЯ

Асташова Г.В.

кандидат пед. наук,

*ФГБОУ «Магнитогорский государственный
технический университет им.Г.И. Носова»,*

*доцент кафедры иностранных языков
по техническим направлениям*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ ЯЗЫКА.

Бурное развитие современной науки, техники и новых производственных отношений привело к появлению новых профессиональных языковых систем, рассматриваемых в качестве подсистем литературных языков с их отличительными и подобными характерными особенностями.

Рассматривая профессиональный язык как подсистему или автономное образование основного языка, российские учёные лингвисты дают определение профессионального языка как особой функциональной разновидности общелитературного стиля языка.

Данная подсистема предполагает наличие определённого объема профессиональных знаний в ограниченной области коммуникации, выходящей далеко за пределы функционального стиля.

Особенности терминологических процессов заключаются в том, что они в профессиональной коммуникации проходят в рамках заданной системы и используют знание профессионально-производственных ситуаций, актуализирующие определенные аспекты функциональности языка. Язык остается по сути литературным и представлен в его практическом профессиональном контексте. Человек, как основной носитель, должен профессионально владеть конкретной областью знаний в строго определённых функционально-обособленных ситуациях (металлургия, торговля, юридические международные нормы, международная авиация и т.д.).

Процесс развития профессионального языка заключается в том, что он естественным образом влияет на более точную передачу знаний из научно-производственной сферы в общелитературный язык в прикладном значении, расширяя таким образом его границы в социально-потребительской сфере.

Отличие терминологических процессов в профессиональном языке от литературных состоит в том, что профессиональный язык основан на специфической терминологии и включает научные понятия и названия технологических процессов и оборудования в разных отраслевых сферах, а также включает и область социально-прикладной коммуникации. В основе данных профессиональных языков заложены лексические и словообразовательные процессы, включающие свои специфические функции и средства выражения, развивающие свои особые языковые средства для их адекватного понимания, употребления и профессиональной коммуникации по

общепринятым нормам международного производственного и бизнес сообщества.

Термины каждой отрасли науки, техники, производства формируют свои системы, определяемые, в первую очередь, понятийными связями профессионального знания при стремлении выразить связи языковыми средствами. Термины и терминологии, являясь инструментом, с помощью которого формируются научные теории, законы, принципы, положения, как их системы представляют собой важную составную часть науки и техники. [2]

Термин является членом определенной терминологической системы, относящейся к той или иной области науки, техники, производства, и его концептуальное содержание определяется его местом в системе. Каждый термин имеет свою дефиницию (точное научное определение) в ряду прочих терминов в той же области. Термином может быть любое слово, которому дана четкая дефиниция, определяющая именуемое понятие и жестко ограничивающая понятийную сферу, обеспечивая изоляцию от обывательских смыслов омонимичного слова общей лексики. Термином может стать и искусственно созданное слово. [3]

Процесс терминологизирования предполагает:

- Построение системы терминов отдельных отраслей знания и подбор наиболее целесообразных лексических единиц для их обозначения.
- Нормализацию употребления терминов, существующих в данном языке.
- Фиксацию уже существующих норм употребления.
- Отбор наиболее целесообразных грамотных системных внедренных употребительных норм.
- Дальнейшее словообразование на их основе.
- Создание новых терминов по существующим моделям. [1]

Стандартизация терминологических систем на национальных и интернациональных уровнях необходима в связи с тем, что объем знаний, обозначаемых казалось бы одинаковыми словами, в разных языках не совпадает. Стандартизация означает единое содержание термина или номена, стандартизованного в русском, английском и других языках, а не его замену.

Существуют два типа стандартов: «жесткие», обязательные для исполнения (на промышленную продукцию – необходимость соблюдать точные размеры, пропорции содержания составляющих веществ) и «мягкие» стандарты или рекомендации. [4]

Развитие терминологических процессов в профессионально-ориентированных языках находится в полной зависимости от развития терминологического строя этих языков.

Обновление терминологических процессов отражает закономерности и принципы построения терминологических словосочетаний, при переводе которых необходимо проводить сложный смысловой анализ оригинального текста и его отдельных составных частей.

При разделении терминов по типологическому признаку необходимо учитывать, что в технических языках эквивалентом термина может служить устойчивая фразеологическая единица или словосочетание.

В терминологических сочетаниях главными характеристиками является число компонентов, что отражает тенденцию профессионального языка использовать информацию кратко и четко. Наиболее частотные словосочетания (термины) содержат от двух до четырех компонентов и могут быть представлены различными способами образования:

- При помощи суффикса *wireless connection* – беспроводная связь;
- При помощи перестановки – *weather control system* – система слежения за погодой;
- путём добавления – *running landing* – посадка с пробегом;
- передачи ощущения - *blind landing* – посадка вслепую с закрытыми шторками.

Появление новых терминов отражает новые этапы и достижения в развитии науки, техники, отдельных отраслей и общества в целом. Данный процесс можно отнести к социолингвистическим факторам.

Практика использования терминов существует наряду с литературным языком и не может существовать вне его, так как общие тенденции развития литературного и научно-технического языков направлены по пути отбора и стандартизации понятий логически наиболее целесообразных средств выражения, которые впоследствии будут формировать лексико-грамматическую фактуру терминологической системы.

Наиболее продуктивным способом терминологического образования является суффиксация. Суффиксы указывают на различную принадлежность терминов к новым понятиям и указывают на:

- новые процессы и технологии;
- функции, выполняемые работником на его рабочем месте;
- название инструментов и оборудования;
- качество и назначение оборудования;
- название конкретных устройств и предметов и появление существующих в данной области.

Новые термины обладают чертами свойственными общеязыковым нормам лексики: полисемией и синонимией. Синонимия – наиболее часто встречающееся явление, т.к. удобнее всего использовать существующие понятия в новом контексте, чем создавать новые лексические единицы (*work, job, running, operation, manipulation*). Синонимичность в системе терминологического строя языка обусловлена различными вариантами перевода лексики, наличием полного или сокращённого обозначения одного понятия: вид (*sight, air, appearance, look prospect, view*). Данные термины часто обладают множеством значений: *production* (-нефтедобыча, выдача, выплавка, выпуск, энерг.: изготовление, порождение, производство), место (*place, area, spot, location, locality, job, seat, space*).

Термины в научно-технических текстах часто встречаются в завершённых логических структурах – терминологических цепочках. Фактор развития

«терминологической цепочки» может быть отнесён к разряду интерлингвистических, которые в свою очередь обусловлены наличием греко-латинских элементов (avia, auto, hydro, -anti); с другой стороны широко идущим процессом образования интернациональной лексики с характерным наличием общеевропейских корней в профессионально ориентированных средах. Слова-компоненты различаются количеством и разнообразием, в котором неизменным компонентом является существительное, а расширение цепочки происходит путем добавления слов влево от существительного (ядра). В данной цепочке идет процесс наращивания языковой модели:

1. Upper flight information – Верхний слой полетной информации;
2. Hydrocarbon fuel tank – Бак для углеводородного топлива;

Таким образом, развитие терминологических процессов в профессиональных языках всегда связано с закономерностями, принципами и функциями научных областей, экспериментальных наук, прикладных отраслей, связанных с материальным производством и распространяющихся в сферы языка потребления. Профессиональные языки способны развивать отдельные языковые средства, которые находят свое отражение в терминологии, как совокупности наименований, для обозначения разной категории понятий в системе отдельной науки, техники и производства.

Литература:

1. Колесникова И., Долгина О. – Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб; Блиц, 2001.
2. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М.: МГПИИЯ им. М.Горького, 2005.
3. <http://econtool.com/terminologiya-nauki-sistema-ee-nauchnyih-ponyatiy.html>
4. http://www.gumer.info/bibleotek_Buks/Linguist/Gray/26.php

Прокопец М.И.

аспирантка

*Черновицкий национальный
университет имени Юрия Федьковича,*

ОПТАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР АЛЛЮЗИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА)

Мы строим наше исследование на материале рекламного дискурса с использованием аллюзий разных типов. Обработав материал, который составляет 1500 рекламных сообщений с использованием аллюзии, мы определили, что 98 % таких сообщений представлены рекламными слоганами. Также аллюзия присуща в большинстве коммерческой рекламе (98,5 %). Можем объяснить этот факт спецификой целевой аудитории коммерческой рекламы, которая заключается в возможности ее определения, а соответственно, выявлению характеристик рядового члена целевой аудитории и разработкой аллюзии согласно этих особенностей. Социальная реклама обычно рассчитана на разные классы общества и их географическое размещение, а

потому сложно создать аллюзию, которая удовлетворила бы такое большое количество людей .

Рассматривая особенности рекламного дискурса с использованием аллюзии, стоит заметить, что такая реклама по принципам создания не будет слишком отличаться от общепринятых основ - использование прилагательных, существительных и глаголов с положительной коннотацией, личных и притяжательных местоимений, повторов различных типов, ассонанса, аллитерации и др. .

Отличительной особенностью рекламного дискурса, в частности с использованием аллюзии, будет использование императивных форм, которые побуждают к действию, и оптатива, который выражающий желание и является не таким настойчивым, бескомпромиссным, как может показаться императив . Например « Try it once - You'll be Hooked», «Once you ride it, you won't want to return it», «Eye it, try it, buy it», «Live in your world, play in ours» , «Give your baby something you never had as a baby: a dryer bottom» .

Важно заметить, что оптатив, реже императив, присущ еще двум типам дискурса, а в частности таким их подтипам, как молитва («O gentle and loving St. Anthony, whose heart was ever full of human sympathy, whisper my petition into the ears of the sweet Infant Jesus», «Rest your weary ones. Bless your dying ones», «O Lord Jesus Christ, Who said to Your Apostles: «Peace I leave with you, My peace I give to you, » regard not my sins but the faith of Your Church, and deign to give her peace and unity according to Your Will: Who live and reign, God, world without end», «Lord, You invite all who are burdened to come to you. Allow Your healing Hand to heal me. Touch my soul with Your compassion for others; touch my heart with Your courage and infinite Love for all; touch my mind with Your Wisdom, and may my mouth always proclaim Your praise. Teach me to reach out to You in all my needs, and help me to lead others to You by my example») и политические лозунги («Come and take it», «Don't Stop, Keep Going On», «Don't let him take Britain back to the 1980s», «Stay the course», «Vote for Change»).

Данные примеры имеют совершенно разный смысл, соответствующий тематике каждого из дискурсов. Кроме того, в рекламном дискурсе, часто в политическом, умышленно избегают слов и словосочетаний на религиозную тематику, поскольку представители целевой аудитории могут иметь разные вероисповедания, или быть атеистами. Поэтому слоган, призыв или лозунг не должны содержать такой информации , которая могла бы вызвать негативную реакцию реципиента. Но невозможно отрицать общие черты этих трех типов дискурсов.

Во первых, эти дискурсы имеют общую интенцию – воздействие на реципиента, а потому и общий характер построения. Древнейшей из этих примеров применения оптатива – молитва – слова обращения к Богу, или чему-то божественному, а также канонизированный текст этого обращения. Жанр молитвы имеет умоляюще – побудительный характер , что является более усиленным просьбы (мольбы) [1].

Сравнив эти тексты, мы находим очевидным факт, что такие тексты публичного убеждения, как политические и рекламные слоганы, происходят от

древних текстов молитв по своей структуре. Мы имеем основания считать, что молитва послужила основой создания таких текстов, поскольку существовала уже столетиями, передавалась из поколения в поколение, имеет сакральный смысл и несет чрезвычайную веру и убедительность. Поэтому использовать принципы создания молитвы для создания других дискурсов для воздействия на реципиента было логичным и оправдало себя на практике.

При этом реципиент воспринимает рекламные и политические слоганы, которые отличаются призывом к действию, ненавязчивым, но убедительным, не связывают их с оптативным прототипом и не осознают каким образом дискурс имеет такое большое влияние.

Таким образом мы описали заимствования рекламных текстов, которые включают аллюзию, из более древних, но все же влиятельных источников. Мы полагаем, что главной мотивацией для такого заимствования служит тот факт, что вопреки долгому существованию религиозных текстов они остаются актуальными и их влияние на общество не ослабевает. Поэтому структура таких сообщений является эффективной и в других типах дискурсов, которые требуют влияния на реципиента.

Литература

1. Гуйванюк Ніна Василівна. Слово-Речення-Текст: вибрані праці / Ніна Гуйванюк; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича. — Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2009. — 664 с.

Куровская О. О.

*Национальный университет
“Львовская политехника”*

ANGLOPHONE SOCIO-POLITICAL NEOLOGISMS AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO UKRAINIAN

The article focuses on the problem of translating socio-political neologisms from English into Ukrainian. In recent decades, the dynamic socio-political processes both within English-speaking countries and in the international arena have led to the emergence of a large number of English new words, which results in the need for their study and identification of methods and features of their translation into other languages, including Ukrainian. Research provides a comprehensive analysis of possible ways of neologisms translation; among them are description, calque, semi-calque, approximation, transliteration and transcribing.

In dictionaries, neologism is generally defined as “a new word or a new meaning for an established word”. According to Oxford Dictionary of English (2003: 1179) a neologism is “a newly coined word or expression that may be in the process of entering common use, but has not yet been accepted into mainstream language” [5]. There exist a lot of definitions of neologisms, but despite all the differences experts convinced that neologisms should be considered as: 1) words or turns of speech, created for adequate reflection and nomination for a qualitatively new for society object or phenomenon; 2) words or combinations of words that enriched language at a certain stage of its development, and their novelty are certainly recognized by

native speakers. Thus, neologisms are words, phrases, phraseological units, their separate meanings that enriched contemporary vocabulary to describe a fundamentally new realities and concepts, which actualization is caused by social and communicative components of full operating and permanent development of the language [2, c. 72-73].

Generally, neologisms appear in almost all spheres of human activity, but exactly social and political spheres take nowadays first two places. International terrorism and the fight against it, new political phenomena or movements, international global politics, new political structures, information revolution, economic reforms, social stratification, environmental issues, discrimination in society, migration, work, leisure time activities, hobbies, everyday life, feminist movement, fight for the rights of sexual minorities, racial and ethnic groups of population; all this led to the emergence of an extremely large number of neologisms in English, which could not but respond to the changes in public life of the speakers caused by the new realities of the 21st century and events of a global scale.

Socio-political neologisms are special new or reinterpreted through certain objective and subjective reasons words or phrases of socio-political vocabulary that is used to reflect the current socio-political phenomena related to the socio-political and economic situation of foreign and domestic policy and the development of relations between states. This vocabulary has distinctive features of form and meaning, caused by extra lingual factors (social system, ideology, domestic and foreign policy of the country) and intralingual patterns and characteristics of these processes reflection in the language [3, c. 34-35].

The process of creating new words is endless as a result there are inexhaustible problems of their adequate translation. The main difficulties in translating neologisms lie in clarification of meaning of a new word. Adequacy can be achieved using different methods of translation.

As the material for the study were chosen 1011 new words – 878 already translated neologisms from English-Ukrainian dictionary of neologisms by A. Yankov and Ju. Zatsnym and 133 new words taken from *Blog from Cambridge Dictionary Online* and journal *American Speech*, column *Among the new words*, translation of which was actually made by us for the first time.

Neologisms taken from the dictionary was classified according to five main ways of translation: description, transliteration and transcribing, calque, semi-calque, approximation; for the translation of the rest of neologisms were used only the first three methods. Quantitative estimates of the ways of translating English new words into the Ukrainian language suggest that description and explanatory translation is the predominant way to translate socio-political neologisms. This method supposes that the unit of source language is replaced by words or word combinations of target language that convey its meaning, provides more or less complete explanation or definition of this meaning by means of the target language [1, c. 141-142]. With the help of this method were translated 91% (807 words from 878 and 114 from 133) of all the investigated innovations, for example: *carpet crossing* – *перехід з правлячої до опозиційної політичної партії*, *nexter (millennial)* – *молода людина, яка належить до покоління людей, що народилися і період між 1980-1995 роками*,

хегосрасу – суспільство, в якому панує сувора цензура на засоби масової інформації, літератури і т. п., *jigsaw family* – сім'я, в якій двоє або більше дітей від попередніх стосунків живуть разом, *terror baby* – дитина іноземця народжена на території США, для одержання громадянства США, з метою здійснення майбутніх терактів

The next quantitatively biggest group of neologisms were translated like calques (5% – 37 neologisms from 878 and 15 from 133). Calque or loan translation is a way of translating lexical unit of source language by replacing its component parts – morphemes or words using lexical equivalents of the target language. This method is most often used for translating equivalent notions in two languages, or for naming a concept that has recently appeared in language, for example: *american exceptionalism* – американська винятковість, *gray zone* – “сіра зона” (страни, находящиеся между Россией и странами-членами Европейского Союза), *Arab Spring* – “Арабська весна” (ряд народных восстаний в странах Ближнего Востока), *adoption party* – вечірка-усиновлення (социальное мероприятие, когда будущие приемные родители встречаются с детьми, которые нуждаются в усыновлении). For some words author can give extra information in order to make words more understandable for a reader; however in text this information can be given only in marginal notes or in commentaries.

The method of transliteration lies in the transfer of letters of English word by Ukrainian letters. Translator had not necessary know the pronunciation of English words, he could confine himself to the visual perception. Transcribing is a transfer of phonetic form of words, not orthographic. Due to differences in phonetic systems of Ukrainian and English, such a transfer is always conditional and reproduces only some similarities of English phonation [1, с. 140]. Only 1% of neologisms were translated by this method (4 words from 878 and 3 from 133). For example: *corprocrasy* – корпорократія, (общество, в котором крупные фирмы и компании (корпорации) имеют значительную экономическую и политическую власть), *ideopolis* – “ідеополіс” (городской комплекс в котором сконцентрированы современные отрасли промышленности и научно-исследовательские учреждения), *biphobia* – біфобія (чрезмерная неприязнь и предубеждение против бисексуалов), *facebooking* – “фейсбукінг” (активное использование социальной сети Facebook). The method of transliteration or transcribing should be used very carefully, since it can lead to such undesirable things as loss of words value in the target language or existence in language multiple variants of translation of the same word.

The next method in which two ways of translation – transcribing and calque are combined is called semi-calque. It means that one part of word is calked and another one – affix or root – is transcoded (here under calque we understand not only the translation by specific item, but also translation with the help of established international or previously borrowed item) [4, с. 88]. In some cases second part can undergoes semantic change (such as specification, generalization or semantic modulation), though most scholars think that second type is not semi but full calques. 1% of socio-political neologisms were translated by this method (12 words from 878) Semi-calque with transcoding during translation of neologisms may refer to ethnic

specific and universal significant new coinages of language, for example: *subculture* – кіберкультура (новая по форме и по содержанию культура в обществе, которая практически во всех сферах жизни использует компьютерные технологии), *hyperpower* – супердержава, *e-cash (e-money)* – “електронні гроші” (система расчетов через Интернет), *anti-genocide* – проти геноцидний.

The last method of translation we called approximation (2% – 14 from 878 words). Mainly it is used for translating euphemisms, politically correct words or words with specific cultural background that has lost part of its semantics or meaning of which was simplified after entering the target language for its easier perception by speakers. Although the basic meaning of the word remains, in the target language the word differs from its equivalent of the source language in its lexical background. For example: *animal companion* – домашня тварина (современное политически корректное обозначение), *career-change opportunity* – звільнення з роботи (евфемизм), *homegoing* – смерть; похорон (евфемизм), *intifada* – повстання; боротьба, *jihad* – війна, боротьба, *shaheed* – терорист-смертник. If look closer, word *jihad*, which is borrowed from Muslim countries means not just “war” as it is translated but “holy war of Muslims against “unbelievers”, although researchers point out that the concept of “struggle” is more appropriate in the disclosure of its semantics, as throughout the history of Islam, the word *jihad* meant struggle in defense of Islam.

Thus, translation of neologisms is a difficult and demanding task. English neologisms may contain notions that are different from their equivalent in other languages, so when translating new words it is very important to take into account the context, sphere of origin, source, and cultural differences in order to choose the most appropriate way of translation. Accurate and qualitative translation of new words is one of the most important problems in linguistics study and this problem will persist so long as there is progress, as the need for new words and their translation into other languages will never disappear.

Литература

1. Куц Е. О. Способи та прийоми перекладу англійських неологізмів / Е. О. Куц // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філологія. – 2010. – №2(4). – С. 139-145.
2. Михайліченко Ю. В. До питань про співвідношення об’єктивного і суб’єктивного у підходах до ідентифікації й класифікації неологізмів / Ю. В. Михайліченко // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2012. – № 9 (244). – С. 71-75.
3. Янков А. В. Соціально-політичні неологізми та оказіоналізми в американському варіанті англійської мови: структура – семантика – функціонування: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Янков Анатолій Вікторович. – Львів, 2004. – 307 с.
4. Ясинецька Н. А. Напівкальки англомовних неологізмів в українській мові / Н. А. Ясинецька // Філологічні трактати. – 2011. – Т. 3. – №2. – С. 86-96.

5. Usevičs S. Neologisms in british newspapers / S. Usevičs // Proceedings of the 53th International Scientific Conference of Daugavpils University (Latvia). – Daugavpils: Daugavpils University Academic Publishing House "Sun", 2012.

Норлусенян В. С.

*Кандидат филологических наук, доцент
Доцент кафедры русского языка и культуры речи факультета
лингвистики и словесности ЮФУ*

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

В современных отечественных прозаических текстах наблюдается регулярное употребление иноязычных элементов различной структуры и семантики. Это во многом связано с процессом взаимодействия разных языков и культур, ведь не случайно основной тенденцией современной мировой культуры является эклектичность, «свойственная всегда переходным этапам в истории» [1], позволяющая совместить в одном формате несовместимые элементы.

Наиболее частотными иноязычными элементами в текстах современной отечественной прозы являются иноязычные вкрапления. Благодаря своему «внешнему облику» такие единицы отчётливо выделяются на фоне больших отрезков текста, оформленного по графическим, грамматическим и синтаксическим законам языка-оригинала.

В научный обиход термин «иноязычное вкрапление» ввёл А. А. Леонтьев. Исследователь распределил «внесистемные иноязычные элементы» по 16 типам, распространив классификацию различными случаями грамматической девиации иноязычных единиц, оформленных по законам русского языка, и русских слов, оформленных по законам «чужого» языка [2, с. 60- 68].

Известный исследователь в области иноязычия Л. П. Крысин иноязычные вкрапления определяет как «незамкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [3, с. 47].

Ю. Т. Листрова-Правда считает, что иноязычные вкрапления «представляют собой незамкнутый, открытый ряд явлений в принявшей их речи, он может быть пополнен в любой момент (билингвом или полилингвом) из любого иностранного языка, известного ему» [4, с.23].

Опираясь на существующие точки зрения, можно утверждать, что графическая неассимилированность является доминирующей чертой иноязычных вкраплений, позволяющей отграничить последние от других типов иноязычных слов (экзотизмов, варваризмов, макаронизмов и т. п.).

Можно выделить следующие структурные типы иноязычных вкраплений, активно функционирующих в текстах современной прозы:

1. Отдельная словоформа (с артиклем, предлогом и т.п.).

Ср.: Я люблю эту куртку. Ничего особенного: черная немецкая *military* куртка с капюшоном. В любом секонд-хенде за \$25 вы купите такую же или даже лучше. И тем не менее я люблю эту куртку. («Отвёртка», И. Стогофф).

Иногда я чувствую, что застрял где-то *in between*, понимаешь? Между Америкой и Россией. Как-то сложно все, понимаешь? («The тёлки», С. Минаев).

В пределах узкого контекста иноязычные вкрапления-словоформы, представленные обычно существительными или субстантивированными элементами, могут приобретать русские флексии.

Ср.: И это в то время, когда я стою на краю пропасти и *deadline* до сдачи номера вполне может оказаться *deadline'om* до даты моего увольнения! («The тёлки», С. Минаев).

Так что, поэкспериментировав с рыночной говядиной, мастера ливанского *fast-food'a* перешли на куриные окорочка. Кошки и собаки в дело так и не пошли. («Таблоид», И. Стогофф).

Русские флексии могут приобретать и иноязычные вкрапления-аббревиатуры.

Ср.: Ритка уже сидит в *VIPe*, говорит по телефону и пьет новый коктейль. Она уже достаточно даятая, что неудивительно. Этот "мохито" четвертый или пятый? Впрочем, какая разница? («The тёлки», С. Минаев).

2. Словосочетание (компонентный состав может превышать две единицы).

Ср.: Вот я и получил свой "*welcome gift*" на игровой площадке. Меня избили сразу пять или шесть негритосов.

В *black light* его футболка казалась грязной. Он быстро разделся до пояса и взялся руками за ремень. («Мачо не плачут», И. Стогофф).

Вот таков вкратце мой жизненный путь, вплоть до сегодняшнего дня. Весь мой опыт (немалый, заметьте), все мои мечты, надежды и *guide lines*. («The тёлки», С. Минаев).

Я рассказываю ей о том, какой прекрасный у меня старший товарищ Алексей – энциклопедист, джентльмен, путешественник, почти олигарх (разумеется опуская *dark side of Lioha* в виде наших ночных походов, разврата и прожигания жизни). («The тёлки», С. Минаев).

3. Предложение или большие отрезки текста на иностранном языке.

Ср.: – Блестящие карьеры у нас будут гораздо раньше, *honey*. Так что помощь моего отца не потребуется. К тому же я не люблю никого просить. *I hate it, you know!* («The тёлки», С. Минаев).

– Хочу, *really!* Но не могу! Солнце мое, у меня через пять минут *meeting...* встреча, мне нужно документ распечатать. *Drop me a line!* Перезвони! («The тёлки», С. Минаев).

– *You got it, man!* – он снова щелкает пальцами.

Я тычу себя пальцем в грудь, вполголоса говоря: "*I'm the daddy*". («The тёлки», С. Минаев).

В современной прозе достаточно широко используется такой приём, как цитирование. Иноязычные вкрапления часто выполняют эту функцию, причём модификация цитирований разнообразна. Цитирование может быть точным, легко узнаваемым читателем.

Ср.: "*All I wanna do is have some fun before I die*" начинает петь Sheryl Crow из колонок, висящих прямо надо мной. («The тёлки», С. Минаев).

Я допил бутылку и бросил ее под дерево. Взметнулся фонтанчик грязи.

– *Should we stay, or should we go?*

– Действительно. Чего мы здесь встали? Мне не нравится, что мы здесь встали. («Мачо не плачут», И. Стогофф).

Иноязычные вкрапления, выступающие как цитаты, могут быть представлены в тексте в искажённом или измененном виде. Такой приём, несомненно, имеет авторское начало: читатель, опираясь на свои фоновые знания, способен самостоятельно воссоздать исконный вариант цитаты. В частности, в произведении «Мачо не плачут» И. Стогоффа приведена цитата из известной песни Стинга «Englishman in New York» с перемещением семантически важных компонентов («I Don't Drink Tee, I Drink Cofee, My Dear» вместо исходной «I Don't Drink Cofee, I Drink Tee, My Dear»).

Ср.: Когда бы я ни зашел, Света и мама хлопотали на кухне. Мне сразу наливали горячего, свежесваренного чаю. "*I Don't Drink Tee, I Drink Coffee, My Dear*", но отказываться было неловко. («Мачо не плачут», И. Стогофф).

В художественном тексте иноязычные вкрапления, семантика которых не всегда понятна адресату, часто сопровождаются немедленным или опосредованным переводом.

Ср.: Утром я нашел Шута спящим в туалете. Там же он провел три из четырех следующих ночей. Джейкоб называл его *puker* - *блеву*. («Мачо не плачут», И. Стогофф).

Пусть не врут эмигранты, живущие на "*welfare*" (*гособеспечении*), что в России зоновские понятия, а на Западе – свободы полный край. Полная лажа. («The тёлки», С. Минаев).

Переводу подвергаются также слова и выражения, смысл которых известен почти всем. Эффект воздействия от подобных употреблений чаще всего комический.

Ср.: Вместо этого я обнимаю ее, мы долго целуемся, я шепчу:

– *I love you, baby*, – и добавляю уже по-русски: – Я люблю тебя... («The тёлки», С. Минаев).

Несомненно, далеко не все структурно-семантические особенности иноязычных вкраплений, функционирующих в текстах современной прозы, были представлены в этой статье. Подобного рода языковой феномен необходимо рассматривать не изолированно, а опираясь на широкий контекст или текст, особенности идиостиля писателя, а также типологию персонажей художественного произведения.

Литература:

1. Гузенина С. В. К определению «современной культуры» [Электронный ресурс] /С.В.Гузенина [http://www.rusnauka.com/2 ANR 2010/Philosophia/4_54156.doc.htm](http://www.rusnauka.com/2_ANR_2010/Philosophia/4_54156.doc.htm)

2. Леонтьев А.А. // Вопросы культуры речи. 1966. №7. С.60- 68.

3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. С.47

4. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. 23 с.

Петухова Е.В.

к.филол.н., доцент

Курский государственный университет,

доцент кафедры английской филологии

ПАНТОПОХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Пантопохронию в данных тезисах, вслед за С.В. Ворониным, мы будем трактовать как категориальный комплекс «пантопия + пахрония». Пантопия подразумевает исследования звукоизобразительности в ареале не только родственных, но и неродственных языковых систем. Панхрония же рассматривается как включающая синхронию, диахронию и генезис звукоизобразительной системы [2, с. 177-178].

Одним из распространенных направлений фоносемантических исследований является изучение комплексных звуко-смысловых взаимосвязей в синхронической плоскости в рамках психолингвистического подхода (А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева, И.Ю. Черепанова), либо с позиций структурно-семантического анализа (J. Wallis, Ch. De Brosses, F. Charrassin, J.R. Firth, F. Housholder, E. Nida, D. Bolinger, G. Smithers, H. Marchand, L. Bloomfield, B.L. Whorf, R. Wescott, R. Rhodes, J. Lawler, A. Abelin, G. Davis, H. Kaesmann, E. Anderson, P. Sadowski, M. Magnus, B. Joseph, S.S. Hutchins, B. Bergen, B.V. Левицкий, А.Б. Михалёв, Н.Л. Львова и др.).

Однако, результаты, полученные при использовании синхронического подхода, могут вызывать ряд вопросов относительно собственно звукоизобразительной природы исследуемого материала. Так, если звукоподражательная природа английской единицы crack «make a sharp noise» не вызывает сомнений, то лексема flirt «to court triflingly or act amorously without serious intentions» уже не воспринимается современным носителем как фонетически мотивированная. Тем не менее, этимологический анализ последней обнаруживает предположительный звуко-символизм слова, одним из ранних значений которого является «to rap or flick, as with the fingers» (1560-е гг.), с последующим развитием «to move in short, quick flights», а также семантическим переносом («a woman of light or loose behavior» и «a giddy, flighty girl»).

Лексемы, обладающий абстрактным значением, также могут иметь в генезисе отприродную связь между звуковой формой и смысловым содержанием. В качестве одного из известных примеров можно привести единицу spirit «the principle of conscious life; the vital principle in humans, animating the body or mediating between body and soul», восходящую к латинскому spiritus > spirare «to breathe» и далее – к индоевропейскому корню *(s)peis- «to blow». Тот же источник имеют и следующие лексемы с абстрактным семантическим наполнением: aspire «to long, aim, or seek

ambitiously; be eagerly desirous, especially for something great or of high value», conspire «to agree together, especially secretly, to do something wrong, evil, or illegal», inspire «to fill with an animating, quickening, or exalting influence».

Обратимся также к примеру английских лексем *deceive*, *receive*, *perceive*, *conceive*, обладающих в синхронии явным незвуковым значением: *deceive* «to mislead by a false appearance or statement»; *receive* «to take into one's possession»; *perceive* «to become aware of, know, or identify by means of the senses»; *conceive* «to form (a notion, opinion, purpose, etc.); to form a notion or idea of; imagine; to hold as an opinion; think». Все они, как показывает исследование в диахроническом срезе, восходят к индо-европейскому корню **kap-/ghabh* «хватать, брать, держать» (через латинскую основу *capere*), который является также основой готского *haban* и русского «хватать» (**хабить*) с уже доказанной звукоизобразительной природой [4].

Иными словами, весьма существенным в изучении звукоизобразительного материала является тот факт, что фонетические и семантические изменения в диахронии неизбежно ведут к ослаблению и утрате примарной звукоизобразительности слова – денатурализации языкового знака [2, с. 187].

Таким образом, обнаружение примарной фонетической мотивированности денотата во многих случаях оказывается невозможным в рамках лишь синхронического подхода, так как в процессе семантической эволюции эксплицитно выраженная связь звука и значения ослабевает и вытесняется вторичной мотивированностью. Тем не менее, подобные единицы можно считать отприродно мотивированными, и выявить эту мотивированность представляется возможным только с позиций панхронии.

Критикуя идею произвольности языкового знака, сторонники *thesei* зачастую апеллируют к несхожести звукоизобразительной лексики в разных языковых системах: «нет между именем и вещью связи по необходимости, а есть лишь связь условности (*lien de convenance*), так как в разных языках звукоподражательные слова разнятся по составу звуков [5, с. 80]. Данный аргумент представляется справедливым при рассмотрении результатов сопоставительных исследований, если за единицу сравнения брать звуки, тогда как «почти каждое звукоизображение представляет собой целый комплекс звуков» [3, с. 4]. По мнению С.В.Воронина «в звукоизобразительных системах любых двух языков мира изоморфические черты доминируют над чертами алломорфическими», причем изоморфизм описывается не в терминах фонем или даже звукосочетаний, а в терминах фонотипов – типов «звука речи фонетически (акустически или артикуляторно) гомоморфный типу референта (акустического или неакустического) и служащий основой для звукоизобразительной (звукоподражательной или звукоименной) номинации». Как следует из определения, фонотип может быть акустическим или артикуляторным, то есть он всегда обладает значением, он «семантически нагружен» [1, с.140]. Так, например, передача дрожания, быстрой серии ударов, диссонанса всегда содержит вибрант и конечный взрывной: англ. *gar* «ударять с резким стуком», *jerk ust.* «удар кнутом или палкой; отрывистая трель (птицы); резкое движение, толчок», *crick* «издавать резкий и внезапный звук (напр., о

кузнечике)», *grit* «скрежетать (зубами и т.д.); песок, гравий», *rattle* «быстрая последовательность коротких резких звуков, вызываемых столкновением твердых тел», *prod* «тыкать, толкать ч.-л. быстрым коротким движением». Ср. также *баш.* *qurt* «слабый треск, возникающий при резке не очень твердого и не очень мягкого предмета», *јертуу* «рвать, рваться», *индонез.* *kerak* «треск суставов», *gerutur* «звук взрыва (хлопушки), выстрела», *киргиз.* *чарт*, *селькуп.* *ruq*, *рус.* дергать, скрежет, треск.

Необходимо отметить, что значительное число фоносемантических исследований, охватывающих как родственные, так и неродственные языки позволяет говорить о звукоизобразительности как о системной явлении (В.И. Абаев, О.А. Барташова, И.Б. Братусь, Э.А. Вельди, Н.Д. Канкия, С.В. Климова, Койбаева, Л.З. Лапкина, С.С. Шляхова, М.Ф. Фазылов, К.Ш. Хусаинов и другие), существующем во времени и пространстве.

Таким образом, как любая эволюционирующая система, звукоизобразительная система не может быть исчерпывающе рассмотрена в рамках лишь одного языка и только с синхронических позиций. Объективность исследований в данной области может обеспечить только пантопохронический подход, то есть комплексный подход, осуществляемый с позиций пространственных и временных (включающих не только исторический, но и генетический аспект).

Литература

1. Воронин С.В. Английские ономотопы: Фоносемантическая классификация / под ред. проф. О.И. Бродович. СПб.: Геликон Плюс, 2004.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М., 2006.
3. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? - М.: Наука, 1965.– 183с.
4. Петухова Е.В. О первичном звукоимовелизме абстрактных значений. Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Часть I // Материалы международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 112-115 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/6069-2013-01-27-08-20-37> (дата обращения 12.10.2013).
5. Слюсарева Н.А. “Соссюр и соссюрианство”// Философские основы зарубежных направлений в языковедении. - М.: Наука, 1977. – С. 63-124.
6. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 552 с.
7. Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. – Wordsworth Edition Limited 2007. – 643 с.

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Сегодня одним из основных направлений когнитивной лингвистики выступает когнитивная семантика, которая пытается в определённой мере соотнести языковые формы с их ментальной репрезентацией. Другими словами, основным заданием когнитивной семантики является моделирование концептов и определение особенностей их языковой актуализации. Исследуя язык как когнитивный механизм, который имеет огромное значение для кодировки и трансформирования информации, когнитивная лингвистика оперирует рядом категорий, которые отражают структуры, в которых аккумулируются знания в сознании языковой личности [2, с. 24].

Одной из таких категорий выступает фрейм, который делает возможным описание семантики языковых единиц, объединяя языковую и неязыковую информацию. Выделение фреймов в рамках концепта инициирует фреймовый анализ [3, 7, 8, 10], который можно применять к любому концепту, так как в каждой языковой структуре можно выделить, по меньшей мере, один фрейм.

Теория фреймового анализа, автором которой является Чарльз Фелмор, базируется на иерархично-организованной системе языковых выборов, которая соотносится со зрительными и другими видами внутренних ментальных образов [9, с.95]. Фрейм – это многоэлементный концепт, который охватывает совокупность традиционных знаний про предмет, явление или ситуацию. Он выступает общей моделью структурирования культурно-обусловленного знания про определённый предмет и формируется стереотипными представлениями.

Существует много определений термина фрейм. Например, словарь семиотики и лингвистики определяет его как «самый эффективный способ упаковки когнитивных структур для декларативной, реже – процедурной подачи знака [1, с. 231]. С.В. Козак трактует фрейм как лингвокогнитивную структуру с двойным статусом, которая относится к ментальным образованиям [5, с. 177]. В нашем исследовании понимаем фрейм как способ организации информации в памяти человека.

Фрейм состоит из слотов – пустых узлов, – которые заполняются переменными, варьирующимися в зависимости от ситуации. Каждый слот содержит определённую релевантную информацию. Фрейм можно представить как «пучок прогнозированных валентных связей – слотов или векторно-направленных ассоциаций» [6, с. 86]. Кроме того, фрейм это не статичная структура, он может расширять свои границы за счёт появления новой информации [11, с. 73].

Учёные выделяют разные виды фреймов, но в этом исследовании резонно использовать классификацию С.А. Жаботинской. Она выделяет следующие базовые фреймы: акциональный, посессивный, предметный,

таксономический и компаративный [4]. Они называются базовыми, так как отражают стереотипные принципы организации вербализованной в дискурсе информации антологического плана.

В предметно-центричном фрейме референт характеризуется по качественным, локативным и количественным параметрам. Эти параметры представлены такими пропозициями: НЕЧТО/НЕКТО – национальная идентичность, СУЩЕСТВУЕТ ТАК (способ бытия) и существует ТАМ (место бытия). Слот НЕКТО в данном исследовании выступает как Субъект национальной идентичности и включает два подслота: человек и государство, которые в свою очередь делятся на терминалы МЫ/СВОИ хорошие – ОНИ/ЧУЖИЕ плохие и МЫ/СВОИ неплохие – ОНИ/ЧУЖИЕ нехорошие. Слот ЗДЕСЬ отражает пространственные характеристики американской идентичности. Слот СУЩЕСТВУЕТ ТАК охватывает традиции, присущие американской нации.

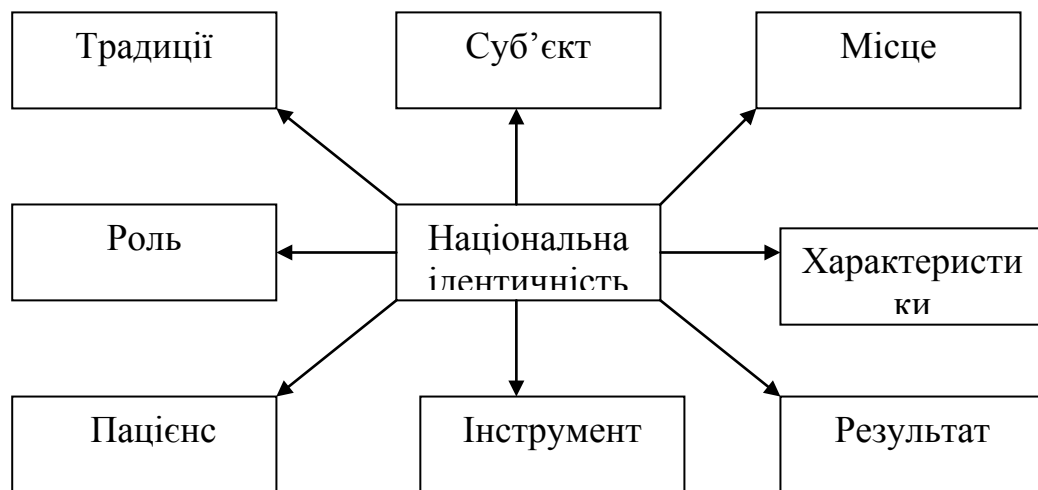
Посессивный фрейм демонстрирует связь НЕКТО/НЕЧТО собственник владеет ЧЕМ-ТО предметом собственности. Рассматривая концепт НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, под предметом в большинстве случаев имеем ввиду абстрактные понятия. Здесь можно выделить следующие подслоты: обладатель имеет собственность и обладатель имеет определённую черту характера. Человек, который идентифицирует себя с американским народом, владеет определённой собственностью и обладает определёнными чертами характера.

Таксономический фрейм представляет отношения категоризации в отношениях НЕЧТО/НЕКТО род есть НЕЧТО/НЕКТО роль. При этом вид является постоянным таксоном предметной сущности, а роль – временным. То есть этот фрейм отражает, какую функцию выполняет национальная идентичность для американского народа.

Акциональный фрейм представлен в виде АГЕНС – ДЕЙСТВУЕТ ТАК – ПАЦИЕНС – ИНСТРУМЕНТ – РЕЗУЛЬТАТ. Слот АГЕНС совпадает со слотом СУБЪЕКТ предметно-центричного фрейма. В рамках национальной идентичности слот ПАЦИЕНС следует отнести ко всем государствам мира, которые выступают как враги или друзья США. Слот ИНСТРУМЕНТ содержит методы и способы формирования, усиления и навязывания национальной идентичности. РЕЗУЛЬТАТ показывает какие изменения в национальной идентичности произошли благодаря использованию вышеупомянутых методов.

Связь между указанными фреймами обусловлена существованием определённых характеристик предмета или понятия. Ассоциативный фрейм представлен как НЕКТО/НЕЧТО как НЕКТО/НЕЧТО – по подобию.

Фреймовую модель концепта НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ можно представить в виде рисунка

За основу дисертаційного дослідження прийнята гіпотеза, що концепт НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНОСТЬ являється складним ментальним утворенням, в межах якого можна виділити певні ознаки. Цей концепт є культурним і має відповідно ідеологічні, оцінні та стереотипні характеристики. Крім того, концепт НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНОСТЬ грає важливу роль у світогляді американського народу. Його зміст охоплює всю сукупність знань про представлений феномен. Ітак, фреймовий аналіз слотів, які представляють концепт НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНОСТЬ дозволяє визначити параметри та семантичні характеристики даного концепта, які формують уявлення про нього в межах політичного дискурсу США.

Література

1. Англо-російський словар по лінгвістиці та семиотіці. Около 9000 термінів. / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольський, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О.І. Романова. – М.: Інститут російської мови ім. В. В. Виноградова РАН, 2003. — 640 с.
2. Ваніна Г. В. Фреймова структура концепту PR / Г. В. Ваніна // Вісник ЗНУ : [зб. наук. ст.]. Філологічні науки. – Запоріжжя : ЗНУ, 2008. – С. 24–27.
3. Жаботинська С.А. Концептуальний аналіз: типи фреймов / С.А. Жаботинська // Вісник Черкаського університету. Серія «Філологічні науки». – 1999. – Вип. 11. – С. 12 – 25.
4. Жаботинська С.А. Теорія номінації: когнітивний ракурс / С.А. Жаботинська // Вестник МГЛУ – 2003. - № 478 – С.145-164
5. Козак С.В. Природа як суб'єкт порівняння у фреймовому комплексі «ЛЮДИНА і ПРИРОДА»(на матеріалі творів Е. Штрітматтера) / С.В. Козак // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. РОЗДІЛ Когнітивна лінгвістика. – 3 (ч. 1) ,– 2011. – С. 77-81.
6. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – 350 с.

7. Кривенко Г.Л. Експліцитні та імпліцитні зоосемізми: концептуальний аналіз (на матеріалі англійської та української мови) / Г.Л. Кривенко // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2005. – Т.8. – №1. – С.66-81

8. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2002. – Т.61. – №1. – С. 13-24.

9. Мельник Д. С. Фреймовий аналіз концепту «Євратом»: особливості його вербалізації (на матеріалі англомовних звітів ЄС) / Д.С. Мельник // Вісник Дніпропетровського університету. Серія "Мовознавство". – 2011. – № 17. – Т.2. – С.94-99

10. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён. Семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина – М.: Русские словари, 2000. – 425 с.

11. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 182 с.

Чухна А.В.

*Национальный университет
“Львовская политехника”*

EUPHEMISMS IN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE AND COMMUNICATION DOCTOR-PATIENT

Euphemisms are powerful linguistic tools that "are embedded so deeply in our language that few of us, even those who pride themselves on being plainspoken, ever get through a day without using them," (Linfoot-Ham, 2005, 228). The need for euphemisms is both social and emotional, as it allows discussion of 'touchy' or taboo subjects (such as sex, personal appearances, or religion) without enraging, outraging, or upsetting other people. Medicine is one of the fields where the use of euphemisms is increasing at an alarming rate due to the fact that by formulating a patient's pain and problems into a language that the patient doesn't even speak, doctors suppose that they are in some sense taking those pains and problems under their jurisdiction and also reducing their emotional impact.

A euphemism is a substitution of an agreeable or inoffensive expression for one that may offend or suggest something unpleasant to the receiver. The purpose of the substitution may also be to avoid revealing secret or sacred names to the uninitiated, or to obscure the identity of the subject of a conversation from in certain situations. Some euphemisms are intended to amuse, while others are created to mislead. Euphemisms are often used to hide unpleasant or disturbing ideas, even when the literal term for them is not necessarily offensive.

This current study examines the latest medical euphemisms used in the English medical discourse. The research question, which is to be answered in the present study, is as follows: what medical euphemisms are used in the current English medical discourse and what are their underlying semantic and structural features?

The main reason for choosing the medical euphemisms for analysis was the fact that recent years witnessed an increasing literature on euphemism studies. However, only relatively fewer attempts were made in exploring the role of euphemisms used in hospital settings, where misunderstanding occurs from time to time between doctors and patients in our daily lives due to the use of euphemism, and in case their conflicts become so obvious and intense that sometimes some hospitals not only dissatisfy the families of the patients but are also charged to be dishonest.

The Objectives of the Research is to study theoretical approaches and studies concerning the concept and features of euphemisms; to identify the medical euphemisms used in today's English medical discourse; to group euphemisms into classes according to semantic topics; to analyse structural and semantic features of medical euphemisms. The basis or collecting euphemisms was Holder's dictionary of euphemisms *How Not to Say What You Mean*.

The present study defines euphemism and presents the history of its usage; gives general characteristics and possible classifications of euphemisms; analyses formation, i.e. structural and semantic features of the most recent medical euphemisms.

Classification of euphemisms involves grouping them according to the characteristics of their referents or, in some cases, according to their meaning. In this regard, several parameters were taken into consideration, according to which medical euphemisms fall into the following types:

- according to the semantic classification:
 - diseases: Cancer (*big C, long illness, mitotic disease, neoplasm* are used to avoid pronouncing directly the name of this disease; *smear* is a test for cervical cancer; *sore* replaces carcinoma.), tuberculosis (*consumption* and *white plague* are used to replace tuberculosis, *to be delicate* means to suffer from tuberculosis and *the spot* has been referred to the tubercular infection, when there is a hole in the lining of the lung which appears as a spot on the X-ray plate), venereal diseases (*Social disease* and *preventable disease* are the euphemisms for venereal disease, *Garmi* (Hindi, = heat) is a euphemism for diseases like gonorrhoea and syphilis, *Ping-pong infection* is the infection passed between sexual partners), AIDS (is itself an euphemism, *sickness of this generation* is another reference to AIDS, *five and three* (5+3) and *eight* sounds like AIDS, contacting HIV is like *stepping on a live wire, driving a Z3, having three kids and the three letters* refer to the three letters in the HIV acronym) and Others (*Emma Freuds, Farmer Giles, unmentionable* replaces hemorrhoids, *eating disorder* is used instead of anorexia, *falling evil* for epilepsy);
 - Death (i.e. *breathe one's last, fall asleep, at the room temperature, bloodless, didn't make it, feeling no pain, flatlined, his hour has come, left us, lost vital signs, negative patient care outcome, wearing a toe tag* etc.);
 - Manipulations (*intervention* is used to replace a surgical operation, medical jargon for another kind of invasion, when a person *needs to correct a problem* that means that there should be an surgery conducted);
 - States (*deaf, blind and lame* are *handicapped, challenged or inconvenienced*, a lot of euphemisms are used to replace some other physical state i.e. *not very well, off-colour, on the club, on the panel stands* for ill)

- Women health (pregnancy: *confinement, child-bed, dropping, happy event*; abortions: *to drop a bundle, illegal operation, planned termination*; menstruation: *trouble, women's problem*) ;
- Facilities (*nursing home* replaces hospital, *hospice* is an institution for incurable or dying)
- General (*claret* is an euphemism for blood, *throw a map, throw up your tonsils, feed the fishes, chuck up* replaces vomiting, *trouble* is any unpleasant or unwanted experience)
 - according to the type of formation
 - Circumlocution (i.e. breathe your last, close eyes)
 - Omission (e.g. all over with)
 - Abbreviation (D for death, C – cancer, AIDS)
 - Derivation (e.g. *anointed or goner* meaning that the person about to die, *taken or removed* – already dead person, *unmentionables* is an euphemism for hemorrhoids, *staining* - bleeding)
 - One-for-one substitution (e.g. clunk – a corpse, cold- dead, claret – blood)
 - Metaphorical transformation – (count the daisies, lay down your knife and fork, go on the box – be absent from work because of the illness)
 - according to “Transparency”:
 - context dependent (e.g. *home* – hospital, *dicky and funny* meaning unwell, *raspberry* – lame person)
 - context free (*exchange this life for the better, optically/vertically/visually challenged, hospice*)
 - according to the stylistic coloring:
 - stylistically colored (e.g. *under the daisies, off-line, come to the end of the road – to die, lady in the straw* – pregnant, *French renovating pills* – a substance to induce abortion of healthy foetus, *clunk* – a corpse)
 - Stylistically neutral (e.g. *have a heart* – a malfunction of the heart, *human difference* - a facility below the norm, *criminal operation* – an illegal abortion)
 - according to the morphological structure:
 - Nouns (e.g. curtains – death, hatch – the birth of the child)
 - Adjectives (e.g. cold, cool, off-line - dead, charming – in good health, anointed – about to die,
 - Verbs (doorstep – to abandon a baby, staining – bleeding)
 - Noun phrases (happy event – childbirth, little stranger – an unborn child)
 - Verb phrases (throw a map, throw up your tonsils – to vomit).

Medical euphemisms are not just a simple rhetoric replacement, it has some special characteristics which distinguish it with euphemistic expressions in other fields. Its production reflects doctors' motivation to hide the truth and in such way make the diagnosis sound more patient friendly. But very often it leads to some misunderstandings and doubletalk.

Литература

1. Allan, Keith & Burridge, Kate. (2006). Forbidden words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Allan, K. and Burridge, K. (1991) Euphemism and Dysphemism: language used as shield and weapon. Oxford: Oxford University Press.
3. • Crystal, David. (2003). The Cambridge Encyclopedia of The English Language. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
4. • Fernandez, Eliecer, C. (2006). The Language of Death: Euphemism and Conceptual Metaphorization in Victorian Obituaries. Sky Journal of Linguistics Vol.19, pp 101-130.
5. • Gladney, George Albert & Rittenberg, Terri L. (2005). Euphemistic Text Affects Attitudes, Behaviour. Newspaper Research Journal. 26 (1) 28-42.
6. • Goatly, Andrew (1997). The Language of Metaphors. London: Routledge.
7. • Gross, John. (1985). Intimations of Mortality. In Enright, D.J. 1985. Fair of Speech. The uses of euphemism. Oxford: Oxford University Press.
8. • Holder, R.W. (2003). How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms, Oxford University Press.

Слуцкий П. А.

канд. полит. наук, доцент

ВШЖиМК СПбГУ, доцент

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ИНФОРМИРУЮЩЕЙ И МОТИВИРУЮЩЕЙ КОММУНИКАЦИЕЙ В БИЗНЕСЕ

Реклама и коммерческая пропаганда как бизнес и форма высказывания имеют плохую репутацию и подвергаются достаточно детализированной критике, причем не только со стороны социалистических и демократических сил, но порой и со стороны либеральных консерваторов. Эта критика порой используется в качестве аргумента для призывов к ограничению свободы рекламной коммуникации и бизнес-пропаганды на уровне правительственных решений, вплоть до замены рекламной индустрии правительственным комитетом по рейтингу товаров.

Значительная часть этой критики основана на двух предположениях. Первое заключается в том, что существует разница между мотивирующей (или стимулирующей, побуждающей) рекламой, и информирующей рекламой. При этом что мотивирующая реклама - это плохо по ряду причин, а информационная реклама - это хорошо. Второе предположение заключается в избыточных издержках на продвижение, которые вынужден покрывать потребитель, приобретая продукт, который в противном случае мог быть продан за значительно меньшую сумму без рекламы. В рамках данной статьи выделяются системные ошибки, лежащие в основе этих предположений.

Начать необходимо с того, что подвергать людей информационному воздействию и мотивировать их - это действия, которые настолько тесно связаны друг с другом, что между ними практически невозможно провести границу. Возможно ли было бы запретить мотивирующую рекламу, разрешив рекламу информирующую? Вряд ли. Информация может быть представлена хорошо или плохо (т.е. скучно или захватывающе, вовлекая аудиторию или отталкивая ее), но она должна быть представлена тем или иным способом. Уолтер Блок предлагает великолепный пример [1, с. 64-65]: представим, что изобретен ковер-самолет, и принято решение распространить о нем информацию (скорость, максимальная дальность полета, стоимость владения, инструкция по сворачиванию и хранению и т.д.), но представление этих данных должно быть исключительно информирующим и лишено мотивирующих элементов, связанных с идеей продвижения товара. При таких условиях обычный телевизионный комментатор с его привлекательностью, уверенностью в себе и общей харизмой не может представлять эту информацию. Его личность может способствовать продвижению ковра. Не может быть и музыки в виде фона - она может показаться вдохновляющей. Ковер не может быть показан в действии, если на нем будет сидеть привлекательная женщина - все это может оказать мотивирующее воздействие.

Если информацию нельзя зачитывать, можно ли ее печатать? Но каким шрифтом и какого размера? Это должен быть очень мелкий, трудно различимый шрифт, чтобы люди едва могли его прочитать. В противном случае, при достаточно низкой цене, многие пойдут по дорожке принятия решения о покупке. Все сообщение должно быть представлено в намеренно приниженном виде, чтобы не привлекать к себе внимания. Очевидно, что не существует способа отделать «упаковку» от содержания. Невозможно представлять «чистую» информацию. Думать, что представление информации возможно без мотивации - просто нелепо.

Возражение, связанное с тем, что затраты на рекламу повышают себестоимость продукта, также не выдерживает серьезной критики. Рассмотрим популярное мнение о том, что существует два вида издержек. Во-первых, есть издержки производства, себестоимость того, что производитель хочет продать. Во-вторых, есть дополнительные затраты, которые не относятся к производству продукта, не меняют его сущности, не улучшают его, а всего лишь способствуют его продаже. Реклама является наиболее очевидным примером. И между этими двумя видами издержками есть «фундаментальные различия».

Ошибка в попытке разграничить эти два вида издержек обнаруживается довольно легко. На самом деле, для стороннего наблюдателя невозможно определить, какие издержки меняют сущность товара. Если два товара кажутся по всем признакам совершенно идентичными со стороны, но потребитель считает их разными продуктами, то для экономиста это два разных продукта. Товар - это не объективная материя, а то, что воспринимает потребитель, и в этом смысле разница между издержками производства и продажи является произвольной. Она зависит от мнения стороннего наблюдателя, который может сказать, что то или иное действие меняет или не меняет сущность товара. Но в этом случае «сторонний наблюдатель» получает право решать, что является а что не является товаром. А это нарушает право каждого потребителя самостоятельно решать, что он хочет и в чем нуждается [2].

Мизес предлагает пример, едва ли поддающийся усовершенствованию: человек выбирает между двумя ресторанами, которые предлагают совершенно одинаковые блюда. Но в одном ресторане полы чистые, а в другом не убирались шесть недель. Еда идентична. Куда можно отнести затраты на уборку в первом ресторане? Издержки производства или издержки продаж? Меняет ли это еду? Нет. В таком случае, это безусловные издержки продажи. Как и реклама. Еда остается точно такой же, но поскольку полы чисто вымыты, в первый ресторан приходит больше людей, нежели во второй. Но это было бы искажением фактов. Когда люди приходят в ресторан, они покупают не только еду. Люди покупают еду в определенном интерьере и атмосфере. Если интерьер и атмосфера более привлекательны, это уже другое блюдо, другой продукт. То, что было потрачено на чистоту интерьера в той же степени относится к затратам на производство, что и зарплата повара.

Как указывает Л. фон Мизес, «затраты на рекламу, с точки зрения рекламодателя, являются частью общих издержек на производства. Продавец тратит деньги на рекламу только в том случае, если он рассчитывает на то, что

рост продаж покрывает рост издержек. В этом смысле нет разницы между затратами на рекламу и другими затратами [...] Все производственные издержки осуществляются с намерением повысить спрос. Если производитель конфет использует лучшее сырье, он это делает, чтобы увеличить спрос. Для этой же цели он может использовать более привлекательную упаковку или лучше отделанные магазины, или тратить больше на рекламу» [3, с. 320-324].

Упаковка продукта тоже повышает себестоимость и цену. Как и транспортировка. Но эти дополнительные затраты необходимы для того, чтобы сделать товар доступным для покупателя. Но ведь тоже самое можно сказать о рекламе. Предположим, себестоимость производства ковра-самолета из примера, предложенного У. Блоком, составляет 950 долларов, упаковка - 10 долларов, и транспортировка - 40 долларов. Если покупатель хочет получить все преимущества от упаковки и транспортировки, ему придется заплатить 1000 долларов. Но у него может быть выбор: «самовывоз» упакованного ковра за 960, неупакованного - за 950, или доставка неупакованного до дома за 990 долларов.

То же самое можно сказать и о затратах на рекламу. Если на рекламу ковра тратится 100 долларов, у покупателя есть выбор между рекламируемым брендом за 1100 долларов и нерекламируемым (который они наверняка обнаружат если будут искать достаточно долго) за 1000. Если достаточное количество потребителей хотят найти нерекламируемые бренды, то найдутся и производители, которые будут удовлетворять этот спрос. Тем не менее, некоторые покупатели могут быть недостаточно предприимчивыми или энергичными, чтобы искать нерекламируемый товар за меньшие деньги. Это даст производителю стимул рекламироваться, и затраты на рекламу будут добавлены к продажной цене. Таким образом, это правда, что затраты на рекламу увеличивают цену продукта. Но также правдой является то, что реклама необходима для того, чтобы донести товар до людей. Если кто-то отказывается покупать неупакованный ковер-самолет без доставки, но хотел бы купить упакованный с доставкой, можно ли было сказать, что затраты на упаковку и доставку, добавленные к себестоимости товара, были ненужными? Очевидно, это не так. Подобным же образом, реклама не добавляет ненужные затраты к себестоимости товара [1, с. 65].

Что можно сказать о правительственном комитете по рейтингу товаров, который мог бы заменить рекламу. Перед тем, как давать правительству еще одно задание, которое поможет победить «несовершенство» рыночных механизмов, стоит проанализировать эффективность успехов правительств в регулировании. Весь опыт различных регулирующих органов во всех странах мира показывает, что они с успехом регулируют индустрии не в интересах потребителя, а в интересах индустрии. И это не случайность, для этого есть причина.

Каждый из нас в буквальном смысле является потребителем тысяч продуктов, но при этом производит только один. Наша возможность влиять на законодательство в сфере регулирования в значительно большей степени сконцентрирована на роли производителя нежели потребителя.

Правительственные органы, соответственно, тяготеют к регулированию в пользу производящей индустрии, а не массового потребителя. На самом деле, правительственные регулирующие органы создаются теми индустриями, которые потом должны подлежать регулированию. Нет никакого основания предполагать, что рейтинговые агентства в области рекламы будут более эффективными.

Но самым сильным аргументом против правительственного регулирования является не эмпирические свидетельства, а логика. Сторонники правительственного регулирования противоречат сами себе, считая, что потребитель уязвим и поэтому должен быть защищен - оставленный без присмотра, он станет жертвой. Потребителя можно якобы заставить думать, что покупая определенный бренд лосьона после бритья он получит девушку с рекламной картинки. С другой стороны, эта логика предполагает, что потребитель будет достаточно умен, чтобы выбрать и проголосовать за политического лидера, который сможет регулировать отрасль и решить данную проблему. Это невозможно.

В любом случае, если общественность действительно нуждается в объективной информации о потребительских товарах, она может получить эту информацию благодаря рыночным услугам независимых фирм и организаций.

Литература

Block W. *Defending the Undefendable*. New York: Fleet Press, 1976.

Kirzner I. *Advertising. Lecture*. 1971. URL: <http://www.bullfax.com/?q=node-israel-kirzner-lecture-advertising-1971>.

Mises L. v. *Human Action: A Treatise on Economics*, 4th ed. Irvington-on-Hudson, N.Y.: Foundation for Economic Education. 1996.

Кадушкин В. Д.

кандидат исторических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия, кафедра теоретической и прикладной политологии, доцент

«ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛИТОЛОГИИ

Базальный принцип общения как экзистенциальной потребности основан на системе вербальных знаков, специфика которых в научной коммуникации определяется особой ролью понятий и их дефиниций, обуславливающих характер информационной реципрокации. Формирование специфических видов коммуникации в сфере познания – атрибутивный элемент становления науки как модуса дискурсивного освоения бытия и социального института, структурной единицей которого является система категорий.

Однако, отдельные (иногда даже базовые) категории приобрели в процессе лингвистической эволюции столь расширительную, предметно не идентифицируемую семантику, что трансформировались из модусов индексации смысла в контекстно диспаратные по «вкладываемому» в них содержанию знаковые модели, мало пригодные в целях адекватного

отображения конкретного смыслового эквивалента, и потому требуют уточнения их семантического параметра. Это касается, прежде всего, понятийного аппарата дисциплин, наиболее подверженных идеологической инвазии.

Данное обстоятельство, как свидетельствует социальная практика, формирует негативную коммуникационную ситуацию: нарушается информационная релевантность, усложняется адекватное восприятие информации реципиентами – возникает субъективное убеждение в понимании того, чего в действительности не понимают [5, с. 8]; не исключена эвентуальная деформация функциональной роли знаковой системы, ее сегментарная деградация.

Актуализация обозначенной тенденции наиболее вероятна (что подтверждается социолингвистическими исследованиями) в сфере массового сознания, на уровне которого значение более пятидесяти процентов даже наиболее часто употребляемых в публицистике, обладающих традиционно стабильным смысловым содержанием терминов, воспринимается в искаженном виде.

В логико-семантическом контексте понятия составляют смысл лексических единиц как конкретизацию значения языковых выражений, как лексически оформленное отражение действительности в мышлении; в идеале – как эквивалент вербального воспроизводства обобщающей сущностной стороны объектов, предметов, явлений, процессов.

Формирование значения лингвистического знака, приобретение им конкретики – есть следствие взаимодействия с другими знаками, т. е. – результат оппозиции, противопоставления знаков одного уровня, выявляющего различия между ними [6, с. 115, 119]. Конкретизировать понятие – значит точно перечислить те признаки, которые ассоциируются с ним при его акустическом или графическом воспроизведении. Понятие будет определено, верно, если эти признаки необходимы и достаточны для отличения дефинируемого объекта от других, относящихся к этому же роду.

Следовательно, понятия функционально ориентированы на установление содержательной взаимосвязи лексического и предметного, точного значения слова в целях адекватного смыслового использования понятий в процессе мышления и практической деятельности. Как отмечал Э. По, «слова обретают ценность благодаря своей точности» [4, с. 337].

Итак, эффективность утилитарного использования понятий обусловлена степенью соответствия сущностной стороны действительности, отраженной в понятии логической абстракции. Поэтому экспликация семантики концептуального языка как специфического коммуникативного компонента, корректирующего структуру информационных процессов, является одной из традиционных проблем науки, начиная с античности [См.: 1;3].

Эта задача представляется тем более актуальной, когда речь идет о дисциплинах обществоведческого цикла, в том числе – политологии, категориальный аппарат которой является универсальным. В данном контексте семиосфера, слова как информационный инструмент могут быть ориентированы

на формирование в общественном сознании схематизированных, стандартизированных, часто – искаженных, но при этом обладающих высокой устойчивостью представлений о социальных объектах, социуме в целом. Соответственно, решение многих социальных проблем, в частности эффективный поиск наиболее оптимальных путей и методов реализации специфических материальных и духовных потребностей, обусловлено не только объективными возможностями общества и комплексом субъективных предпосылок, но и адекватным вербальным отображением социально значимых запросов.

Одним из универсальных, наиболее часто используемых в процессе коммуникации и в то же время «наименее проясненных понятий» [2] является *политическое*, вокруг которого сформировалось поливариантное, внутренне противоречивое семантическое пространство, объединившее диспарантные, иногда взаимоисключающие составные, вследствие чего этимон термина кардинально трансформировался и приобрел настолько аморфный характер, что стал эпонимом разнородной в логико-семантическом аспекте группы явлений. Современное лексическое значение *политического* не может быть идентифицировано с семантическим архетипом. По сути, данное понятие деэтимологизировалось, а алогизм смыслового использования приобрел не имеющие в языковой практике аналогов гипертрофированные масштабы.

Высказывания, смысловое содержание которых не поддается даже вероятностной идентификации, множатся в геометрической прогрессии; все они однотипны (в том отношении, что представляют собой фразеологические курьезы). В череде перманентных и непредсказуемых речевых «мутаций» *политическое* оказывается в совершенно неожиданных и невероятных с точки зрения здравого смысла лингвистических контекстах.

Нарушение принципа однозначности в отношении категории *политическое* (по сути переставшего быть именем конкретного объекта) придало объему данного понятия настолько расширительную характеристику, что в соответствии с законом обратного отношения его содержание исчезает, *политическое* превращается в ситуативный термин, собственное лексическое значение которого становится ничтожным

Значимость уточнения дефиниции *политического* выходит за пределы чисто теоретического интереса и имеет четко обозначенный прикладной аспект. Эмпирический контекстуальный анализ лексической коммуникации подтверждает обусловленность отрицательной логической реципрокальности *политического* и остальных входящих в контекст понятий именно отсутствием единого унифицированного конституента *политического*.

Из вышеизложенного следует: во-первых, фразы, содержащие понятие *политическое* обладают потенциальной способностью трансформироваться в квазианалоги идиом, содержание которых не выводимо из совокупного значения образующих ее лексем; поэтому релевантность сенсорного восприятия коммуникантами истинного значения заключенной в них информации предельно затруднена. Данное обстоятельство используется коммуникаторами в целях сокрытия своих подлинных намерений посредством

их «вуалирования» языковыми знаками, а также – неоднократной ситуативно ориентированной реинтерпретации заявленного ими; при этом используется стандартный аргумент: «меня не так поняли». В итоге слово из звукового воплощения мысли становится средством ее умышленного искажения, инструментом дезинформации, манипулирования общественным сознанием.

Во-вторых, в целях обеспечения адекватности восприятия объектами коммуникации (в особенности – однолинейной некооперативной) транслируемой информации возникает потребность экспликации понятия *политическое* чуть ли не в каждом контекстуальном варианте. Поскольку это не представляется возможным, в социуме формируется отношение к семантике данного термина как к лингвистическому «ребусу», восприятие смыслового содержания которого обусловлено, в основном, уровнем функциональной грамотности коммуникантов. При этом не исключено активное приобретение *политическим* негативных коннотаций, вплоть до криминальных; поэтому совокупность характеристик, оценок, чувств, связанных с ним, может принять устойчивую знаковую форму-стереотип, ассоциируемую (особенно на уровне обыденного сознания) с областью малопорядочной деятельности, определяющей этической составной которой является имморализм («мягкий» вариант – эмотивизм).

В-третьих, восприятие человеком мира на уровне абстракций осуществляется через категории и формы языка. Слово несет в себе определенное смысловое содержание, формирующее ментальность личности и детерминирующее восприятие ею объектов реального мира. В данном контексте *политическое* – это не только лингвистический структурный элемент разноуровневой коммуникации, и его социальная функция не ограничивается ролью языкового знака – «пассивного» инструмента адекватного восприятия социумами многообразия общественных отношений, – *политическое* эвентуально способно стать опосредованным фактором специфичности социального процесса, его динамики, трансформировавшись в общественном сознании в смыслообразы, регулирующие отношение индивидов к отдельным базальным видам социально значимой активности. В качестве одно из лингвистических детерминант специфики ценностных ориентаций категория *политическое* активно используется в практике борьбы за обладание государственной властью, либо – давление на нее.

Литература

1. Автономова Н.С. Заметки о философском языке: традиции, проблемы, перспективы // Вопросы философии. 1999. № 11.
2. Костюк К.Н. Понятие политического в истории мысли и современной науке // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3.
3. Навозова М.Н. Философия о неоднозначности выражений в научном языке (от Парменида до Гегеля) // Современная наука и закономерности ее развития. Вып. 3. М., 2004.
4. По Э. Рассказы. М., 1980.
5. Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы в нашей стране активно ведется работа по развитию волонтерства. Деятельность волонтеров стала заметным фактором, влияющим на функционирование всего общества. В то же время волонтерство не сложилось как целостная система, поскольку, с одной стороны, наблюдается динамичное развитие института волонтерства, с другой, - недостаточное нормативно-правовое регулирование данного вида деятельности.

К нормативно-правовой базе, регулирующей сферу волонтерства в России, относятся следующие документы:

- Всеобщая декларация прав человека;
- Всеобщая декларация добровольцев;
- Конституция РФ;
- Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации;
- Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ;
- Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»;
- Федеральный закон «Об общественных объединениях»;
- Федеральный закон «О некоммерческих организациях»;
- Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»;
- Методические рекомендации по развитию добровольческой (волонтерской) деятельности молодежи в субъектах Российской Федерации.

Конституция РФ закрепляет принцип свободы труда (ст. 37). Одной из составляющих этого принципа является право человека работать как за вознаграждение, так и безвозмездно. В соответствии с положениями ст. 39 Конституции РФ поощряется благотворительность.

Всеобщая декларация добровольцев, принятая на 11 конгрессе Международной Ассоциации Добровольцев в Париже, 14 сентября 1990 года, следующим образом определяет добровольчество:

- «Добровольчество - это:
- добровольный выбор, отражающий личные взгляды и позиции;
 - активное участие гражданина в жизни человеческого сообщества;
 - способствует улучшению качества жизни, личному совершенствованию и углублению солидарности;

- выражается, как правило, в совместной деятельности в рамках разного рода ассоциаций;

способствует реализации основных человеческих потребностей на пути строительства более справедливого и мирного общества;

- способствует более сбалансированному экономическому и социальному развитию, созданию новых рабочих мест и новых профессий».

Как отмечается в Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ, благотворительная и добровольческая деятельность является сферой, дающей простор созидательной инициативе и социальному творчеству широких слоев населения, обеспечивающей важный вклад в достижение целей социальной политики страны и повышение качества жизни граждан [1].

Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации определяет приоритетные направления, включающие вовлечение молодежи в общественную жизнь и ее информирование о потенциальных возможностях развития в России. Среди проектов, направленных на реализацию данного направления, следует отметить «Доброволец России», основными целями которого являются:

- мотивация молодых людей к оказанию помощи, проявлению действенной инициативы в решении проблем людей, нуждающихся в помощи и поддержке;

- формирование механизмов вовлечения молодых людей в многообразную общественную деятельность, направленную на улучшение качества жизни молодых россиян;

- развитие и поддержка молодежных инициатив, направленных на организацию добровольческого труда молодежи.

Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» 1995г. рассматривает добровольческую деятельность в качестве одного из видов благотворительной деятельности. В частности, основное содержание Федерального закона "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», сводится к регулированию деятельности благотворительных организаций и лишь в незначительной части регулирует аналогичную деятельность о благотворителей и добровольцев из числа граждан [2].

Несмотря на наличие нормативно-правовых актов, так или иначе содержащих положения о волонтерской деятельности, необходимо отметить недостаточную разработанность данной сферы, которая выражается в следующем:

- не вполне определены функции и полномочия каждого из субъектов волонтерства,

- не урегулированы отношения между институтами гражданского общества, с одной стороны, и органами государственной власти и управления, муниципальными органами, с другой, в области осуществления волонтерства, а также отношения между организаторами деятельности волонтеров,

волонтерами, с одной стороны, и третьими лицами, с другой, при осуществлении деятельности волонтеров,

- не установлены меры ответственности должностных лиц органов государственной власти и управления, муниципальных органов за препятствие или противодействие волонтерству и меры ответственности организаторов деятельности волонтеров, волонтеров за неисполнение (ненадлежащее исполнение) договоров, меры ответственности организаторов в части нарушения соглашений с волонтерами, не обеспечения безопасных условий деятельности волонтеров и т.д.

Таким образом, становится очевидно, что деятельность добровольцев не имеет надлежащего правового регулирования в России. Исправить этот юридический пробел поможет принятие закона «О добровольчестве (волонтерстве)», который активно обсуждается в настоящее время [3].

Цель законопроекта заключается в создании правовой основы функционирования в России целостной системы добровольческой (волонтерской) деятельности, структуры, механизмов функционирования институтов и организаций, осуществляющих добровольческую (волонтерскую) деятельность, определении основных принципов добровольчества (волонтерства), целей и задач добровольческой (волонтерской) деятельности, форм и видов добровольческой (волонтерской) деятельности, прав и обязанностей участников добровольческой (волонтерской) деятельности, отношений между ними, системы мер по стимулированию добровольчества (волонтерства), полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в данной области.

В Проекте Федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)» используются следующие основные понятия:

- *добровольчество* (волонтерство) – совокупность общественных отношений, связанных с осуществлением физическими лицами добровольно в свободное от работы (учебы) время деятельности в интересах получателей помощи добровольца (волонтера);

- *добровольческая (волонтерская) деятельность* – добровольная социально направленная, общественно полезная деятельность, осуществляемая путем выполнения работ, оказания услуг в формах и видах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности затрат);

- *доброволец (волонтер)* – физическое лицо, осуществляющее в свободное от работы (учебы) время добровольную социально направленную, общественно полезную деятельность в формах и видах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, без получения денежного или материального вознаграждения (кроме случаев возможного возмещения связанных с осуществлением добровольческой (волонтерской) деятельности затрат).

Таким образом, принятие законопроекта, направленного на комплексное федеральное регулирование многочисленных аспектов волонтерской

деятельности, позволит создать правовые условия для развития гражданского общества, волонтерства в современной России.

Литература

1. Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/docs/view/>
2. Обзор изменений федерального закона от 11.08.1995 n 135-фз "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/obob>
3. Концепция закона о волонтерах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slideshare.net>

Корольков С.А.

*Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, студент*

ACADEMIC ESTABLISHMENT OF SOCIAL SCIENCE IN THE FRENCH SCHOOL OF SOCIOLOGY

The tendency to observe from a man can do the same novelist, playwright, a chemist, a naturalist, a sociologist

Emile Durkheim

Emile Durkheim is one of the most well-known sociologists in the world, being an essential part of the “golden triangle” of the sociology, together with Marx and Weber. He was born in 1858 in an orthodox Jewish family and was greatly influenced by his origin. Moreover, his early education was aimed to become a rabbi. Thus he is another example of a scholar (together with Marx), who has lost his belief, dropped his identity, and became secular, but still has this warm close Jewish background, which he is searching in lots of his works.

He was a marginal figure, both secular rationalist and prophet. “He was thin and pale in his grey jacket...His grave manner never brightened. Even the most significant moments of his lectures were totally without charm. But he was a very good lecturer – clear, authoritative, direct”[6]. Durkheim was extremely pessimistic. He was sure in the weakness of democracy, capitalism and modern industrialism and wanted to put some corrections in them. He was very alienated and frustrated thinker, full of uncertainty. He worked very obsessively and his works are obsessive. There were some mental breakdowns in his life. Although he died very early – at the age of 59, his reputation is really great.

Emile Durkheim lived at the edge of two centuries, at the edge of two epochs. During his lifetime he could see the main political events of the world in the 19th-20th centuries, when Japan has become a major player in the East, defeating Russia and China, when India was getting worthless, when America was challenging Europe, which in turn was in a complete collapse.

At that time the main sociological paradigm was evolutionism, which to some extent was the political philosophy of the expanding European empires around the world. Thus enormous inequalities in power and wealth emerged. This was an

intellectual background for the conception of the ladder model of civilizations. But within some time the growing intellectual power revealed the nonsense of such a view. Why? The strict evolutionary theory said that all societies must go through series of stages. And the core problem of such a view could be expressed with only one word – diffusion. It was clear, that the technologies were spreading very quickly and a certain country didn't have to follow all the stages. What could replace the evolutionism? The functionalism, which was explaining the situation statically. And Emile Durkheim was an essential example of the functional paradigm.

His central thought was – how can we hold the societies together? When answering his question, he used an interesting methodology of elimination the impossible ways of holding the societies together. Furthermore, he advocates the comparative method, but he doesn't use it. And exactly for this reason he is a very provincial thinker, because he considers only France, recent France and that's all.

So his sociology is about the conditions of the conservation of societies. We've got the industrial revolution, high social and geographical mobility, we've got cities and so on and so forth – how are we going to hold them all together, how can we get an integration? Generally it reflects the problem, which all the sociologists and anthropologists had to face in the 19th-20th century. Another problem is an increasing individualism, when we have the movement:

- From the community to association;
- From the status to contract;
- From the sacred to profane;

He made four main attempts to answer this question in four his main works:

- “The division of labor and society” (1893);
- “Suicide” (1897);
- “Professional Ethics and Civic Morals” (work on occupational groups raised from a number of his lectures, originally delivered in 1890-1900);
- “The elementary forms of religious life” (1912).

One of the most interesting his works is the work on the occupational groups. In fact he never wrote a book on the occupational groups, it was raised from a number of his lectures, originally delivered in 1890-1900 and published as “Professional Ethics and Civic Morals”. The book was aimed at finding in the big amount of the groups a special group, that through the way of inclusion of the individuals could integrate the society.

Emile Durkheim thinks that one of the biggest problems of the modern societies is the lack of belongingness. He realizes that after the French Revolution the state was becoming more and more powerful and individualism was becoming weaker and weaker. So you need a corporate group between the state and the citizen in order to:

- Protect you practically.
- Give you the social meaning.

“Nation can be maintained only if between the state and individual there is a whole series of secondary groups to attract them (individuals) strongly in the sphere of action and drive into the social life”[5]. And it also gives the moral integration. The state can tell you what to do, but it can't make you feel this is right or this is wrong. Thus the state can't give you the moral integration.

And these groups break down the negative individualism, they create warmth and also a sense and the meaning of life.

“What we especially see in the occupational groups is a moral power capable for containing individual egos”[5].

Originally this has been done by the family, in the Medieval period – by the occupational guild. These intermediary associations have been destroyed by the unifying measures of France, Germany, when all the associations were banned. And greatly surprising thing is that Durkheim considers these steps as positive actions. Since the 18th century, when all the corporations were suppressed, there was nothing to replace them. “The fact of modernity is that all the older forms of social organization were destroyed”[5].

Basically the new entities were based on the profession, but Durkheim is very weak at the explanation of the communicational and structural roles. Durkheim thinks that the state sets up all the organizations and should interfere in their everyday life all the time. “State must absorb all those secondary groups, which tend to absorb the personalities of their members. It must do this in order to prevent this absorption of those individuals”[5]. And we see the contradiction that Durkheim argues that between the state and the citizen a special social formation should exist – the occupational groups, which are aimed at the elimination of the lack of belongingness giving the individual the sense of life, but on the other hand he claims that state must constantly interfere in the affairs of these groups. These groups become the core of the civil society, which, to a large extent is independent to the state. Thus this endeavour also fails.

His last try to find the moral solution to the problem of the modernity is “The elementary forms of religious life”[4]. In this work he proposes to go back to the earliest, simplest case, Australian aboriginals, for instance, see what holds their societies together and use it on the modern basis.

His idea is:

- religion is the projection of the society;
- society is the projection of the religion.

Basically the religion provides us with the category of thought. “The most essential notions of a human mind are the notions of time, space, force, causality, personality [...] – the world of categories which dominates the whole logical thought, elaborated in religion[4]”.

Religion also reflects and organizes the collective conscience, which is the set of assumptions about a world.

Durkheim is the first, who argues, that the modern science is identical to religion. Science is a set of vigorously controlled observations, thus the science is another way of talking about the world on the continuum of religion, not entirely different one. “Religion itself is generated by society; cosmic space was primitively constructed by the social space, time expresses the rhythm of collective life, the notion of class is just one of the aspects of human group”[4].

Durkheim offers the bipartite division of the whole universe, known in two classes:

- sacred;

➤ profane.

This classification embraces all that exists and radically exclude each other. “Sacred things are clear because a set of interdictions. Profane things are those to which the interdictions are applied”[4]. And the religion is the projection of the sacred principles, while the society is the projection of the profane.

So what is the ratio between the religion and the society? Emile Durkheim proposes that the main function of the ritual and collective activities is the creation of the feeling of oneness, generate and restore social memory, increase moral density. The tribe comes together several times a year and creates the feeling of togetherness for a big period of time.

Within such activities not only the religious feelings can appear, but also secular, like in the crowd.

This attempt of Durkheim also failed, because he hasn't managed to find the solution to the modern industrial society, he has just offered to go back to the earliest, simplest case – aboriginals of Australia.

Durkheim was greatly criticized for his ideas. “Within 10 years his systematization will be completely rejected along with the generalizations, constructed on the most fragile set of ethnographic data, which I know. The idea here, which derives from a theory of a primitive man about simple societies, is entirely erroneous [7]”

Generally the comparison with the other great sociologists reveals the unsuccessful attempt of construction the theory. Why? The data and methodology weren't very good. He used an interesting method of elimination, but almost without any comparison. Durkheim is a very provincial thinker, because he considered only recent France. He even doesn't have any causation theory. He thought that social thinkers can deal only with the statistical pattern, without any accidental. “the task of a social science is to concentrate on the forms of regularity of behavior, which is no dominated by the accident”[4]. Sociological scholars mustn't deal with the multy-causal events, because you cannot weigh them.

The result of all his works, unfortunately, was an empty sociology. What Durkheim's sociology is about? It's about social facts. The social fact is an object of the sociology. “Social facts must be studied as things”[2]. He explains social fact as the fundamental principle of the objective reality, social phenomenon.

Thus the social fact is everything and nothing at the same time; and the object of sociology becomes too general and too specific. Fox hunting, coffin cup of tea... – they are all the objects of sociology.

Список використаної літератури:

1. Emile Durkheim. The Division of Labour in Society (1893).
2. Emile Durkheim. The Rules of Sociological Method (1895).
3. Emile Durkheim. Suicide (1897).
4. Emile Durkheim. The Elementary Forms of the Religious Life (1912).
5. Emile Durkheim. Professional Ethics and Civic Morals (1958).
6. Steven Lukes. Emile Durkheim: His Life and Work. A Historical and Critical Study. Penguin Books, 1973.
7. E. E Evans-Pritchard. A History of Anthropological Thought (1950).

РЕАБИЛИТАЦИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ — НАПРАВЛЕНИЕ ПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ

«Смысл веры не в том, чтобы поселиться на небесах, а в том, чтобы поселить небеса в себе» — так говорил английский романист, новеллист и поэт XIX века Томас Харди. Эту простую истину должен посеять в себе каждый человек, который жаждет благополучия и процветания.

Одной из наиболее актуальных проблем, которые остро стоят в обществе, является наркомания.

В апреле 2013г. нами было проведено социологическое исследование среди здорового и наркозависимого населения г. Владимира и Владимирской обл. с целью выяснить осведомленность о масштабах наркомании и выявить какую роль в избавлении от болезни играет религия. По результатам ответов опрошенных респондентов меньше половины, 42,5%, называют количество наркозависимых, которое соответствует официальным источникам — 8,8 млн. , 27,5% живут старыми цифрами, считая, что наркоманов в России – 2,5 млн., 15% респондентов выделяют 1 млн. человек и по 7,5% опрошенных называют в качестве своего ответа 500 тыс. и 250 тыс. человек. Всё это говорит о том, что люди, в возрасте от 15 до 60 лет и старше, недооценивают угрозу, нависшую над нами.

В 2009 году официальное число наркоманов в России было 2,5 миллионов [1]. В октябре 2012 года глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Иванов озвучил новую цифру: 8,5 миллионов наркоманов [2]. В декабре 2012 года появились новая информация: «Порядка 8,8 млн человек в стране регулярно употребляют наркотики, порядка 18 млн хотя бы раз употребляли наркотики» [2].

Проходящие или уже прошедшие курс реабилитации респонденты (со сроком ремиссии от 1,5 лет) уверены, что наркомания излечима. Среди независимой части населения 52% также считает, что болезнь поддается лечению, 37% опрошенных респондентов занимают противоположную позицию и 11% не определились с мнением. А по оценкам врачей, лечение наркоманов оказывается неэффективным примерно в 95% случаях, и только 5% наркозависимых излечиваются полностью. Это говорит о том, что человеку требуется социальная и духовная реабилитация. Больной нуждается во внутреннем стержне, который не только поможет ему выкарабкаться из «геены огненной» (которой в данном случае выступает наркомания), но и в дальнейшем убережет от повторного возвращения на «кривую дорожку». И таким стержнем, на наш взгляд, выступает вера в Бога.

Ведущие современные психиатры считают, что наиболее значимым фактором в развитии наркомании является бездуховное состояние общества. В социальных науках «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, в религиозных учениях и практиках. Поэтому, когда

стоит вопрос психического выживания человека, спасает вера. Наркозависимые рассказывают: *«Понимаете, когда ты «наполняешься» духовностью с Божьей помощью, ты начинаешь видеть мир по-другому и начинаешь по-настоящему ценить жизнь. Раньше, я не обращал внимание на то, как поют птицы, как растет трава. У меня были вообще другие планы на жизнь, я думал, что я сейчас протрезвею, чтобы денег много заработать... потом, я понял, что в жизни это не главное, что гораздо важнее помочь кому-нибудь. И я могу помочь таким же наркоманам, как и я, обрести трезвость»* [7].

Для любого человека, независимо от национальности, языковой принадлежности, социального статуса и т.д. необходимо знать, зачем он появился на свет и к чему ему стоит двигаться, каких целей достигать. Данные аспекты являются базовыми экзистенциальными понятиями. В рамках реабилитации наркозависимым прививают (или восстанавливают) этот экзистенциальный блок посредством религиозной веры, т.к. именно религия на протяжении многих веков формировала нравственное здоровье общества, используя уже готовую мировоззренческую модель, отточенную временем.

Многие наркозависимые считают, что Бог воздействует на этот мир через людей. Непосредственная помощь, которую несет им вера, осуществляется через руководителей реабилитационных центров, друзей или просто случайных «помощников». И именно в этом они видят проявление того, что называют «высшей силой». *«Наркоману кажется, что он никому не нужен, что он ничтожество. А когда он начинает читать Библию, он узнает, что Иисус Христос когда-то умер за него на кресте, и то, что наркоман раньше грешил - ему это все прощено. И тогда человек начинает чувствовать, что он нужен, что есть нечто большое и глобальное, с чем он связан. И тогда он начинает жить по Слову Божьему»* [7]. Религия помогает обрести наркозависимому человеку тот душевный покой, который он утратил. Она отделяет ложные симпатии, пропитанные большой зависимостью, от истинных, путём чистой веры в лучшее для себя, окружающих и всего человечества в целом.

Не меньшую роль в жизни любого человека играют идеалы, нравственные установки и ценности, формирующиеся с самого раннего детства. Они складываются в единую систему и в дальнейшем определяют наши поступки. Ценностно-нравственная система у наркозависимого человека полностью или частично разрушена, что лишает его жизнь значимости и смысла. может помочь сформировать идеал (высшую цель). Реализация таких идеалов формирует смысл жизни.

Согласно проведенному нами опросу: 92,3% наркозависимых выделяют в качестве единственного средства для преодоления болезни церковь; всего 7,7% наркоманов считают наиболее эффективной профессиональную медицину. Среди независимого населения лишь 30% людей для решения данной проблемы обратились бы в церковь, 67% отдают предпочтение профессиональной медицине и 3% уверены, что справятся сами. Несмотря на вышесказанное, среди опрошенных респондентов, не страдающих от наркомании, 85% верующих и всего 15% атеистов, что, казалось бы, должно склонить чашу весов в пользу церкви. Большим подспорьем в борьбе с

болезнью респонденты называют семью, друзей и знакомых, которые играют огромную роль в постлечебной адаптации к окружающей действительности.

Сейчас в России около сорока православных реабилитационных центров, которые готовы взяться за «невозможное». Религиозные организации исходят из того, что наркомания — это болезнь не биологическая, она болезнь души, следствие греха и греховного образа жизни. Любая традиционная религия исключает потребление наркотиков. Человек, соблюдая каноны и требования своей религии, автоматически избавляется от потребления наркотиков.

Рассмотрим результативность религиозных программ реабилитационных центров по работе с наркозависимыми.

Православный реабилитационный центр «Осознание»

(существует с 2007 г., г. Гороховец, Владимирская обл.)

За время существования организации более 300 человек обратились за помощью, 40 из которых находятся в состоянии устойчивой ремиссии, 8 человек продолжили служение в реабилитационном центре, сыграна 1 свадьба между людьми, находящимися на реабилитации [4].

Реабилитационный центр «Новая жизнь»

(существует с 29 мая 1995 г., Ленинградская обл., пос. Преображенка).

За время работы Организации «Новая Жизнь» 1050 человек прошли полный курс реабилитации, более 710 из которых на сегодняшний день имеют стойкую ремиссию от года до семнадцати лет. Каждую неделю на реабилитацию приезжают до 10 человек. Выпускники Центра сыграли около 206 свадеб, а в их семьях родилось 350 детей [7].

Аспект религии в процессе реабилитации является одним из основных компонентов лечения. Влияние этого аспекта необходимо для восстановления утраченных ранее посредством болезни ценностно-нравственных ориентаций, заполняющих смыслами «экзистенциальный вакуум», являющийся следствием зависимости, а иногда, и самой причиной употребления.

В книге известного психолога и доктора психологических наук Р. М. Грановской, в главе «Изменение смысла жизни под влиянием веры», говорится, что религиозная вера может привести к целеустремленности такой силы, которая позволяет человеку преодолеть тягу к отклонениям от избранного пути (например, к наркотикам). Предельная целеустремленность обеспечивает ему стабильность душевного равновесия. Специалисты подтверждают: «Когда человек признает свое бессилие перед проблемой, он начинает искать тех, у кого есть эта сила. Таким образом, можно прийти к вере. Это сила, которая более могущественная, чем зависимость, следовательно, она может помочь. Фактически именно с этого начинается реконструкция того, чем они были раньше, до болезни. И это очень важно, плюс научение новыми ценностями. Эти ценности может дать им религия. Это элементарные общечеловеческие ценности» [6, с. 435]. Религия помогает человеку увидеть новые значимые цели в своем внутреннем мире.

Если говорить о наркозависимых, то в данном случае вера в Бога может заменить потерянный смысл жизни (ранее заключавшийся в употреблении наркотика) на качественно новый, социально приемлемый. Вера и религия

формируют не только относительную социальную адаптацию, но и нравственные ценности, исходя из которых, будет строиться новая жизнь. Как говорил немецкий христианский мистик и поэт XVII века Ангелус Силезиус: «Если рай не в тебе самом, то ты никогда не войдешь в него».

Список используемых источников

[1] Официальный сайт ФСКН России. [Электронный ресурс]. URL: http://fskn.rkomi.ru/obzor_smi/fskn/2009/02_2009/obzor_smi_fskn_26_02_2009.htm

[2] Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/25972/2908756/>

[3] Реабилитационная наркологическая клиника «НВ-Центр». [Электронный ресурс]. URL: <http://nvcentr.ru/press/?doc=8186>

[4] Официальный сайт общественной организации по борьбе с наркоманией и алкоголизмом «Осознание». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osoznanie-narkotikam.net/>

[5] Официальный сайт центра социальной реабилитации для наркоманов и алкоголиков «Новая Жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <http://newliferus.ru/>

[6] Р. М. Грановская. Психология веры. СПб., 2004.

[7] Официальный сайт реабилитационной наркологической клиники «НВ – центр». [Электронный ресурс]. URL: <http://nvcentr.ru/press>

Безуглая Р.И.

кандидат искусствоведения, доцент

Киевский национальный университет культуры и искусств, доцент

ГЛАМУР КАК ДОМИНАНТНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Культура современного общества характеризуется чрезвычайной подвижностью, быстрой сменой ориентиров и стандартов. Можно утверждать, что «центральным элементом» этой культуры выступают средства массовой информации и коммуникации, которые не только постоянно увеличивают поток предоставляемой информации, но и спровоцировали значительное усиление роли визуальной информации (по сравнению с вербальной) в социальном пространстве. Современный человек «оказался в среде» различных информационных образов, рекламных картинок, кадров, отрывков информации, звуковых сигналов и мелодий и т.п.

Можно констатировать, что всеобщая информатизация общества привела не только к доминированию визуальности в повседневной жизни человека, но и к существенным изменениям в современной культурной парадигме. Язык визуальных образов, особенно в контексте глобализационных процессов, значительно упрощает проблему межнационального общения, а его «экономичность», мгновенная интуитивная ясность обеспечивают скорость коммуникации. Ведь для понимания текстовой или вербальной информации человек, как минимум, должен владеть языком, на котором сформулировано данное сообщение. Визуальные средства позволяют компактно и целостно передать или воспринять различные идеи, обращения, любое вербально или письменно оформленное содержание. То есть, визуальный «язык», язык образов является межнациональным, общедоступным и понятным.

Одним из наиболее распространенных визуальных (медийных) образов в современной культуре можно считать гламурный. «Выскальзывание из-под власти слова - это не соблазн, а данность, которая может быть истолкована как соблазн, но от этого она все равно не перестанет быть данностью. Неотвратимость навязывания нам этой данности возникает от того, что время, в которое мы живем, совпало со временем, когда на смену вербально ориентированной парадигме культуры приходит парадигма визуально ориентированная. Власть текста заменяется властью картинки. Власть идеологом заменяется властью иероглифов, и на смену идеологии приходит гламур - глянцевая картинка, которая показывает нам, как надо жить. Однако этот переход не есть движение к какому-то архаико-мифологическому до-словному. Это движение к какому-то неизвестному после-словному состоянию цивилизации. Мне кажется, что мы никак не можем препятствовать этому движению» [4].

Сегодня гламурный образ создается, распространяется, рекламируется и существует исключительно благодаря деятельности средств массовой информации и коммуникации, мира моды и индустрии развлечений. Однако,

несмотря на это существуют многочисленные точки соприкосновения со сферой повседневности. Например, гляцевые журналы обещают читателям, что только использование соответствующей продукции (которая рекламируется на страницах данных изданий) позволит им сохранить молодость, стройность, сексуальность стать успешными и стильными т.п. В тоже время, несмотря на тотальное распространение гламура во всех социальных сферах, до сих пор не существует общепринятых критериев, с помощью которых можно было бы классифицировать гламурный образ.

Гламурный образ - понятие достаточно широкое, поскольку одновременно включает в себя роскошь, красоту, блеск (неважно, с положительной или отрицательной коннотацией), уверенность в себе, сексуальность, наличие собственного стиля, совокупность различных атрибутов (ценных, стильных и ярких), которые должны быть частью образа, а не сами по себе (это могут быть и драгоценные украшения, и автомобиль и т.п.), ухоженную внешность, соответствующую манеру поведения. Гламур может быть как женским, так и мужским. Современный гламурный образ базируется исключительно на технике, изобретениях и воображении и не соотносится с конкретными социальными стратами. Гламурные образы бывают разнообразными: от «королевской сдержанности» до открытого эпатажа. Однако, несмотря на такую кардинальную противоположность гламурных образов, можно говорить о наличии устойчивых «элементов», которые являются обязательными для любого гламурного образа (мужского и женского).

Сегодня схематически мы можем выделить наиболее распространенные гламурные образы:

- ретро-glam (ретро-гламур), в основу которого положены шикарные образы, созданные голливудскими кинодивами 30-х - 40-х годов XX века (например, Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Грейс Келли) и на основе которых в дальнейшем развивались представления светском шарме, яркой женственности и сексуальности, идеальной внешности;

- high fashion (высокая мода). Основными атрибутами этого гламурного образа становятся ухоженная внешность, брендовая одежда, драгоценные украшения, мобильные телефоны (например, Vertu), шампанское Crystal, дорогое авто, яхты, фешенебельные отели и богемный стиль жизни. Гламур становится неотъемлемой частью индустрии развлечений, моды и красоты. Гламурный образ выступает как подтверждение принадлежности его владельца к «субкультуре» богатых и успешных;

- гляцевый или гравитационный гламур (gravitation of glam) представлен образами, которые пропагандируют страницы гляцевых изданий. Основными атрибутами стали идеальное лицо, идеальное тело, идеальная кожа, цвет глаз, идеальные волосы и т.д. Вышеупомянутая «идеальность» достигается с помощью различных технических средств, приемов и программ (например, фотошопа), профессионального макияжа, брендовой одежды и различных аксессуаров и т.д.

- искусственный (эрзац) гламур. Особенности данного вида стали яркие цвета в одежде, «крикливый» макияж, блестки и стразы, своеобразный стилевой микс, и определенная «театральность» поведения.

В этом контексте важно отметить, что мы различаем понятия «гламур» и «глянец», несмотря на то, что довольно часто их используют как взаимозаменяемые слова, слова синонимы. Даже значительное внешнее сходство между гламуром и глянцем не позволяет рассматривать эти явления как аналогичные, так гламурный образ предполагает наличие индивидуальности, неповторимости и своеобразия, а глянцевый образ - это только симулякр, пустая копия. То есть, глянец выступает, как симулякр гламура, его копия и не имеет оригинала в реальности. С помощью глянца «создается действительность, которая скрывает тот факт, что ее нет» [2].

Гламур - иллюзия социальной мобильности и материально-экономического благосостояния. Носителями гламура могут быть как люди, так и вещи, которые «соблазняют» вызывая ассоциации с такими качествами как красота, сексуальность, богатство, праздность и т.п. [3]. Например, в сфере консюмеризма визуальный образ становится главным стимулом для приобретения и потребления. Как отмечает Ж. Пенин, уже не вещь завоевывает для себя рынок, а ее изображения. Общество решается на выбор вещи, все в меньшей степени считаясь с ее реальной ценностью и все в большей зависимости от того, как ее изображают [5, с.17].

Можно констатировать, что гламур - привлекательный, срежиссированный и сконструированный образ реальности, который провоцирует неконтролируемое потребление. Гламурный образ, прежде всего, визуальный и представляет отретушированный и улучшенный симулякр реального человека.

Литература

1. Батаева Е. В. Фланерство и видеомания: современные и постмодерные визуальные практики / Е.В. Батаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=635&Itemid=52 (дата обращения 13.08.2013).

2. Бодрийяр Ж. Китч // Общество потребления. Его мифы и структуры. [Электронный ресурс]. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/k/Kitsch-2.html> (дата обращения 27.07.2013).

3. Бодрийяр Ж. Общество потребления /Жан Бодрийяр [Пер. с франц. С.Зенкина]. – М.: Республика, 2006. – 272 с. – (Серия: Мыслители XX века).

4. Мартынов В., Нилогов А. Выскальзывание из-под власти слова // Национальная литературная премия «Большая книга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bigbook.ru/search/index.php?PAGE_1=2&q=%F1%E1%E0%E7%ED%E0%F5&where=

5. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. Изд. 5-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 272с.

Заболотная А.С.

к. филос. н.

Южный федеральный университет

Кафедра философии религии и религиоведения

старший преподаватель

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КОНЦЕПЦИЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Проблемы религиозной толерантности в последнее время привлекают все большее внимание историков, философов, политологов. Рассмотрение данного явления вращается вокруг вопросов не только теории толерантности, но и практики, куда входят государственно-правовые аспекты проблемы, этноконфессиональной сферы, области культуры, образования, связь толерантности с глобальными проблемами современности др.

В общем смысле толерантность, в том числе и религиозная, подразумевает право личности на сохранение её автономии, но при этом не исключает возможности изменения системы взглядов и представлений индивида. Толерантность понимает под собой некоторый комплекс установок, который означает отказ от эгоцентризма с его претензией на обладание абсолютной истиной во всех его проявлениях - этническом, социальном, конфессиональном, личностном и пр. Толерантное сознание является следствием высокой духовной и нравственной культуры, в процессе усвоения которой вырабатывается способность к коммуникативному действию, сотрудничеству, сотворчеству, нацеленному на понимание, взаимопонимание и выработку консенсуса. [1]

Именно это свойство толерантности в разных сферах личной и общественной жизни, становится особенно актуальными в переходные времена, при неустоявшихся социальных отношениях, в условиях отсутствия должного правового и морального регулирования, нарушений прав личности, которая в такие периоды подвергается значительным лишениям - материальным, правовым, нравственным.

Особый интерес вызывает проблема толерантности в отношениях государства и религиозных институтов, которая напрямую связана с утверждением свободы совести и свободы вероисповедания как базового принципа демократического общества.

Эта проблема решается в рамках провозглашения и официального закрепления, так называемого религиозного плюрализма на государственном уровне, но, что интересно сам принцип не выступает как самоцель. Плюрализм как явление призван защищать свободы человека (личные, социальные, культурные и др.) и гарантировать им права на эти свободы, а вот с законным признанием многообразия интересов и воплощается в жизнь именно толерантность.

Формирование подобного представления о религиозной толерантности в настоящее время способствовали первые научные концепции выдающихся европейских мыслителей XVII-XVIII вв.

Вообще, если обратиться к истории, то видно, что именно веротерпимость является исторически первой и доминирующей формой проявления толерантности. «Проблема толерантности (от лат. *tolerantia* - терпение) возникла в те времена и наиболее остро стояла там, где народы с различными вероисповеданиями были вынуждены жить вместе в пределах великих империй (империя Александра Македонского и диадохов). «Она решалась, как проблема способности государства принудительным образом установить религиозное единообразие. Как мировоззренческая основа толерантности античный космополитизм был не столько антитезой национализма, сколько стремлением преодолеть человеческие страсти и обрести "небесное" гражданство.[3]

Вопрос о веротерпимости и религиозной свободе был поставлен и подвергнут тщательному рассмотрению уже в Средние века в связи с борьбой церкви против многочисленных ересей, оспаривавшая у них господство над христианским миром. Насильственное подавление ереси при помощи светской власти не встретило сразу единодушного одобрения со стороны представителей церкви. [4]

Важнейшим периодом становления веротерпимости стала эпоха Нового времени, когда проблема религиозной толерантности решалась в рамках соотношения светской и духовной власти. Реформация стала торжеством принципа идейной борьбы. Главным средством достижения толерантности являлось ограничение власти короля мирскими заботами.

Ужасы, потрясшие Европу в течении XVI-XVII вв. – религиозные войны, желавшие задушить всякую свободную мысль, сделали невозможным дальнейшее игнорирование вопроса о взаимоотношении церковного авторитета и свободы духовного развития. Просвещение посветило этому вопросу особое внимание. Среди произведений о религиозной свободе первое место принадлежит «Письмам о веротерпимости» Дж. Локка. Его программа, опубликованная в 1689 г. в Голландии в трактате "Послание о веротерпимости", имела огромный успех. Она включала предоставление гражданам права свободы выбора в исповедании религии, равноправие религиозных общин, отделение церкви от государства.

Локк исходит из определения церкви как "свободного и добровольного" человеческого сообщества, которому не должно разрешаться то, что приносит вред государству, запрещается его законами. Юрисдикция государственной власти, полагает он, может простираться только на гражданские права. Согласно локковской программе веротерпимости "между различными церквями, как и между отдельными людьми, всегда и в равной мере должны уважаться мир, равенство и дружба без какого-либо правового преимущества". Это была новая для христианской цивилизации идея веротерпимости, которой не знал античный мир.[3] Король не может требовать послушания в делах религии. Люди, издающие законы по отношению к совести «открыто превышают свою власть и делают это без всякого законного права, откуда вытекает, что эти законы абсолютно недействительны». Полное разделение церкви и государства, против каждой религиозной общины на полную свободу религиозного самоопределения, независимость гражданских и политических

прав от принужденности к той или иной церкви – вот существеннейшие черты его учения. [4]

Следующие поколения борцов за веротерпимость используют в качестве боевой доктрины философский идеализм, который был попыткой создать новую религию разума, примиряющую противоборствующие религиозные движения. Идеализм оставлял место для лояльности христианской традиции. Как только он выполнил задачу: изгнание теологии из стен европейских университетов, передача вопросов нравственности в руки светской философии, понимание нравственности как науки о принципах, привычках и обычаях, управляющих человеческим разумом, - следующее поколение секуляризаторов отрекается от идеализма, рвет с христианской традицией.

Представителями эпохи Нового времени была предпринята попытка построить требования веротерпимости на поступках рационального закона нравственности, их идеи основывались на представлении о человеке, наделенном волей и разумом. Мыслителями был провозглашена бесплодность и вред религиозных распрей из невозможности рациональным, т.е. одинаково обязательным для всех образом доказать не только догматы исторических вероисповеданий, но и основные постулаты религии. Ими был внесен не только значительный концептуальный вклад в разработку философско-культурных и правовых основ утверждение свободы веротерпимости и права на свободу самоопределения в религиозных вопросах. Данный вопрос рассматривался не только как требование, вытекающее из соображений целесообразности или государственной пользы, а как необходимый вывод из нравственной самооценности и свободы отдельного субъекта.

Таким образом, именно в научных концепциях европейской мысли впервые было заявлена необходимость законодательного закрепления принципа веротерпимости на уровне светской власти.

Укрепление в XX веке стандартов свободы человека и гражданина привело к установлению неразрывной связи между веротерпимостью и концепцией прав человека. Толерантность формируется на основе утверждения прав и основных свобод человека, плюрализма (в том числе культурного), демократии. Для нее характерно также активное неприятие расизма, ксенофобии, религиозной нетерпимости, терроризма, различного рода экстремизма. В современном понимании толерантность предполагает признание и уважение прав человека, которые являются, по существу, ее международно-правовой мерой, закрепленной во Всеобщей декларации прав человека, других международных документах.[2]

Этот, так называемый, принцип свободы и конкретизирующий его принцип толерантности обрели признание в результате продолжительного духового и общественно-политического процесса. Именно религиозная толерантность сыграла здесь особую роль.

Толерантность, а особенно религиозная, становится необходимым условием успешной коммуникации, взаимодействия на основе согласия и доверия. Согласие относительно ожидаемых перспектив и социальное доверие являются ресурсом достижения общих целей, служат основой для

приобретения нового опыта, обращения к новым видам деятельности. Толерантность ориентирует на деятельность в интересах общества, ведущую к стабильности и солидарности. [1]

В современном мире наблюдается развитие двух тенденция, это построение единой мировой социальной системы в рамках международных сообществ, а с другой стороны желанием, да и необходимостью, сохранить этнические, культурные, религиозные и иные различия многообразного мира. Толерантность является базовым компонентом гражданского общества, а именно - важнейшей ценностной установкой человеческого сознания, регулирующей и направляющей продуктивную деятельность каждого члена общества.

Литература:

1. Л. А. Беляева, Ю. А. Семенова Толерантность в структуре гражданской идентичности личности//Философия образования.2012.№ 2
2. Шахов М.О. Критика и библиография. Толерантность//Вопросы философии.2005.№ 4.
3. Форсова В.В. Социология религии. О религиозных корнях толерантности//Социологические исследования.2004.№ 1.
4. Вульфийус А.Г. Очерки по истории идеи веротерпимости и религиозной свободы в XVIII в.: Вольтер, Монтескьё, Руссо. СПб., 1911

Мирошниченко Ю. С.

*Харьковская государственная академия дизайна и искусств,
соискатель кафедры «Дизайн»*

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ

Сфера электронной коммуникации уже к концу XX века приобрела глобальный масштаб и продолжает динамично развивать свой потенциал в третьем тысячелетии. Преимущества электронных информационных средств очевидны и неоспоримы: высокая скорость передачи данных, повсеместность доступа к ним, удобство их долговременного хранения. Неуклонно растет аудитория пользователей компьютеров, смартфонов, букридеров и прочих устройств, предназначенных для воспроизведения цифровой информации. Важнейшим фактором возрастания популярности электронных публикаций является распространение глобальной сети интернет. Печатное слово вышло в виртуальное пространство, утратив материальность воплощения на бумаге и вместе с тем обогатившись новыми функциональными возможностями. «Революция свершилась: потрепанный том с кругами от кофе на обложке <...> уступил место элегантно компьютерной системе, позволяющей держать информацию «на кончиках пальцев» [4].

С 1990-х годов в интернете стали появляться структурированные материалы, которые можно считать прообразом современных электронных изданий. Сегодня электронные издания (книги, газеты, журналы, каталоги и

т.п.) охватывают значимый сегмент информационного пространства, а эстетика их оформления трансформируется и приобретает новые черты на наших глазах.

На ранних этапах бытования электронных изданий в виртуальном мире их эстетический уровень был во многом обусловлен техническими и технологическими особенностями цифровой среды. Низкая разрешительная способность мониторов, слабая мощность компьютерной техники, медленные скорости интернет-соединений диктовали строгие требования к качеству изобразительного материала, а узкий ассортимент экранных шрифтов и специфичность системы цветопередачи определяли общую скудость визуального языка. Дизайн электронных публикаций 1990-х гг. был большей частью элементарным и всецело зависимым от ограничительных констант цифровых технологий. Первым естественным эстетическим ориентиром в создании электронного информационного сообщения стал визуальный язык печатных медиа. Вместе с тем пришло осознание очевидности того, что правила классической типографики плохо работают в цифровой сфере. В частности, ширина полосы набора не могла быть жестко фиксированной, характер шрифта мог изменяться «от платформы к платформе, от браузера к браузеру, от пользователя к пользователю» [2]. Уровень различимости шрифтовых знаков в экранном разрешении был ниже, чем в традиционном «бумажном» издании, требовалось увеличение кегля шрифта и междустрочных интервалов.

На рубеже столетий проблема неорганичности механической конвертации эстетических свойств печатной страницы в формат виртуальной среды, а также поиска адекватного визуального языка новых медиа становится объектом пристального внимания многих отечественных и зарубежных аналитиков. Возникает понятие «экранная типографика», происходит постепенное осознание ее качественного своеобразия. В среде профессионалов дизайна укореняется мнение, что электронная типографика далеко не тождественна бумажной [1; 2; 4]. С началом нового века в профессиональную лексику постепенно входит термин «инфостетика», автором которого считается известный дизайнер Карим Рашид [3]. Инфостетика понимается как язык новой цифровой визуальности, отражающий эстетическую специфику новых медиа и во многом обусловленный их технологиями.

По мере развития цифровых технологий, совершенствования программных продуктов и расширения ассортимента устройств, предназначенных для воспроизведения информации, меняется и характер электронной коммуникации. Электронные медиа перестают быть средством односторонней трансляции, взаимодействие в интернете становится интерактивным: у пользователей появляется возможность участия в создании контента, возникают механизмы обратной связи с авторами публикаций. Мультимедийная презентация информации воздействует на все каналы восприятия человека — как на визуальный, так на аудиальный и кинестетический. Электронные издания обогащаются фрагментами видео и элементами анимации, формами для отзывов и комментариев и пр., таким образом все более сближаясь по проектным характеристикам с веб-сайтами.

Использование элементов флеш-технологий способствует внедрению многоуровневого структурирования визуальной информации. Например, текстовые колонки в электронном издании могут быть скрыты в нижнем слое под изобразительными элементами макета и «всплывать» при наведении курсора на изображение. Средства морфинга позволяют графическим компонентам отображаться на экране в процессе изменения формы. Электронное издание утрачивает линейность, традиционную «постраничную» структуру.

В последние годы в сферу веб-дизайна и проектирования приложений для мобильных устройств проникает понятие адаптивности, подразумевающее в первую очередь вариативность структуры макета, возможность ее эластичной подстройки под различные параметры экранов выводящих устройств (например, под ширину окна и под разрешающую способность экрана). Концепция адаптивного дизайна распространяется не только на проектирование веб-сайтов, но и на формирование электронных изданий, определяя новый вектор их перспективного развития [5].

На текущем этапе эстетике электронного издания присуща определенная амбивалентность: с одной стороны, экранная типографика все еще не вполне свободна от влияния эстетической модели традиционного печатного издания, с другой стороны, она активно экспериментирует с новыми формами. В процессе своей эволюции эстетика электронных изданий преодолевает путь от наследования визуальных свойств, изначально присущих печатной продукции, к освоению языка технологий современной цифровой среды и органичной адаптации его изобразительных средств под собственную специфику.

Литература

1. Лебедев В. А. Проблемы экранной типографики. [Электронный ресурс] / В. А. Лебедев. // Методология и практика электронных изданий по искусству; под общ. ред. В. В. Ванслова. — М. : Рос. акад. художеств. Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобр. искусств, 1998. — Режим доступа: <http://www.future.museum.ru/part03/030304.htm> (23.10.2013). — Загл. с экрана.
2. Ломов А. Типографика lite. [Электронный ресурс] / Артемий Ломов. // Веб-анатомия по воскресеньям с Артемием Ломовым. — №2 (09.05.2004). — Режим доступа: <http://ezhe.ru/ib/issue57.html> (24.10.2013). — Загл. с экрана.
3. Серов С. И. Инфостетика диджипопа. Слова и дела постиндустриального дизайнера. [Электронный ресурс] // Серов. (15.03.2007). — Режим доступа: <http://kak.ru/columns/serov/a3408/> (23.10.2013). — Загл. с экрана.
4. Шмелева А. Экранная типографика: модный тупик или дорога в будущее? [Электронный ресурс] / Анна Шмелева. // Publish. (24.02.2001). — Режим доступа: http://www.publish.ru/articles/200102_4043055 (24.10.2013). — Загл. с экрана.
5. Marcotte, Ethan. Responsive Web Design. [Электронный ресурс] / Ethan Marcotte. (May 25, 2010). — Режим доступа: <http://alistapart.com/article/responsive-web-design> (24.10.2013). — Загл. с экрана.

Карасева Т.А.

Доцент,

Южный Федеральный Университет

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ» В РАБОТАХ Н.И.КАРЕЕВА

Отечественный историк Н.И. Кареев изучал системы политического устройства различных стран, прослеживал их эволюцию и рецепцию, начиная с античного мира и заканчивая новейшим временем.

Для обоснования своего интереса к политической истории писал, что новейшая история поставила задачу перед историками «теоретического освещения организации верховной власти, отношений между личностью и государством, между правительством и народом, участия в государственных делах, избирательных системах» [1, с.325].

Поэтому, отвечая требованиям времени, историк серьезно занимался историей государства, его властных институтов и сопряженными с ним сторонами общественной жизни. На основе анализа существующих мнений Кареев Н.И. сделал вывод, что «государство отличается от других форм общежития тем, что одному ему принадлежит самостоятельное властвование, имеющее признанное право принуждения, и одно оно может уступать такое право другим общественным союзам или за ними его поддерживать, будет ли то, например, семья или церковь» [2,с.7]. Таким образом, Н.И. Кареев выделял проблему властвования как главную отличительную черту государства.

В отличие от власти, которая, по его мнению, является отвлеченным понятием, властвование – реально, так как это «деятельность, состоящая из отдельных актов, отличающихся от всех других своим особым содержанием, деятельность, встречающая ряд ответственных поступков, являющихся исполнением велений власти»[3,с.121].

Кроме проблемы власти, Н.И.Кареев выделял еще два аспекта, необходимых для всестороннего изучения государства, - территорию и население. Эти три стороны государственной характеристики он рассматривал во всех работах, изучающих политическую историю какой-либо страны.

Н.И.Кареев, разрабатывая теорию происхождения и развития государства, являлся сторонником идеи интеграционного пути образования государства. «Государство, как более сложная форма, возникло из более простых путем их слияния в одно целое и их в этом поглощении, т.е. того, что на языке социологии называют политической интеграцией»[2,с.7].

Изучение государственных форм историк начал с древнего периода человеческого общежития. В курсе лекций «Государство – город античного мира» он рассматривал государство-город как форму политического устройства, характерную для античного мира, и как «социальный тип»[2, с.319], позволяющий обобщить черты данного политического устройства.

Автор выделил «типические черты» государства-города: незначительная территория, преобладающее значение города над окружающими его и тяготеющими к нему селами, развитие в городе торговли и промышленности, ранняя организация в нем государственной власти на республиканских началах, сравнительная быстрота социальной эволюции и обостренность классовых интересов, стремление к расширению своего политического бытия путем установления гегемонии над другими общинами.

Н.И.Кареев акцентировал внимание на демократическом характере политической власти на ранних этапах человеческого общежития.

Отличительными признаками античной демократии, как формы политического управления, он считал, во-первых, то, что «народом» в политическом смысле было не все население, а только некоторая его часть, а именно: граждане, а, во-вторых, то, что демократия древних городов - государств была непосредственной, т.е. каждый афинянин или римлянин должен был явиться лично в народное собрание, чтобы воспользоваться своими политическими правами. Эти черты государства Н.И.Кареев находил в Греции, Италии, Финикии, обращая внимание на изначально демократический характер политической власти.

Приступая к изучению XIX века, историк подчеркивал, что без глубокого политического и экономического образования нельзя разобраться в новейшей истории, поскольку она «обязывает занимающегося ею теснее связывать свою науку с государствоведением и политической экономией в их чисто теоретическом аспекте, и в истории их учений»[1, с.55].

Так, объяснение фактов, входивших в область внешней политики, он предлагал искать в политических, национальных, социальных и экономических интересах отдельных стран, что говорило о его склонности к социально-экономической детерминации политических событий. Изучая внешнюю политику XIX века, Кареев делил международные войны на настоящие и ненастоящие[1, с.55]. Настоящие исходили из внутренней политики, внутренних причин социального и политического развития, например, война между Бельгией и Нидерландским королевством, от которого она отделилась. Ненастоящими были войны, которые организовались по поручению европейских конгрессов или «дружескими услугами австрийского и французского правительства неаполитанскому и испанскому в их борьбе с мятежной частью их подданных»[1, с.45].

Необходимость связывать государствоведение с политической экономией была познавательным императивом этого ученого, проводившего параллели соответствия между уровнями развития социально-экономического и политического. Для всестороннего освещения политических процессов Кареев их первопричину искал в социальном развитии общества. Он изучал его социальный состав, корпоративные интересы каждого социального слоя и общественные движения в их защиту.

Государство, как предмет изучения политической истории, в работах этого ученого рассматривалось с позиции объективной закономерности его образования и развития. Он отрицал теорию о том, что государство было

создано в результате чьей-то идеи о необходимости государственного образования. Государство, полагал историк, «мало-помалу сложилось без всякого представления у людей», [3, с.146] оно являлось продуктом людской активности, которая имела объективный характер и привлекала внимание исследователей.

Кареев не выделял великих людей из народной массы, считая такой подход не научным, «ибо масса состоит из людей, великих и малых, героических и обыденных, гениальных и очень простых, гигантов и пигмеев, то есть великие люди сами составляют часть массы» [3, с.160]. История делается всеми вместе, утверждал учёный, совокупно, а потому коллективный разум, общественное сознание детерминируют политические процессы, происходящие в стране. Русская историография, занимавшаяся повествованием о деяниях царей, полководцев, законодателей, которым приписывалось основание и устройство государств, квалифицировалась им как бытописание, продолжающее традицию национального эпоса, воспевавшего подвиги героев. Своей задачей при изучении политической истории Н.И.Кареев считал исследование явлений, состояний, процессов, детерминирующих те или иные события.

Являясь сторонником детерминизма в исторической науке, он стремился объяснить политические события и факты действием различных социальных причин, а не одной, что, по его мнению, ведет к плюралистическому подходу к исследованию. Поэтому он критично относился к теории экономического материализма, как типу монизма в мышлении, сводящего всякую политическую борьбу к антагонизму экономических классов. Кроме экономического, Кареев различал такие виды антагонизмов, как религиозный фанатизм, национальная исключительность, культурный консерватизм и другие социальные факторы.

Однако, историк не стремился умалить позитивное значение материального направления как «необходимое, законное, правильное, полезное, поскольку оно изучает весьма и весьма важную сторону исторической жизни» [4, с.273].

Н.И.Кареев, озабоченный политическими проблемами России в конце XIX века, разрабатывал теорию рецепции (заимствования) политического опыта стран Запада. В основу своей теории положил принцип стадильной типологии политических форм, согласно которому определенному этапу социально-экономической жизни общества соответствует адекватный уровень развития политических учреждений. Поэтому им исследовались типы политических систем разных стран и времен в их связи с социально-экономическим развитием для того, чтобы выяснить закономерности политической эволюции в мире и найти подходящий, по их мнению, образец политической рецепции в России.

Литература:

- 1 Кареев Н.И. Деятельность XIX век. Период от 1814 до 1859 гг. Петроград, 1923.
- 2 Кареев Н.И. Государство – город античного мира. С.-П., 1905.
- 3 Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). С.-П., 1915.

4Кареев Н.И. По поводу формулировки “материальной истории” // Историческое обозрение. 1892. Т.5.

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ»**

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Банникова М.С.

студент 3 курса

Тульский государственный педагогический университет

имени Л.Н.Толстого

г. Тула, РФ

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ОДАРЁННОГО РЕБЁНКА С ДИСГАРМОНИЧНЫМ ТИПОМ РАЗВИТИЯ

Личность - сложное образование, которое приобретает человек в социокультурной среде в процессе взаимодействия с другими людьми в ходе совместной деятельности и общения. Степень сформированности различных личностных образований, их развитие во многом определяет жизненный путь индивида. Вместе с тем личностное становление определяется комплексом различных факторов: биологических, социальных, когнитивных и других. Развитие характеризуется количественными и качественными изменениями, порождаемыми внешними и внутренними условиями. [1, с. 44].

Личность является предметом изучения многих психологических исследований. Пути ее формирования изучались многими авторами в отечественной психологии (Б.Г.Ананьев, А.А.Бодалев, Л.И.Божович, Л.С.Выготский, Я.Л.Коломинский, А.В.Захарова, И.С.Кон, А.Н.Леонтьев, Н.Л.Менчинская, В.С.Мерлин, А.В.Петровский, Д.И.Фельдштейн, Г.А.Цукерман, В.Э.Чудновский, Д.Б.Эльконин).

В различных трудах психологов прослеживается мысль о том, что личностные особенности оказывают существенное влияние на развитие других психологических феноменов. Исследователи высших способностей отмечают, что одаренность может существенно повлиять на становление личности. Автор концепции творческой одаренности А.М.Матюшкин в частности пишет, что можно рассматривать «одаренность как общую предпосылку творчества в любой профессии, в науке и в искусстве, как предпосылку становления и развития творческой личности, способной не только к созданию нового и открытию новых законов, но и к самовыражению, к самораскрытию в произведениях литературы и искусства; личности не только решающей, но ставящей проблемы перед человеком и человечеством». [5, с. 20].

Одаренность сейчас определяется как способность к выдающимся достижениям в любой социально значимой сфере человеческой деятельности, а не только в академической области. Одаренность следует рассматривать как достижения и как возможность достижения. Смысл утверждения в том, что нужно принимать во внимание и те способности, которые уже проявились, и те, которые могут проявиться.

Актуальность изучения личности одаренного ребёнка определяется современными представлениями о сложности и многомерности структуры одаренности и разнообразии факторов, определяющих ее развитие на протяжении жизненного пути человека. Положение о гармоничном

психическом развитии одаренных детей неоднократно подвергалось пересмотру на протяжении всей истории психолого-педагогического изучения феномена детской одаренности.

Современные исследования показывают, что гармоничность в развитии различных сторон психики одаренного человека является относительной редкостью. Чаще можно столкнуться с неравномерностью, односторонностью развития, которая зачастую не только сохраняется на протяжении всей жизни одаренного человека, но и углубляется, порождая у него ряд психологических проблем. [3, с. 206].

Личность одаренного человека несет на себе явные свидетельства его незаурядности, так как и уровень, и индивидуальное своеобразие деятельности ребенка определяется, прежде всего, личностью, до определенной степени «управляющей» его активностью. Понимание личностных особенностей одаренного ребенка особенно важно в случаях так называемой «скрытой» одаренности, не проявляющейся до определенного времени в успешности деятельности. Именно своеобразные черты личности, как правило, тесно связанные с одаренностью, заставляют воспитателя или психолога предположить у такого ребенка наличие повышенных возможностей. [6, с. 5].

У одаренных в одной области детей часто встречается неравномерность психического развития. Для них типично опережение в какой-либо одной области (интеллектуальной, художественно-эстетической), в то время как другие психические сферы: эмоциональная, мотивационно - волевая, психомоторная, физическая не всегда успевают за ростом способностей, что приводит к асинхронии (неравномерности) развития, которая обуславливает уровень самооценки ребёнка. В данном случае формируется противоречивая и нестабильная самооценка. Это приводит к тому, что такие дети не всегда способны адекватно оценить свои возможности и часто ставят задачи, не соответствующие возможностям на данный момент, что приводит к неудаче и как следствие к переживанию стресса. Эмоциональная сфера одаренного ребёнка также нередко имеет своё своеобразие, которое проявляется в высокой впечатлительности, повышенной реактивности, являющихся основой бурных аффективных реакций. Поэтому одаренные дети могут производить впечатление истеричных. Высокая эмоциональная отзывчивость одаренного ребёнка может послужить основой для слёз и отчаяния в ситуациях критических замечаний. Скрытой формой этого отчаяния может быть повышенная застенчивость, трудность общения, длительность засыпания, психосоматические расстройства. [2, с. 33].

Весьма трудной с точки зрения помощи этим детям является проблема волевых навыков или — шире — саморегуляции. Для особо одаренных детей ситуация развития часто складывается так, что они занимаются только деятельностью, достаточно интересной и легкой для них, составляющей суть их одаренности. Любую другую деятельность, которая не входит в сферу их склонностей, большинство одаренных детей избегают, пользуясь снисходительным отношением к этому взрослых людей. У многих одаренных детей заметны проблемы, связанные с их физическим

развитием. Так, некоторые дети явно избегают всего, что требует физических усилий, явно тяготятся занятиями физкультуры, не занимаются спортом. В конечном итоге возникает специфическая ситуация, когда особо одаренные дети, проявляя очевидную склонность к любимому труду, все же не умеют трудиться в тех случаях, когда от них требуются выраженные волевые усилия. В гораздо меньшей степени это относится к детям с психомоторной (спортивной) одаренностью и в значительно большей степени — к детям с повышенными познавательными способностями.

Другой серьезной проблемой некоторой части детей с высокими интеллектуальными способностями является доминирование направленности лишь на усвоение знаний. Особенно часто это свойственно детям, у которых наблюдается ускоренный темп умственного и общего возрастного развития. С раннего детства они получают одобрение окружающих за поражающий всех объем и прочность знаний, что и становится впоследствии ведущей мотивацией их познавательной деятельности. В силу этого их достижения не носят творческого характера, и подлинная одаренность не сформирована. Вместе с тем при соответствующей системе обучения и воспитания, при четко продуманной системе развития мотивации эта проблема интеллектуально одаренных детей может быть успешно преодолена. При этом система развития одаренности ребенка должна быть тщательно выстроена, строго индивидуализирована и ее реализация должна приходиться на достаточно благоприятный возрастной период. [4, с. 24].

Подводя итоги, необходимо отметить личностные особенности одаренных детей с дисгармоничным типом развития, а также пути их социализации. Для этой категории характерны повышенная уязвимость и чувствительность. Безобидные и нейтральные замечания часто у них вызывают бурную эмоциональную реакцию. Необходимо вырабатывать у детей данной категории терпеливое отношение к чужому мнению, особенно в тех случаях, когда приходится сталкиваться с менее способными школьниками. Возникновение эгоизма, человеконенавистнических черт убивают проявления талантов.

Чрезмерное упорство в достижении цели приводит к стремлению доводить все до полного совершенства. Работы, выполненные на высоком уровне мастерства, исполнителем оцениваются как неудачные. Завышенные личные стандарты, неудовлетворенность, оценивание собственной деятельности по взрослым меркам приводят к болезненным переживаниям, личностным драмам.

В случае если в процессе воспитания способных детей их потенциал не замечается и не используется в полной мере, возникают эмоциональные проблемы. Часть детей может начать игнорировать воспитание, проявляя при этом нонконформистское настроение и уверенность в своих силах. Другая часть постепенно теряет интерес к деятельности, появляется эмоциональное неблагополучие, возможна заниженная самооценка. [5, с. 34].

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. т. II - М.: Просвещение, 1980. - 370с.

2.Блинова В.Л., Блинова Л.Ф. Детская одарённость: теория и практика: учеб. пособие. – Казань.: ТГГПУ, 2010. - 56 с.

3.Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности. - М.: Международная педагогическая академия, 1995. - 212 с.

4.Дьяченко О.М. Одарённый ребёнок. - М.: Международный образовательный и психологический колледж, 1997. - 140 с.

5.Матюшкин А.М. Загадки одарённости. Проблемы практической диагностики. М.: Школа-Пресс, 1993. - 128 с.

6. Слуцкий В.М. Предисловие//Одаренные дети/ под ред. Г.В. Бумеранской, В.М.Слуцкого. М.: Прогресс, 1991. - 376 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Малафеева Е.Н.,

Никитина А.А.

студенты

Череповецкий Государственный Университет

г. Череповец, РФ

ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Наше время характеризуется бурным развитием компьютерных технологий, которые перестраивают практику повседневной жизни и накладывают определенный отпечаток на развитие личности современного ребёнка. Мощный поток новой информации, применение компьютерных технологий, а именно распространение компьютерных игр становится неотъемлемой частью воспитательного пространства современных детей и подростков в целом, а также занимает большую часть досуга, т.к. компьютер сочетает в себе возможности телевизора, DVD приставки, музыкального центра, книги [1; с. 122].

Развитие индустрии электронных и компьютерных игр ставит перед психологией вопрос о том, какое влияние они оказывают на развитие ребёнка? Можно ли эту деятельность назвать игрой? С одной стороны, игра является поддерживающей средой, где можно достигать результатов и утверждаться. Игра обязывает к постоянной инициативе, к решению проблем, которые логически сменяют друг друга, что позволяет в каждый момент игры осознавать важность и обоснованность своего выбора. Таким образом, развиваются такие качества, как самостоятельность и ответственность за свои решения. Компьютерные игры позволяют современным детям, подросткам научиться понимать окружающий мир и ориентироваться в нём, формируя культурно одобряемые знания и умения, что даёт основания рассматривать компьютерные игры как одно из средств социализации. Занятия с компьютером усиливают ожидание успеха и веру подростков, детей в собственные способности, но с другой стороны, увлечение только компьютерными играми усугубляет проблемы в сфере социальных контактов, изолируя ребёнка, давая возможность ухода от проблемы.

Вопросы о влиянии компьютерных игр на социализацию детей и подростков рассматривались многими учёными, такими, как С.А. Шапкин, Г.Гибб, Фанк, А.Г. Шмелев, М. Коул, С. Пейперт, А. В. Беляева, С. Л. Новоселова, Ш. Текл и др. Диапазон их взглядов огромен – от констатации безусловного вреда этих средств до неоспоримой пользы и использования игр для новых вариантов игровой терапии и психотерапии.

Особую тревогу вызывает развитие компьютерной зависимости. При этом современные данные опровергают бытовавшую ранее точку зрения, что компьютерная аддикция чаще всего встречается у детей, социально или личностно неблагополучных, она может возникать и у вполне благополучных

детей. Необходимо отметить, что игровая зависимость встречается у мальчиков и почти никогда не встречается у девочек. Компьютерные игры при их чрезмерном использовании препятствуют нормальной адаптации ребенка в реальной жизни, он хуже справляется с неожиданными ситуациями, трудностями. Видеоигры способствуют поверхностному, безответственному отношению к жизни, к поступкам. Многие игры учат насилию и жестокости, представлению о том, что насилие может быть единственным путём к успеху.

Теоретическое осмысление проблемы было положено в основу эмпирического исследования, целью которого было выявление влияния компьютерных игр на социализацию подростков.

Исследовательская работа проводилась на базе одной из школ г. Череповца в старших (9-10) классах. В исследовании приняли участие 30 подростков (9 мальчиков и 21 девочка), в возрасте от 15 – до 17 лет.

Для решения поставленной цели, была разработана анкета «Место компьютерных игр в жизнедеятельности современных подростков», состоящая из 4 открытых и 9 закрытых вопросов.

В итоге были получены результаты, раскрывающие предмет нашего исследования, выявлено место компьютерных игр в жизнедеятельности современных детей и подростков.

Таким образом, выяснилось, что большинство подростков предпочитают в свободное время играть в компьютерные игры (43%) и слушать музыку (43%), но также их привлекают прогулки на свежем воздухе (33%), чтение книг (27%);

23% опрошенных предпочитают заниматься творческой деятельностью – из них 20% – рисованием, вышиванием, танцами и одна девочка в свободное время играет на гитаре (3%). Менее предпочтительными занятиями у подростков являются – занятия спортом (17%) и просмотр телевизионных программ (17%). 7% опрошенных предпочитают в свободное время «сидеть» в интернете, а 1 молодой человек в свободное время работает – это 3%.

Следует отметить, что 47% опрошенных в первом вопросе выбрали не по одному варианту ответа, а это, значит, подростки не ограничиваются каким-либо одним видом деятельности в свободное время и развиваются многосторонне. Из них 23% – выбирают в свободное время игру в компьютере и другие занятия (читать, слушать музыку, рисовать, вышивать, танцевать и др.) 53% отдают предпочтение одному виду деятельности, 20% из них предпочитают компьютерные игры всем другим занятиям. А значит, игра в компьютере занимает одно из ведущих мест среди многообразия других занятий в жизни.

При этом подростки не задумываются о рациональном выборе жанра игры – считая видеоигру «отдыхом», а не средством познания или развития. Для 10% подростков игра помогает уйти от проблем, и ни один человек не играет в компьютерные игры, чтобы узнать что-то новое.

Большинство респондентов отдаёт предпочтение ролевым играм, стратегиям, симуляторам, головоломкам, которые носят развивающий характер и помогают адаптироваться в реальной жизни, не смотря на то, что они сами не осознают это значение. Доказательством этому служит то, что подростки,

увлекающиеся компьютерными играми, чаще посещают различные молодёжные культурные центры, дискотеки, спортивные мероприятия, т.е. наиболее социально включены в общественную жизнь.

По результатам исследования, 80% подростков определились в выборе будущей профессии: 10% видят себя врачом, 7% дизайнером, 7% адвокатом и 7% переводчиком. Остальные профессии весьма разнообразны – подростки видят себя механиком или помощником машиниста, программистом или web дизайнером, физиком или техником, инженером техником, космонавтом, стюардессой, актрисой, секретарём, юристом, косметологом, массажистом, археологом, психологом, фотографом, журналистом, ветеринаром.

Так же анализ результатов показал, что подростки, играющие в экшен-игры по 8 часов в день, не определились в выборе профессии. Безусловно, процент слишком маленький (7%), но обращает на себя внимание.

Результаты исследования показали, что у подростков, предпочитающих компьютерные игры, не отмечается нарушений психической деятельности. Компьютерные игры дают возможность отреагировать вытесняемые подростком агрессивные импульсы, выразить чувства гнева, злости. В этом случае игра может быть средством «самотерапии».

У большинства подростков, после занятий видеоиграми, не отмечается раздражения или упадка сил, усталости, а наоборот – они чувствуют прилив энергии, удовлетворение (23%), но всё-таки большинство опрошенных чувствуют себя спокойно после игры (56%). Один молодой человек указал, что после игры «испытывает адреналин» (3%), а девушка «чувство фантазии» (3%).

Видеоигры становятся поводом для общения, темой обсуждений и соперничества в достижении игрового результата – т.е. являются средством социализации, большинство подростков предпочитают играть в компании, а не в одиночку. Также следует отметить тот факт, что молодые люди в основном выбирают многопользовательскую игру, а девушки выбирают игру, рассчитанную на одного человека.

Вместе с тем несомненным положительным значением компьютеризации следует отметить негативные последствия этого процесса, влияющего на социально – психологическое здоровье детей и подростков. В компьютерных играх подросток, ребёнок играет уже готовым героем, ему не нужно ни в кого перевоплощаться. А это, в конечном счёте, ведёт к скупости воображения и неумению находить общий язык со сверстниками.

Для большинства подростков игра в компьютере занимает ведущее место среди многообразия других занятий в жизни. Нет ничего плохого в том, что посредством игры ребёнок учится манипулировать новыми техническими достижениями, а посредством техники совершенствовать себя, ведь это очень пригодится ему в будущем. Но в то же время компьютерные игры должны быть чётко дозированными и не заменять собой подвижные, сюжетно-ролевые и обычные дидактические игры.

Большинство подростков тратят в день от 1 до 4 часов на игру, но есть патологические игроки, которые тратят на компьютерные игры по 8 – 10 часов

в день, а значит, полностью погружаются в виртуальную реальность, забывая о реальной жизни.

Видеоигра имеет место быть в жизни ребёнка, подростка, если она помогает ему социально, психологически приспособиться к внешнему миру, реализовать себя, а не ограничивает его пространство, мысли, не отделяет его от реальной жизни: общения, повседневных забот, развлечений и т.д.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что негативного влияния компьютерных игр на социализацию подростков не обнаружено, если их использование рационализировано по времени и содержанию.

Перспективой раскрытия данного предмета исследования может стать выявление зависимости игроков от различных компьютерных игр, а также создание новых игр направленных на самопознание и саморазвитие.

Литература

1. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребёнка в детской субкультуре. – М.; Воронеж, 2000.

Кананэу Л. Г.

преподаватель

кафедры педагогики и современных
образовательных технологий (СОТ)

Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдавия

ПОНЯТИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Система образования на современном этапе развития общества претерпевает существенные изменения, связанные со сменой модели культурно-исторического развития. Но какие бы реформы не проходили в системе образования, в итоге они, так или иначе, замыкаются на конкретном исполнителе – педагоге. Именно педагог является основной фигурой для успешной реализации в новых условиях поставленных перед ним задач и должен обладать необходимым уровнем *профессиональной компетентности*.

Согласно словарю Ожегова, понятие «компетентный» определяется как «осведомленный, авторитетный в какой-либо области» [4]. А.В. Хуторской пишет: «компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [6]. Следовательно, обладать компетентностью значит иметь определенные знания, определенную характеристику, быть осведомленным в чем-либо, а обладать компетенцией – значит обладать определенными возможностями в какой-либо сфере.

Следует различать термины «компетентность» и «компетенция». Проводя различие между данными понятиями, ряд авторов отмечает, что компетентность выступает в качестве результата научения (обученности), в то время как компетенция – это компетентность в действии. При этом выделяются такие оценочные параметры, как усвоение (знаний, навыков, умений) и применение (имеющее отношение к выполнению деятельности).

По мнению ряда ученых, в качестве концептуального определения понятия концепции, возможно принятие формулировки, предложенной в европейском проекте: «...понятие компетенций и навыков включает знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте). Компетенции представляют собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственности), которые описывают уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать» [1].

С.Е. Шишов, В.А. Кальней отмечают, что понятие компетенции относится к области умений, а не знаний. Компетенция – это общая способность,

основанная на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые приобретены благодаря обучению. Компетенция не сводится ни к знаниям, ни к навыкам, быть компетентным – не означает быть ученым или образованным. Предполагается, что настройка человеческого поведения на бесконечное разнообразие жизненных ситуаций связана с общей способностью «мобилизовать в определенной ситуации приобретенные знания и опыт» [7]. При обсуждении компетенции внимание обращается на конкретные ситуации, в которых они проявляются. Часто можно встретить людей, обладающих обширными знаниями, но не умеющих мобилизовать их соответствующим образом в нужный момент, когда представляется возможность. Компетенция раскрывает сферу профессиональной деятельности, в которой человек компетентен, и отражает его статус в организации, полномочиях, область ответственности. Компетенция определяет социально-экономические условия профессиональной деятельности и инфраструктуру рабочего места.

А.В. Хуторской поясняет, что под компетенцией следует понимать нормативные требования к профессиональной подготовке педагога, а под компетентностью – уже сложившиеся, состоявшиеся его качества. Структура компетентности определяется видами его профессиональной деятельности [6].

Особое внимание уделяется профессиональным компетенциям, основанных на деятельности и личности педагога. Ученый А.К. Маркова определяет профессиональную компетенцию как «труд, в котором на достаточно высоком уровне осуществляется педагогическая деятельность, педагогическое общение, реализуется личность учителя, в котором достигаются хорошие результаты в обучении и воспитании» [3].

Содержание профессионально-личностных компетенций педагога аргументировано раскрыто Т.Е. Исаевой, выделяющей: адаптивно-цивилизационные компетенции; социальные компетенции; социально-организационные компетенции; профессиональные (предметные/методические) компетенции; коммуникативные компетенции; целостно-смысловые компетенции [2].

Необходимо учесть и мнение А.В. Хуторского, который предлагает трехуровневую иерархию компетенций:

1. Ключевые компетенции – относятся к общему (метапредметному) содержанию образования;
2. Общепредметные компетенции – относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей;
3. Предметные компетенции – частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенции, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов [5].

В педагогической литературе существует много различных авторских позиций по поводу компетенций педагога. Всего в научной литературе выделяется 39 видов компетенций учителя. А.В. Хуторской выделяет семь основных компетенций:

1. *Ценностно-смысловая компетенция* – компетенция в сфере мировоззрения, связанная с ценностными представлениями учителя, его

способностью видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, уметь выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. Эта компетенция обеспечивает механизм самоопределения учителя в ситуациях учебной или иной деятельности.

2. *Общекультурная компетенция* – круг вопросов, в которых учитель должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности. Это особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере.

3. *Учебно-познавательная компетенция* – совокупность компетенций учителя в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотношенной с реальными познаваемыми объектами. Сюда входят знания и умения целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки учебно-познавательной деятельности.

4. *Информационная компетенция* – компетенция обеспечивает навыки деятельности учителя с информацией, содержащейся в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире.

5. *Коммуникативная компетенция* включает знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими людьми и событиями, навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе.

6. *Социально-трудовая компетенция* – владение знанием и опытом в гражданско-общественной деятельности, в социально-трудовой сфере, в области семейных отношений и обязанностей, в вопросах экономики и права, в профессиональном самоопределении.

7. *Компетенция личностного самосовершенствования* направлена на то, чтобы осваивать способы физического, духовного и интеллектуального саморазвития, эмоциональную саморегуляцию и самоподдержку [5].

Компетенции гораздо более сложное явление, чем внешне фиксируемые действия, это определенное качество восприятия человеком действительности, которое подсказывает наиболее эффективный способ решения жизненных ситуаций. Особенность компетенций состоит в том, что они не только отражают способность личности использовать полученные знания, имеющиеся умения, известные способы деятельности, но и свидетельствуют о ее способности создавать новые смыслы, информацию, объекты действительности в процессе непрерывного личностного самосовершенствования. Как писал Э. Шорт, «компетенция – это владение ситуацией в условиях изменяющейся окружающей среды, это способность эффективно реагировать на воздействие среды или изменять ее» [8].

Выше перечисленные компетенции взаимосвязаны между собой, и имеют содержательное предметное наполнение и учитывают особенности педагогической работы. Повышение уровня компетенций и их

совершенствование являются продолжением процесса профессиональной подготовки в течение всей педагогической работы. Этот процесс формирует современного педагога, его профессиональные устремления, мотивирует к самосовершенствованию и приобретению разнообразных компетенций, таким образом, способствует профессиональному развитию. Можно сделать вывод, что компетенция и компетентность определяются во взаимосвязи друг с другом, причем уровень компетентности педагога зависит от соответствия ее требованиям компетенции. Компетенция определяется постановщиком задачи, а компетентность формируется в процессе обучения и реализуется и развивается в профессиональной деятельности.

Литература:

1. Байденко В.И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.

2. Исаева Т.Е. Классификация профессионально-личностных компетенций вузовского преподавателя / Т. Е. Исаева // Педагогика, № 9, 2006.

3. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская АН.; Российский фонд культуры; – 3-е изд., стереотипное испр. и доп. – М., 1995.

5. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. № 2, 2003.

6. Хуторской, А.В. Общепредметное содержание образовательных стандартов / А.В. Хуторской. – М., 2002.

7. Шишов, С.Е. Мониторинг качества образования в школе / С.Е. Шишов, В.А. Кальней. – М., 1999.

8. Competence: Inquiries into its Meaning and Acquisition in Educational Settings / Ed. by Edmund C. Short. Lanham etc., University Press of America, 1984. Vol. VI.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хотякова С.С.,

Палева Е.Н

*магистрантки кафедры дошкольного образования
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Череповецкий государственный университет»
г. Череповец (РФ)*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЛЬТИМЕДИА ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Современные технологии передачи информации открывают новые возможности в области образования. Вхождение детей в мир знаний начинается в дошкольном возрасте. Значимость использования информационных технологий в развитии познавательных способностей дошкольников подтверждают работы зарубежных и отечественных исследователей (С. Пейперт, Б. Хантер, Е.Н. Иванова, Н.П. Чудова и др.). Отечественные и зарубежные исследования (С. Новоселовой, Г. Петку, И. Пашелите, С. Пейперта, Б. Хантера и др.) убедительно доказывают особую роль компьютерных технологий в развитии интеллекта и в целом личности ребенка дошкольного возраста

В настоящее время активно разрабатываются теоретические и методические основы применения информационных технологий в образовательной работе дошкольных учреждений, создаются компьютерные образовательные программы для дошкольников. Использование мультимедиа ресурсов оказывает эффективное воздействие, прежде всего на познавательное, а в частности на математическое развитие детей. А.А. Столяр, В. А. Крутецкий, В. В. Давыдов, А.В. Белошистая определяют математическое развитие дошкольников как сдвиги и изменения в познавательной деятельности личности, которые происходят в результате формирования математических представлений и связанных с ними логических операций [2, с.3].

В процессе формирования математических представлений у дошкольников педагог использует разнообразные методы развития: игровые, наглядные, практические и словесные. Виды детской деятельности должны быть эмоциональными, яркими, с привлечением иллюстративного материала, использованием звуков и видеозаписей. Все это может обеспечить мультимедиа технология как совокупность современных средств аудио- теле-, визуальных и виртуальных коммуникаций, используемых в процессе организации, планирования и управления различных видов деятельности.

В настоящее время вопрос использования мультимедийных технологий в математическом развитии дошкольников недостаточно представлен в психолого-педагогической литературе.

Существует проблема разработки специальных компьютерных программ, игр и мультимедийных презентаций для дошкольников, гармонично вписывающихся в образовательный процесс детского сада и учитывающих специфику дошкольного возраста.

Несомненным достоинством и особенностью технологии являются следующие возможности мультимедиа в математическом образовании детей дошкольного возраста: возможность демонстрации различных математических объектов (цифр, математических знаков, геометрических фигур) с помощью мультимедиа проектора в увеличенном виде; интеграция математической информации, получаемой детьми из различных источников за счет объединения аудио, видео и анимационных эффектов в единую презентацию; активизация зрительных функций, глазомерных возможностей ребенка.

Использование мультимедиа технологий позволяют сделать занятия математикой эмоционально окрашенными, привлекательными вызывают у ребенка живой интерес. Мультимедиа технологии в организации математической деятельности обеспечивает активность детей в восприятии и зрительном выделении ими признаков и свойств предметов (величины, формы); формируются способы восприятия, выделения качественных, количественных и пространственно-временных признаков, и свойств, развиваются зрительное внимание и память [1, с. 59].

Анализ отечественных и зарубежных источников, а так же результаты нашего исследования показали, что благодаря мультимедийному способу подачи информации в организации математической деятельности детей достигаются следующие результаты:

- легче усваиваются понятия формы, цвета и величины;
- глубже постигаются понятия числа и множества;
- быстрее возникает умение ориентироваться в пространстве;
- активно пополняется словарный запас;
- формируется координация движений глаз;
- уменьшается время, как простой реакции, так и реакции выбора в решении математических проблемных ситуаций и задач;
- воспитывается целеустремленность и сосредоточенность;
- развивается воображение и творческие математические способности;
- развиваются компоненты наглядно-образного и теоретического мышления.

Бесспорно, что мультимедиа технологии обогащают педагогический процесс, позволяют сделать образование более эффективным, вовлекая в процесс восприятия информации чувственный компонент детей. Так согласно, Г. Кирмайеру, при использовании мультимедийных образовательных технологий, доля усвоенного детьми материала может составить до 75% [1, с 62]. Мультимедийные технологии превращают наглядность из статической в динамическую, то есть появляется возможность отслеживать изучаемые процессы во времени.

Для успешного внедрения этих технологий педагог должен иметь навыки пользователя ПК, владеть умениями планировать структуру действий для достижения цели исходя из фиксированного набора средств; описывать объекты и явления путем построения информационных структур; четко формулировать проблему и задачи.

В рамках нашего исследования был разработан и введен в образовательный процесс дошкольного образовательного учреждения комплекс математических занятий и игр для детей старшего дошкольного возраста с использованием мультимедиа презентаций.

Предлагаем в качестве примера фрагмент занятия «Братья наши меньшие», задачи которого:

1. Упражнять детей в прямом и обратном счете в пределах 10;
2. Развивать пространственные ориентировки детей;
3. Развивать у детей мыслительные операции (сравнение, анализ и синтез, систематизация) на основе зрительно – воспринимаемой информации;
4. Воспитывать самостоятельность, инициативность и интерес детей к математическому содержанию и математической деятельности.

Таблица 1.

Содержание презентации

Содержание слайда	Комментарии педагога
<p>Слайд 1. Дерево и животные на нем и около него: мышка, медведь, кошка, дятел, ворона, сова, белка, воробей, аист.</p>	<p>Здравствуйте дети. Сегодня мы с вами вспомним название домашних, диких животных и птиц. Давайте посмотрим на картинку и назовем всех животных и птиц, которые сидят на дереве и около дерева.</p> <ul style="list-style-type: none"> - Сколько животных и птиц нарисовано на картинке? <ul style="list-style-type: none"> - Сколько птиц нарисовано на картинке? - Сколько животных нарисовано на картинке? - Сколько животных и птиц сидит на ветках дерева? - Кто из животных и птиц сидит на правой стороне дерева? (кошка, ворона, воробей) - Кто из животных и птиц сидит с левой стороны дерева? (медведь, дятел) - Кто из животных лезет на дерево?(медведь) <ul style="list-style-type: none"> - Кто сидит в дупле? (белка) - Кто сидит около дерева? (мышка) - Кто живет на самом верху дерева?(аист) <ul style="list-style-type: none"> - Покажите верх и низ дерева. - Кто живет на самом верху? (аист) - Кто живет в самом низу дерева?(мышка) - Кто живет выше мышки? (медведь, кошка, дятел, сова, ворона, белка, воробей, аист) - Кто живет выше медведя? (кошка, дятел, сова, ворона, белка, воробей, аист) <ul style="list-style-type: none"> - Кто живет выше воробья? (аист) - Кто живет выше аиста? (никого)

	Молодцы! Давайте чуть-чуть отдохнем.
Слайд 2. По экрану ползает гусеница: А) направо – вверх – налево – вниз; Б) снизу вверх; В) налево – вверх – направо – вниз.	Смотрите дети, к нам в гости пришла гусеница. Давайте посмотрим, что она будет делать (зрительная гимнастика). А теперь все закройте глазки, крепко-крепко.
Слайд 3. Мультфильм «Обед (короткий мультик про собаку)» (3 мин.)	Открываем глаза, смотрите, гусеница подарила нам мультфильм. Сейчас мы его посмотрим
Слайд 4. Пес из мультфильма.	Дети, смотрите. К нам пришел пес из мультфильма. Он спрашивает, понравился ли вам мультфильм? А что именно вам понравилось? Какая беда произошла с псом? Давайте вместе придумаем, как псу достать свою миску из-под стола?
Слайд 5. Собака радуется	Дети, вы молодцы! Вы очень порадовали нашего гостя. А сейчас расскажите, что мы с вами сегодня делали?

Результаты внедрения разработанного нами комплекса занятий и игр показали, что использование мультимедиа технологий в организации математического развития старших дошкольников позволяет: повысить степень наглядности абстрактного материала; получить быструю обратную связь; создать эмоциональное отношение к математической информации; активизировать познавательную деятельность детей; реализовать принципы индивидуализации и дифференциации образовательного процесса.

Литература:

1. Арсёнова М. А., Хотякова С.С. Мультимедиа ресурсы как средство математического развития детей старшего дошкольного возраста // Научный аспект. – 2013. – № 4. – С.59-64.
2. Щербакова Е И. Методика обучения математике в детском саду. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 272с.

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА И ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Силинская И.В.,

Панова С.А.

магистранты

Череповецкий Государственный Университет

Институт педагогики и психологии

кафедра дошкольного образования г. Череповец, РФ

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЛИЧНОСТИ ДОШКОЛЬНИКА ПОСРЕДСТВОМ СОТРУДНИЧЕСТВА С СЕМЬЕЙ

В настоящее время в Российском обществе отмечается повышенное внимание к семье со стороны всех социальных институтов. Снижение качества жизни, отсутствие культуры здорового образа жизни приводят к ухудшению физического здоровья и проявлению признаков социального неблагополучия в структуре личности ребенка.

Современной российской семье присущ ряд негативных тенденций, единых для развитых индустриальных стран мира: снижение уровня брачности, нуклеаризация семей, рост числа разводов и неполных семей, снижение рождаемости, упрощение функций и структуры семьи.

В этом контексте становится важным изучение механизмов и возможностей социализации личности ребенка – процесса и результата усвоения активного воспроизводства индивидом социального опыта, знаний, норм поведения, ценностей, отношений, принятых в обществе. К институтам социализации относятся семья, образовательное учреждение, микросреда, социальные группы, общественные организации, средства массовой информации, институты политики, культуры, церкви.

Воспитание в широком плане, как социальная функция, как процесс социокультурного воспроизводства поколения это и есть социализация. А воспитание, как педагогический процесс, направленное воздействие на развитие личности, является функцией одного из агентов социализации – образовательного учреждения [2, с. 92].

На социализирующую, воспитательную функцию семьи оказывает влияние ряд факторов: социальное положение; материальное положение; род занятий родителей; образование родителей; эмоционально-нравственная атмосфера в семье, в том числе мировоззрение и ценности.

Роль семьи в становлении личности исключительна, которую не могут подменить иные социальные институты. Функциональный потенциал семьи в рамках общества огромен. Разрушение семейных связей неизбежно сопряжено с нарушением нормального развития детей и накладывает долгий и неизгладимый отпечаток на всю их последующую жизнь.

Единственный выход из сложившейся ситуации – организация систематической социокультурной и психолого-педагогической помощи родителям в социализации детей. Необходим поиск новых подходов в

организации сотрудничества с ними, изменение содержания и форм взаимодействия с семьей [3, с.57 - 59.].

Главный момент в контексте «семья – дошкольное учреждение» – это личное взаимодействие педагога и родителей по поводу трудностей и радостей, успехов и неудач, сомнений и размышлений в процессе воспитания конкретного ребенка в данной семье. Неценима помощь друг другу в понимании ребенка, в решении его индивидуальных проблем, в оптимизации его развития в соответствии с содержательными линиями развития семьи:

- формирование познавательных интересов ребенка и готовности родителей к педагогической деятельности на основе учета индивидуальных склонностей ребенка;
- развитие умственных способностей, творческого мышления детей;
- становление чувства уважения к ребенку со стороны родителей;
- воспитание социальной адаптивности ребенка образовательному процессу и к жизни в коллективе сверстников;
- формирование в ребенке и в родителях осознания ценности здорового образа жизни;
- формирование эстетического художественного вкуса у ребенка и развитие эстетических чувств родителей;
- социально-нравственное воспитание детей в семье [1, с.79].

Нами выделены основные принципы сотрудничества с семьей в целях обеспечения развития основ личности ребенка дошкольного возраста.

Принцип общего развития каждого ребенка на основе его индивидуальных возможностей и способностей (эмоционального и нравственного развития; эстетического развития; физического развития). Предполагает обеспечение максимально широких возможностей для разностороннего развития ребенка, для выбора каждой семьей своего пути существования с ребенком в соответствии с уровнем развития и ясно намеченных путей продвижения.

Принцип непрерывного развития каждого ребенка. Непрерывное развитие ребенка понимается как постоянно поддерживаемый комплекс умений связанных с сотрудничеством с коллективом детей, взрослых, с разными источниками информации.

Для эффективного решения задач по формированию основ личности дошкольника мы определили следующие направления работы с семьей в условиях современного дошкольного образовательного учреждения:

1. Сближение и тесное взаимодействие разных специалистов образовательного учреждения (педагогов, врачей, психологов, представителей социальных структур).

2. Выработка единых подходов по оказанию всесторонней квалифицированной помощи ребенку и родителям.

3. Постоянная информированность родителей о достижениях российской системы образования.

4. Включение родителей в общее образовательное пространство ДООУ с учетом интересов ребенка, особенностей его развития и состояния здоровья.

В рамках разработанной нами технологии сотрудничества с семьями воспитанников ДООУ, работу с родителями и с детьми необходимо начинать с этапа «Знакомство». На данном этапе проводится многоступенчатое анкетирование, цель которого заключается в определении особенностей воспитания ребенка в семье, в выявлении факторов, оказывающих влияние на социализирующую, воспитательную функцию семьи.

Темы «Мой дом», «Моя семья», «Детский сад» – начальные ступени в работе с ребенком и его семьей. Дети приносят свои семейные фотографии и рассказывают о своих родных.

В ходе организации встреч с родителями детей, которые посещают данное дошкольное образовательное учреждение, главной целью является донести до них сведения о том, что ребенок черпает свой социальный опыт из пережитого и увиденного рядом с собой.

Далее необходимо, на наш взгляд, привлечь родителей к мероприятиям, способствующим совместной деятельности родителей и детей. Это могут быть презентации семейных традиций, родительские чтения, формы с использованием позитивного опыта благополучных семей: «Совместные походы детей и родителей», «Важней всего погода в доме», «Семья и ее роль в воспитании ребенка» и др. Родителей рекомендуется приглашать на выступления, организовывать концерты, проводить праздники семьи. Они могут оказывать помощь в оформлении и проведении выставок, принимать активное участие в жизни детского коллектива, в оснащении предметно-развивающей среды группы, в организации различных конкурсов.

После таких мероприятий родители чаще будут обращаться за советом, становиться более внимательными к детям, больше проводить с ними времени. Эта работа будет способствовать формированию общности интересов детей и родителей, служить укреплению эмоциональной и духовной близости детей и родителей.

В педагогическом просвещении родителей мы предлагаем использовать систему наглядно-информационных форм, которые условно можно разделить на две подгруппы:

- *информационно – ознакомительные*: информационные стенды, которые знакомят родителей с самим дошкольным учреждением, особенностями его работы; с педагогами, занимающимися воспитанием детей;

- *информационно – просветительские*, которые направлены на обогащение знаний родителей об особенностях развития и воспитания детей дошкольного возраста. В группе мы рекомендуем оформить «Уголок для родителей», где могут быть помещены консультативные материалы.

Актуально использовать индивидуальные формы работы с родителями: беседы, консультации, поручения родителям и т.п. Для родителей необходимо организовывать общие консультации, групповые и общие родительские собрания, выставки, лекции; оформлять информационные и тематические стенды; проводить вечера вопросов и ответов, встречи за круглым столом и т. д.

В работе с родителями необходимо привлекать специалистов образовательного учреждения (медицинские работники, социальный педагог,

педагог – психолог, инструктор по физ. воспитанию) и родителям давать необходимые рекомендации на основе подобранной педагогической и психологической литературы.

Литература

1. Дошкольное учреждение и семья – единое пространство детского развития / Т.Н. Доронова, Е.В. Соловьева, А.Е. Жичкина и др. - М.: Линка-Пресс. - 2001.
2. Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М. Г. Ярошевский. - М., 1998.
3. Леонтьева А., Лушпарь Т. Родители являются первыми педагогами своих детей // Дошкольное воспитание. - 2001.- №8.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ.

Кондрашов М.Н.

*ассистент кафедры технологического образования
Саратовский Государственный Университет
имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, РФ*

ФУНКЦИИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ К ОРГАНИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКО-КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Важным в подготовке будущих учителей технологии к организации творческо-конструкторской деятельности является выделение ее функций, позволяющих изучить ее сущность на основании положения о сущности систем как целостных образований, раскрывающихся в единстве их функции и структуры [1]. При этом структура с позиции системного подхода рассматривается как отношения между элементами в системе, необходимые и достаточные для того, чтобы система достигла цели, а функции – способы достижения цели, основанные на целесообразных свойствах системы.

В условиях ускоряющегося развития современного общества изменяется система высшего образования посредством усиления ориентации на утверждение творческих начал в человеке, что согласуется с одной из основных задач, сформулированной на государственном уровне и заключающейся «в создании условий для самореализации молодых людей, причем самореализации на уровне творческой инновационной активности, так как их жизненный успех зависит от личной инициативы, самостоятельности, от способности к новаторству в профессиональной деятельности и творческому труду» [3]. Такая ситуация обуславливает необходимость обогащения уже существующих функций подготовки будущего учителя технологии и изменения специфики имеющихся функций (В.Я. Ляудис) и выделение в них акцента на активную их мыслительную деятельность, поиск нового, желание и умение приобретать знания самостоятельно.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что исследователями отмечаются различные функции в подготовке студентов-технологов. В технологической подготовке А.Н. Сергеев выделяет общеобразовательную, политехническую и профессиональную функции, каждая из которых вносит свой вклад в развитие и воспитание личности студента [4]. Так, например, целевая функция профессиональной подготовки, представляющая собой социальный заказ общества и удовлетворение потребности студентов в качественном, доступном ее процессе, с учетом нашего исследования может быть сведена до подготовки студентов-технологов к организации творческо-конструкторской деятельности школьников.

Взаимосвязанные стороны рассматриваемой подготовки позволяют наряду с традиционными образовательной, воспитательной, развивающей функциями, представленными в педагогической литературе и достаточно полно

описанными, выделить интегрирующую, опережающую и творческо-конструкторскую функции.

Образовательная функция обеспечивает усвоение студентами системы психолого-педагогических, методических и технологических знаний (понятий, теорий, законов, принципов, закономерностей технологического педагогического процесса, знаний о творческо-конструкторской деятельности и ее организации) и соответствующих умений.

Воспитательная функция представляет собой тесную взаимосвязь процесса усвоения основ технологии с освоением технологических ценностей и отношений, с формированием технологической культуры будущего учителя технологии.

Развивающая функция непосредственно связана с развитием личности студента, формированием его профессиональных и технических способностей, положительного отношения к творческому труду, творчеству, к предстоящей технологической и педагогической деятельности, предпочтение в которых отдается личностному развитию школьников в освоении ими творческо-конструкторской деятельности.

Интегрирующая функция предполагает аккумуляцию знаний и умений из различных областей знаний технологического обучения и использование их студентами в решении профессиональных задач, связанных с организацией исследуемого вида деятельности в работе со школьниками. В то же время интегрированы цели, содержание, формы, методы, средства и результат подготовки высшего педагогического образования, касающиеся организации творческо-конструкторской деятельности школьников, как сами по себе, так и в связке с системой общего образования.

Опережающая функция обеспечивает результат подготовки в соответствии с принципом опережающего развития. При рассмотрении взаимодействия двух образовательных систем «вуз» - «школа» она должна осуществляться с учетом целей опережающего развития школьного образования, одной из которых, согласно стандарта, общего образования по технологии является «развитие инновационной творческой деятельности обучающихся в процессе решения прикладных учебных задач» [5, с.14]. Усиление опережающей функции в подготовке будущих учителей, как считает Р.П. Атутов, О.А. Кожина, В.П. Овечкин и др., «инициирует переход теории и практики профессионального обучения на качественно новую ступень развития» [2, с.255].

Творческо-конструкторская функция предусматривает овладение студентами профессиональными знаниями, а именно, психолого-педагогическими, включающими педагогику творчества, технологическими, отражающими основы технического творчества, конструирования и соответствующие им умения и навыки и реализацию творческих и технических способностей.

Отметим, что выделенные функции не претендуют на исчерпывающую полноту в оценке того влияния, которое оказывает изучаемая нами подготовка на развитие личности будущего учителя технологии в целом. Их взаимозависимость объективно обусловлена необходимостью всесторонней

подготовки выпускников, современным этапом развития высшего педагогического образования и вытекает из целевых установок реформирования высшей школы. Рассмотренные функции, прежде всего, раскрывают взаимосвязанные стороны процесса подготовки будущих учителей технологии к организации творческо-конструкторской деятельности школьников в соответствии с их убеждениями, **установками**, потребностями, знаниями, умениями, **качествами личности**.

Литература

1. Ильин В.С. Формирование личности школьника: (целостный процесс) / В.С. Ильин. М.: Педагогика, 1984. 144 с.
2. Концепция формирования технологической культуры молодежи в общеобразовательной школе / Р.П. Атутов, О.А. Кожина, В.П. Овечкин и др. // Школа и производство. 1999. №1 С.5 – 12.
3. Послание Федеральному Собранию о науке, образовании и инновациях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fediz.ru/news/1161.html>
4. Сергеев А.Н. Технологическая подготовка будущих учителей в контексте парадигмальной трансформации образования: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Тула, 2012. 42 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования

Никитовская Г.В.

*преп. кафедры педагогики и современных образовательных технологий
Приднестровский Государственный Университет
имени Т.Г. Шевченко
г. Тирасполь, ПМР, Молдова*

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА

Современное образовательное пространство предъявляет высокие требования к подготовке педагога. Формирующаяся парадигма образования предполагает, что будущий педагог должен обладать творческим мышлением, сочетать необходимый профессионализм и высокий уровень общей культуры.

По мере повышения научно-теоретического уровня и информационной насыщенности содержания образования растет потребность в совершенствовании не только психолого-педагогических и научно-предметных знаний студентов педагогических специальностей, но и в улучшении их культурологической подготовки, вооружении знаниями, необходимыми для осмысления социокультурного контекста воспитания и обучения детей.

В связи с этим, важным условием повышения уровня педагогической культуры будущих педагогов является развитие их общекультурной компетенции, которая интерпретируется как личностная и профессиональная характеристика педагога, показывающая его подготовленность и готовность к приобщению детей к культурно-историческому наследию человечества.

Именно общекультурная компетенция определяет активную жизнедеятельность человека, его способность ориентироваться в различных сферах социальной и профессиональной жизни, гармонизирует внутренний мир и отношения с социумом.

Высокий уровень общекультурной компетенции необходим педагогу для реализации всех трех глобальных целей образовательного процесса: обучения, воспитания и развития детей. Она выступает важной характеристикой педагогической культуры педагога, одним из неотъемлемых показателей его профессиональной подготовки.

Теоретические основы проблемы общекультурной компетенции педагога без использования этого термина рассматривались в трудах классиков педагогики А. Дистервега, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, в педагогическом наследии С.И. Гессена и Н.К. Крупской. В настоящее время имеются исследования по таким проблемам, как влияние общей культуры педагога на успешность его педагогической деятельности (И.Е. Видт), формирования культуры будущего педагога (В.Л. Бенин, Е.В. Бондаревская, Л.И. Орешкина), развитие духовной культуры педагога в профессиональной деятельности (М.М. Мукамбаева) и др.

Классификацию компетенций педагога, в которой впервые появляется термин «общекультурные компетенции» наряду с ценностно-смысловыми, личностными, коммуникативными, учебно-познавательными, информационными и социально-трудовыми дает А.В. Хуторской. Здесь он имеет в виду круг вопросов, по отношению к которым педагог должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это – особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере, а также опыт освоения научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира [1, с 143].

С.Л. Троянская определяет общекультурную компетентность как интегративную способность личности педагога, обусловленную опытом освоения культурного пространства, уровнем обученности, воспитанности и развития, ориентированную на использование культурных эталонов как критериев оценки при решении проблем познавательного, мировоззренческого, жизненного, профессионального характера [3, с 20].

Анализ научно-педагогической литературы и опыта деятельности позволяют предположить, что структура общекультурной компетентности трехкомпонентна. В ее состав входят: когнитивный, ценностно-ориентационный и коммуникативно-деятельностный компоненты.

Когнитивный компонент соответствует такой форме присвоения продуктов культуры как изучение и понимание. Ценностно-ориентационный компонент предполагает приобщение к культуре как передачу ценностей через переживание в процессе духовного общения. Коммуникативно-деятельностный

компонент соответствует операционно-поведенческой направленности и такому способу присвоения культуры как научение и сотворчество.

Наличие поля значимых проблем, способности к их решению, определяют познавательную направленность *когнитивного компонента* общекультурной компетентности. Универсальный характер культуры как целостной системы представляет собой синтез онтологических, гносеологических, аксиологических проблем, решение которых обуславливается уровнем общекультурной компетентности. Таким образом, поле проблем когнитивного компонента составляют: ценностные проблемы социальной деятельности; ценностные проблемы личностного самопознания, самоопределения и саморазвития; мировоззренческие проблемы; проблемы межличностных отношений; проблемы взаимодействия культур.

Освоенное культурно-образовательное пространство является характеристикой *ценностно-ориентационного* компонента в структуре общекультурной компетентности. Ценностно-ориентационный компонент обладает эмоционально-ценностной направленностью, поскольку присвоение продуктов культуры предполагает их чувственное восприятие, эмоциональное, ценностное отношение к ним и определяет содержание представлений и отношение к эталонам и ценностям, воплощенным в научных, философских идеях, произведениях искусства.

На базе освоенного культурно-образовательного пространства происходит формирование способности к культурной деятельности, общению. В учебно-воспитательном процессе это составляет *коммуникативно-деятельностный* компонент общекультурной компетентности.

Педагог, являясь наставником и помощником детей, «содействует» им в процессе их собственного формирования. С другой стороны, ребенок, приобщаясь к культуре, осознает ее, соучаствует в ней, содействует своему полноценному включению в социально-культурную деятельность.

При анализе существующих путей и средств развития общекультурной компетентности будущих педагогов мы исходим из возможностей повышения уровня культуры личности непосредственно в вузе.

Инновационные направления работы по развитию общекультурной компетентности будущих педагогов:

- *маркетинговое* - изучение спроса и уровня развития их общекультурных компетенций;

- *информационное* - создание единой информационной, организационной, методической, коммуникативной среды в вузе;

- *социально-адаптивное*: подготовка к успешному освоению общекультурных компетенций;

- *психолого-педагогическое*: психологическая поддержка будущих педагогов;

- *управленческое*: повышение их общекультурной компетентности.

Работа по развитию общекультурной компетентности будущих педагогов непосредственно в вузе предусматривает такие формы работы, как: лекции; тренинги; практикумы; посещение художественных выставок, музеев и др.

Однако культурно-образовательное пространство будущих педагогов не ограничивается рамками вуза. К источникам, определяющим культурное пространство личности, могут быть отнесены: учебные, научные, художественные литературные источники; источники создания культурных ценностей (театры); источники хранения (музеи) и распространения культурных ценностей (кинотеатры, концертные залы); аудиовизуальные и мультимедийные источники (телевидение, радио, Internet); источники информации о культурных ценностях (газеты, журналы); среда общения (члены семьи, друзья, педагоги, знакомые).

Анализ исследований, связанных с понятием общекультурной компетенции педагога, позволяет сделать вывод о том, что она является неотъемлемой частью педагогической культуры, важной характеристикой личности и профессиональной квалификации современного педагога.

Синякова М.Г. отмечает, что общекультурная компетенция в составе базовых компетенций выступает некой первообразной и фундаментальной составляющей для таких образований, как профессиональная готовность и компетентность, профессионализм, мастерство, индивидуальное творчество и др. Общекультурные компетенции в отличие от других компетенций носят более устойчивый и неугасаемый характер. Так, если профессиональные компетенции могут быть недолговечными (в силу нарастающей смены технологий деятельности, устаревания прикладных знаний и пр.), то базовые компетенции человек пронесит через всю жизнь, имея возможность каждый раз выстраивать на их основе свой новый профессиональный облик [2, с 24].

Тем самым общекультурная компетенция может рассматриваться как основа формирования профессиональной мобильности будущего педагога.

Литература

1. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб.науч. тр. / под ред. А.В.Хуторского. - М., 2007.

2. Синякова, М.Г. Основные подходы к определению сущности общекультурной компетентности бакалавра менеджмента / М.Г. Синякова // Международный журнал экспериментального образования. - 2010. - № 9. - С. 24-25.

3. Троянская, С.Л. Общекультурная компетентность: опыт определения и структурирования / Троянская С.Л. // Культурно-историческая психология. 2008. - №2. - С. 19-23.

Шевченко И.В.

*к.п.н., профессор кафедры технологического образования
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
г. Саратов*

Шамот С.И.

*ст. преподаватель кафедры технологического образования
СГУ им. Н.Г. Чернышевского
г. Саратов*

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Переход к новой образовательной парадигме предполагает отказ от прежних форм организации учебного процесса, ориентирующих будущих специалистов на пассивное восприятие транслируемого преподавателем материала в пользу новых, включающих их в процесс творческого осмысления и преобразования полученной информации. Очевидно, что одной из таких форм является самостоятельная работа студентов, которой при подготовке бакалавров педагогического образования по профилю «Технология» уделяется особое внимание, потому что основной ряд дисциплин, изучаемых ими, наряду с освоением понятийного аппарата, где необходим акцент на запоминание, требует умения применять полученные теоретические знания в решении конкретных практических задач. Учащимся самим при этом необходимо отыскивать способы решения, применять знания для установления, каких-то новых фактов, явлений, и получать новые, ранее неизвестные для них результаты. Именно такие условия создают в образовательном процессе сензитивную среду, способствующую стимулированию личностного и профессионального роста субъектов обучения, что является актуальной задачей высшей школы на современном этапе.

Таким образом, можно сказать, что в направлении повышения качества профессиональной подготовки будущих учителей технологии, важным является разработка содержания и научно-методического обеспечения процесса самостоятельной работы студентов как высшей формы их учебной деятельности. Потому что именно в процессе самостоятельной работы, как отмечают многие ученые (Л.Г. Вяткин, М.Г. Гарунов, В.А. Козаков, Л.В. Шатуновский и др.) в наиболее высокой степени проявляются позитивная учебная мотивация, целенаправленность, познавательная активность, умение самоорганизации, самоконтроль и другие профессионально значимые качества личности, способствующие созданию новых научных результатов, педагогических нововведений, творческих достижений в предстоящей профессиональной деятельности.

Самостоятельная работа студентов является важнейшим компонентом педагогического процесса, интегрирующим различные виды индивидуальной и коллективной учебной деятельности, осуществляемые во время аудиторных и внеаудиторных занятий без непосредственного участия преподавателя или под

его руководством. При реализации многоуровневой системы образования самостоятельная работа является доминирующей среди других видов учебной деятельности студентов, она позволяет представить знания в качестве объекта собственной деятельности. Их познавательная деятельность в процессе выполнения самостоятельной работы характеризуется высоким уровнем активности и самостоятельности, а также является одной из форм приобщения субъекта к творческой деятельности.

Понятие «самостоятельная работа» обучающегося в современной методике преподавания в вузе обязательно соотносится с руководящей ролью преподавателя. Самостоятельная работа понимается как планируемая деятельность студентов, выполняемая по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Являясь активной формой проявления учебной, научно-исследовательской, общественной и творческой деятельности студентов, она представляет собой многостороннее, полифункциональное явление и имеет не только учебное, но и личностное, и социально-оценочное значение.

В современной психолого-педагогической литературе отсутствует общепризнанное определение понятия «самостоятельная работа». Согласно классификации И.А. Новик [2] ряд ученых представляют различные его трактования. Так А.Г. Ковалев, Н.В. Кузьмина, А.В. Усова рассматривают самостоятельную работу как метод обучения, у Б.П. Есипова она представлена как форма организации деятельности обучающегося, М.П. Кашан и Н.П. Кочеткова ее определяют как вид познавательной деятельности, И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин – как средство вовлечения обучаемых в самостоятельную познавательную и практическую деятельность.

В дидактике высшей школы самостоятельная работа рассматривается, с одной стороны, как форма обучения и вид учебного труда, осуществляемый без непосредственного вмешательства преподавателя, а с другой – как средство вовлечения студентов в самостоятельную познавательную деятельность, средство формирования у них методов ее организации. В связи с чем, можно сказать, что основной индивидуально-психологической детерминантой самостоятельной работы является саморегуляция ее субъектов, включающая умения целеобразования, целесохранения, программирования деятельности и оценки ее промежуточных и конечных результатов.

В этом ключе самостоятельная работа рассматривается как целенаправленная, внутренне мотивированная, сконструированная самим субъектом обучения и корректируемая им по ходу процесса деятельность, в структуре которой можно выделить следующие компоненты: цели, мотивы, постановка задач, исполнительские действия, действия контроля и оценки. У студента, должна быть сформирована адекватная система представлений о своих возможностях и умениях, ему необходимо не только уметь понимать предложенные преподавателем цели, но и формулировать их, сохранять ориентацию на них до реализации. Саморегуляция самостоятельной работы будущего учителя технологии предполагает умения моделировать и программировать предстоящую деятельность, т.е. выделять условия, важные

для реализации цели, актуализировать в своем опыте представления об объекте потребности, осуществлять выбор способов реализации и преобразования заданных условий, проводить отбор соответствующих средств для этого преобразования, определять последовательность определенных операций и действий.

Самостоятельная работа включает репродуктивные (воспроизводящие) и эвристические (творческие) действия в учебно-познавательной и научно-исследовательской деятельности студента. В психолого-педагогической литературе выделяются три уровня самостоятельной работы студентов: 1) репродуктивный, предполагающий выполнение тренировочных работ по образцу; 2) реконструктивный, которому соответствует выполнение заданий, направленных на анализ и синтез действий, перестройку решений; 3) творческий, требующий анализа проблемной ситуации и получения новой информации, самостоятельного выбора средств и методов решения.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что важным направлением повышения качества профессиональной педагогической подготовки в вузах является специально организованное целенаправленное обучение студентов приемам самостоятельной работы, которое, на наш взгляд, целесообразно начинать на первом курсе, учитывая высокую активность и сензитивность первокурсников к обучению. В содержание курсов «Технологическое образование» и «Педагогика» был введен учебный материал, направленный на обучение студентов приемам организации самостоятельной работы, который сводится к тому, чтобы на репродуктивном уровне:

- 1) научить студента правильно слушать, воспринимать и записывать лекции;
- 2) научить его самостоятельной работе на практических и семинарских занятиях;
- 3) совершенствовать навыки работы с источниками информации;
- 4) научить правильно конспектировать литературу, готовить рефераты, выступать с докладами.

Для достижения поставленных задач используются следующие приемы:

- смысловой переработки текста, укрупнения учебного материала, выделения в нем ключевых идей, применения основных логических операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, и др.);
- запоминания (структурирование учебного материала, приемы мнемотехники с опорой на образную, визуальную и слуховую память);
- динамического чтения, культуры слушания;
- краткой и рациональной записи (выписки, планы, тезис, конспект, аннотация, реферат, общие приемы работы с книгой);
- сосредоточения внимания (приемы, опирающиеся на использование студентами разных видов самоконтроля, поэтапную проверку своей работы, определение последовательности проверки);

– поиска дополнительной информации (работа с библиографическими материалами, справочниками, каталогами, словарями, энциклопедиями) и приемы работы в библиотеке;

– рациональной организации времени, учета и распределения временных затрат, чередования труда и отдыха, выполнения устных и письменных заданий различной сложности.

Такое отношение к преподаванию учебных дисциплин способствует повышению эффективности самостоятельной работы студентов, вызывает у первокурсников интерес к учебной деятельности в вузе.

Наиболее сложной по содержанию и характеру является самостоятельная работа для студентов 2-3 курсов, что объясняется недостаточной их подготовленностью к этому виду познавательной деятельности. На данном этапе (реконструктивный уровень) они только учатся готовить тезисы своих выступлений по исследуемой проблеме, доклады к конференциям по прослушанным академическим курсам, вузовским и региональным научным конференциям. Здесь же они начинают готовить курсовые работы, в ходе практики (учебной и педагогической) выполняют элементарную экспериментальную работу, по которой готовят отчетную документацию.

В помощь студентам преподавателями кафедры технологического образования обеспечено соответствующее методическое сопровождение учебной, педагогической и производственной практик студентов, различных дисциплин технологической и технической направленности, представлен список основной и дополнительной литературы для ознакомления, разработаны педагогические задачи и ситуации, вопросы для самоконтроля, а также предлагаются задания 3-х уровней.

Первый уровень содержит задания для закрепления, углубления и обобщения знаний по теме, предполагающие заполнить пропуски в тексте, вставить правильный ответ, исправить имеющиеся ошибки, из перечисленных утверждений выбрать верные, дополнить схему, записать в порядке очередности действия, заполнить таблицу и пр.

Второй уровень включает задания на овладение умением приобретать знания.

На третьем уровне предлагаются творческие задания.

Подготовка разноуровневых заданий способствует более глубокому знакомству с учебниками и учебными и учебно-методическими пособиями, формированию навыков работы с дополнительной литературой, развитию творческого потенциала. Обсуждение студентами различных ситуаций школьной жизни способствует развитию у них педагогического мышления.

Основную исследовательскую работу с высокой степенью самостоятельности проводят студенты четвертых курсов (уровень творчества).

Процесс обучения дисциплинам специализации проводится в небольших группах, что позволяет достаточно хорошо оценить такие качества будущих выпускников, как уровень самосознания, адекватность самооценки, организованность, целеустремленность, самостоятельность и др. Исходя из чего, студенту для разработки в выпускной квалификационной работе

предлагается тема, в наибольшей степени соответствующая его личностным качествам и обеспечивающая саморазвитие его способностей.

Таким образом, выстраивание системы самостоятельной работы должно осуществляться по принципу возрастания ее значения, объема, сложности и творческого характера. На последних курсах большой объем самостоятельных заданий должен выполняться в рамках учебно-профессиональной деятельности.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в процессе формирования готовности будущих учителей технологии к самостоятельной работе обеспечивается процесс развития их методической зрелости, навыков самоорганизации и самоконтроля образовательной деятельности. Это является особенно важным, так как предполагает становление будущего специалиста как субъекта профессиональной деятельности, способного к саморазвитию, проектированию и преобразованию своих действий.

Литература

1. Березовин Н.А., Жук О.Л., Цырельчук Н.А. Дидактика: история, теория, технологии. – Мн., 2004.
2. Новик И.А. Формирование методической культуры учителя математики в педвузе. Мн.: БГПУ, 2003. 178 с.
3. Цыркун И.И. Система инновационной подготовки специалистов гуманитарной сферы. – Мн., 2000.

**Зиганшин Ф.Н.,
Зиганшина С.Ф.**

*к.п.н., доцент кафедры педагогики и методики начального образования,
к.п.н., доцент кафедры педагогики
Бирский филиал Башкирского государственного университета
Г. Бирск, Башкортостан, РФ*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Усиливающиеся интеграционные процессы межкультурного взаимодействия стран и народов, «этнический ренессанс» в Российской Федерации, увеличение количества конфликтов на этнической и религиозной почве определяют актуальность поликультурного образования в мировой и российской педагогической практике.

В содержании Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в силу с 1 сентября 2013 года, указывается: «Общее образование направлено на становление и формирование личности обучающегося (формирование нравственных убеждений, эстетического вкуса и здорового образа жизни, высокой культуры межличностного и межэтнического общения, развитие склонностей, интересов и способности к социальному самоопределению) [1].

В данных условиях возникает социальная потребность в организации целенаправленной работы по формированию поликультурной личности, сочетающей в себе системные знания в области национальной культуры,

национального самосознания, ориентацию на духовные ценности, толерантность и способность к межэтническому и межкультурному диалогу.

Одной из приоритетных задач государственной политики в современной России является модернизация системы начального образования, связанная с реализацией основных целей Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования. Изменения в системе начального общего образования направлены на формирование общей культуры младших школьников, их духовное и нравственное, социальное и личностное развитие, на создание условий для самостоятельной реализации учебной деятельности, обеспечивающей развитие творческих способностей, саморазвитие и самосовершенствование [2].

Одним из важных аспектов профессиональной подготовки учителя начальных классов, является на наш взгляд, подготовка к осуществлению профессионально-педагогической деятельности в условиях многонационального коллектива класса (школы).

Россия является полиэтническим государством, характеризующимся существованием множества этнических общностей. Отсюда одной из первоочередных задач образования является создание условий для познания и понимания культур других народов, воспитания толерантных отношений между людьми, принадлежащих к различным этносам при сохранении самобытности каждой культуры, каждого этноса. Значительная роль в формировании культуры полиэтнического общения у школьников, в воспитании качеств поликультурной личности: толерантности, миролюбия, доброжелательности и др., несомненно, принадлежит учителю начальных классов. Учитель является посредником между культурами различных этносов, он учит понимать и принимать традиции, обычаи, культуру народов, совместно проживающих на одной территории.

Поэтому у учителя начальных классов, осуществляющего профессионально-педагогическую деятельность в поликультурной среде, должны быть сформированы следующие поликультурные компетентности.

ПРЕДМЕТНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:

- 1) знание основ этнологии, культурологи, социологии;
- 2) знание основных категорий полиэтнического образования;
- 3) овладение основными понятиями педагогики межнационального общения;
- 4) владение методами полиэтнического обучения и воспитания школьников;
- 5) владение специфическими компетенциями по организации воспитательной работы в поликультурной среде.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:

- 1) знание психологических основ межэтнических отношений;
- 2) формирование системы ценностных ориентаций в процессе межэтнических отношений;
- 3) социальная адаптация (эффективное приспособление к условиям жизни

в современном полиэтническом обществе);

4) умение разбираться в этнопсихологических и этнокультурных особенностях различных народов;

5) умение позитивно использовать этнические стереотипы и этнические образы в профессиональной деятельности;

6) умение развивать личностные качества у обучающихся: миролюбие, толерантность, гуманность, демократичность и др.

7) потребность в присвоении и признании общечеловеческих ценностей;

8) способность обеспечивать сочетание этнического и глобального в формировании национального самосознания.

9) развитие специфических педагогических компетенций полиэтнического образования, мировоззренческих ориентиров в области межнациональных отношений.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:

1) умение создавать в классе атмосферу толерантности, понимания и принятия различных этнических культур;

2) способность строить культурный диалог с представителями различных этносов;

3) готовность толерантно принимать чужие мнения, взгляды, убеждения;

4) умение разрешать конфликты на национальной почве без насилия;

5) заинтересованность и желание сотрудничать с представителями других этносов;

6) воспитание личности, толерантной к этнокультурному разнообразию.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:

1) умение правильно объяснять термины, связанные с полиэтническим образованием: «шовинизм», «национализм», «культурный геноцид», «сегрегация», «ксенофобия» и др.

2) умение реализовывать гуманистические идеи в сфере межнационального общения;

3) применение знаний полиэтнического образования в период педагогической практики;

4) целеполагание, планирование, организация и анализ воспитательной деятельности, связанной с межнациональными отношениями;

5) применение инновационных форм и методов обучения и воспитания в практической деятельности.

Таким образом, формирование профессионально-педагогических компетентностей будущего учителя, подготовка учителя начальных классов к осуществлению профессиональной деятельности в поликультурной среде, являются, несомненно, важными задачами профессионального образования.

Литература:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – М., 2012.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М., 2009.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

**Груздева А.В.,
Егорова Е.В.**

*Студенты кафедры дошкольного образования
Череповецкий Государственный Университет
г. Череповец, РФ*

ОБЕДННОСТИ ВЛИЯНИЯ ДЕТСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Социализация современного ребенка осуществляется в процессе его взаимодействия с многочисленными факторами, группами, организациями, с помощью различных средств и механизмов. Влияния их на личность не только дополняют друг друга, но в той или иной мере рассогласованы и противоречат друг другу. Социализированность ребенка зависит от того, как происходит это взаимодействие в стихийной, относительно направляемой и относительно социально контролируемой социализации.

Поскольку социальная среда явление динамическое, результатом социализации являются новые качества, приобретаемые в процессе социальной жизни ребенка, благодаря возникновению межличностных связей, отношений со сверстниками и взрослыми, общностями и системами. В этом контексте мы рассматриваем социализацию, как процесс усвоения человеком определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества [1].

Безусловно, телевидение, как одно из наиболее доступных для ребенка средств массовой коммуникации, является важным фактором, влияющим на социализацию подрастающего поколения. Однако вклад сегодняшнего телевидения в социализацию личности нельзя оценить однозначно. Недопонимание роли телевидения и другой продукции визуальной культуры в социализации личности пагубно отражается на подрастающем поколении.

С одной стороны, в настоящее время, благодаря средствам массовой коммуникации, у детей происходит формирование определенных жизненных идеалов и ценностей, а также в значительной мере усваиваются роли и правила поведения, транслируемые в телевизионных передачах, фильмах, мультфильмах, сказках, журналах.

С другой стороны, сложно говорить о качестве детских телепрограмм, так как оценивать зачастую приходится низкокачественные мультсериалы с искаженным переводом, закупленные за рубежом. В условиях недостатка передач, предназначенных специально для детей и подростков, происходит их замещение – «поглощение» юным зрителем, в основном, передач, рассчитанных на взрослую аудиторию, а в лучшем случае – предназначенных для семейного просмотра.

Исследование особенностей влияния детских телепередач на социализацию детей в возрасте 9-11 лет (в количестве 60 человек), проходило в два этапа.

На первом этапе было организовано анкетирование детей, в результате которого выявлено: отношение детей к просмотру телевизора, личное отношение к любимым телевизионным героям, а также влияние просмотра телепередач на формирование представлений о себе в будущем. По данным анкетирования, просмотр телевизора у опрошенных занимает последнее место в иерархии занятий. Однако, подавляющему большинству детей (96%) нравится смотреть телевизор. Примерное время просмотра телевизора у данной выборки детей составило 1-3 часа в день. Предпочтительными телеканалами являются: «СТС», «ТНТ» и «Карусель». Они включают в программу телепередач большое количество детских развлекательных и познавательных программ. Однако стоит учесть то, что телеканалы «СТС» и «ТНТ» транслируют в основном зарубежные мультфильмы и телепередачи. «Карусель» является разноплановым каналом, специализированным на детской аудитории.

Любимыми телевизионными героями, большая часть детей (83%) назвала персонажей из мультфильмов, остальные (17%) предпочли реальных людей – ведущих передач, или героев сериалов. Практически все ученики (97%) считают своих любимых героев положительными и стремятся быть на них похожими. Частота просмотра телевизора детьми совместно с родителями и без них – одинакова. Вопрос на выявление представления о себе в будущем отчетливо показал следующие тенденции: на первом месте – выбор реально существующей профессии (60% детей), на втором – роль близкого взрослого (23% детей), на третьем – роль телевизионного героя (17% детей).

В целом, оценивая результаты анкетирования, можно сказать, что поскольку детские передачи и мультипликационные фильмы (а, следовательно, и их герои) пользуются большой популярностью и определяют образ будущего у младших школьников, можно предположить, что данная группа телевизионного продукта оказывает влияние на процесс социализации у детей данного возраста.

Вторым этапом исследовательской работы был анализ продуктов детской деятельности (детских рисунков) у того же контингента детей. Использовалась рисуночная методика, как способ изучения внутреннего состояния ребенка, его переживаний и отношения к значимым для них объектам на экране телевизора. Во время рисования ребенок свободен от ограничений и запретов. Он сосредоточен на себе, на своих чувствах и эмоциях. Поэтому всё, что появляется на бумаге – это отражение его мыслей и отношение к чему-либо.

Участникам эксперимента было предложено нарисовать любимого героя из мультфильма, на листе формата А 4. Они не ограничивались в выборе цвета и принадлежностей для рисования. В результате исследования были выявлены три группы детей, характеризующиеся взаимосвязью между личностными характеристиками и особенностями изображения.

Первую часть детских рисунков (39%) мы отнесли к изображениям позитивного характера. Объекты располагаются в центре, или по всей области листа. Расположение объекта рисунка в центре – признак нормальной, уверенной личности, чувствующей себя в безопасности. Наблюдается умеренная штриховка и незначительные факты стирания, что говорит об

уверенности ребенка в своих действиях и благополучном внутреннем состоянии. Таким образом, данная группа детей характеризуется эмоциональной стабильностью и спокойствием.

Вторую часть рисунков детей (28%) мы отнесли к рисункам пограничного характера. Нельзя назвать их негативными, но и позитивных сторон в них наблюдается мало. Расположение объекта на листе разнопланово: в центре, вверху и нижней левой части листа. Особенно беспокоит расположение внизу, что отражает чувство незащитности, возможно, заниженную самооценку. Изображение на краю листа – неуверенность в себе, потребность в одобрении, поддержке, боязнь самостоятельных решений. На рисунках присутствуют многочисленные факты корректировки, что говорит о неуверенности детей в себе. Наблюдается усиленный, переменчивый нажим и штриховка, характеризующие нестабильность и импульсивность. Рисунки этой группы в основном малых размеров, что предполагает наличие чувства дискомфорта у ребенка.

Третью часть рисунков (33%) мы отнесли к рисункам негативного характера. Большинство изображений в рисунках располагается по всей области листа, они имеют достаточно большие размеры, что определяет агрессивную, экспансивную натуру, зачастую лишенную чувства меры. Работы отличаются наличием сильного и очень сильного нажима при рисовании, что трактуется как психологическое напряжение детей. Наблюдается акцентирование на штриховке: усиленные и жесткие штрихи рассматриваются нами как признаки агрессивности и упрямства у детей. На некоторых рисунках присутствует прорисовка дополнительных деталей – оружие, изображение зубов говорит о детской агрессии. В данной группе есть дети, которые скрывают лицо своих любимых героев маской, либо вообще их не прорисовывают.

Исходя из особенностей рисунков, мы сочли возможным разделить детей на группы: благоприятную группу, характеризующуюся эмоциональной стабильностью и спокойствием; промежуточную группу, которую характеризуют нестабильность и импульсивность; неблагоприятную, представители которой отличаются беспокойством и агрессией.

Влияние телевидения, безусловно, индивидуально. Во многом оно зависит от психических особенностей ребенка, а также от окружающего его психологического и социального климата. Ярким подтверждением этому являются характеристики групп, описанные выше. Дети своеобразно видят и воспринимают мир вокруг себя, в частности и любимых героев телепрограмм. Часто дети видят себя в будущем в качестве какого-либо героя из мультфильма, или сериала. Они стремятся быть во всем на них похожими. Однако не каждый такой герой может подавать хороший пример для ребенка. Воздействие телевидения на личность ребенка многогранно и противоречиво, поэтому родителям и педагогам следует контролировать просмотр телепрограмм и выбирать для ребенка наиболее интересные и соответствующие его возрасту передачи. Важно стремиться как можно чаще обсуждать просмотренное с

ребенком. Это снизит возможность того, что ребенок неправильно поймет ту или иную ситуацию, увиденную на экране.

Литература:

1. Мудрик А.В. Социализация человека : учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / А.В. Мудрик. – М.: Издательский центр «Академия», 2006 . – 304с.

2. Спрафкин Д.Н., Либерт Р.М., Поулос Р.У. Влияние показываемых по телевидению примеров просоциального поведения на поступки детей, выражающиеся в оказании помощи // Р.Л.Солсо, Х.Х.Джонсон, М.К.Бил. Экспериментальная психология: практический курс. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – С. 422-430.

3. Харрис Р. Психология массовой коммуникации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 320 с.